

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

892841
63.3(4Укр)61
С30
УДК

Махно

Подлинная история

С. Н. Семанов

АСТ
ПРЕСС

красно

С. Н. Семанов

Махно

Подлинная история

14813

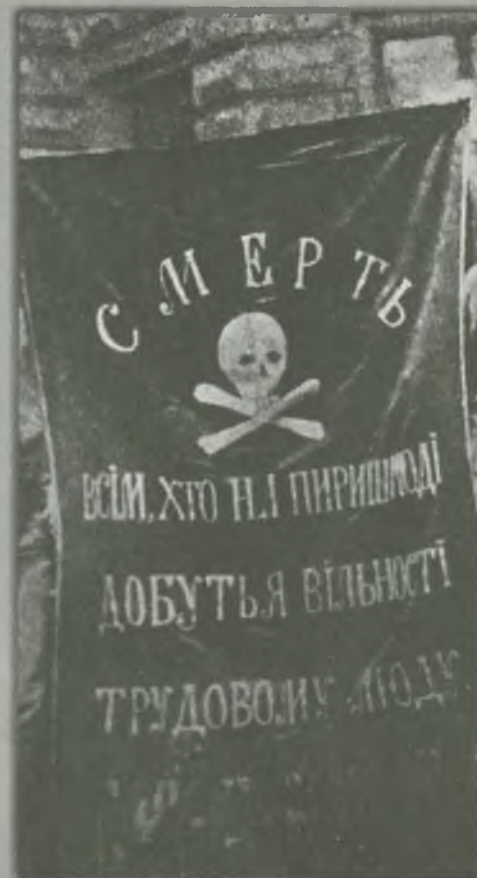
**АСТ
ПРЕСС**

Москва
«АСТ-ПРЕСС»
2001

Церковь
в Гуляй-Поле,
где крестили
младенца
Нестора

На знамени
махновцев начертаны
слова: «Смерть всем,
кто мешает добиться
воли трудовому
народу»

Махно
и его сподвижники
в разгар Гражданской
войны

Нестор Махно
и его командиры

Яков Свердлов –
жестокий «президент»
Советского государства

Лев Троцкий –
злой гений революции

Нестор Махно
и легендарный
красный командир
Павел Дыбенко.
1919 год

Иосиф Сталин
высоко оценил
боеспособность войска
батяки Махно

Нестор Махно
в 1918-м.
Он уже «батько»

Галина Кузьменко
(сидит вторая справа)
среди своих
учеников.
1918 год

Супруга Махно
не была похожа
на «роковую красавицу»
из кинофильма

Виктор Белаш – начальник штаба повстанческой армии

Зловещий Левка Задов

Александр Лепетченко – один из ближайших соратников Махно. Расстрелян красными в 1920 году

Разве узнаешь в этом человеке грозного батьку Махно? Париж, конец 20-х годов

Грустное фото.
Он скоро уйдет,
а его дочери Елене
предстоит трагичный путь.

Галина Андреевна
Кузьменко в конце
жизни. Горькая судьба
сделала ее мягче.

Перед смертью

Боль минувшего

*Дорогим
Любови Владимировне
и Валентине Николаевне
посвящается*

Четвертого апреля 1968 года из Джамбула в Ленинград на имя автора этой книги было отправлено письмо. Некая пожилая дама писала:

«Мы жили тогда в пригороде Парижа Венсене в маленькой меблированной квартирке, состоящей из одной небольшой комнаты с кухней. Семья наша состояла из трех человек: меня, мужа и одиннадцатилетней дочери. Осень 1933 г. Я безработная, муж довольно тяжело болен, дочь ходила в школу. Муж болел туберкулезом легких еще со времени заключения в Бутырской тюрьме в Москве, где он отбывал каторгу, закованный по рукам и ногам, где провел девять лет и откуда его как политического заключенного освободила революция. Из тюрьмы он вышел без одного легкого, и теперь изнемогало и второе его легкое, также пораженное туберкулезом. Кроме того, его мучил последние пару лет и туберкулез костей. Были поражены два ребра, на которых постоянно образовывались большие болезненные шишки, наполненные гноем. Еще беспокоила его незаживающая рана на ноге, прострелен-

ной в одном из боев разрывной пулей. На эту ногу он хромал. Из раны время от времени выходили осколки разрывной пули.

Однажды в русской газете «Последние новости» (выходила в Париже с 1920 по 1940-й, редактором с 1921-го был П. Н. Милюков. — С. С.) я прочла объявление, что в один русский детский пансион-интернат требуются работницы. Я пошла по указанному адресу и устроилась на работу в качестве прачки в пансион для русских девочек в Кенси, а муж больной остался один дома. По воскресеньям я его изредка навещала. Часто навещали его многие товарищи. Зимой ему стало хуже, и приблизительно в марте месяце 1934 года мы его поместили в один из французских госпиталей в Париже.

По воскресеньям я часто навещала его в госпитале. Здесь я встречалась с многочисленными его товарищами, как русскими, так и французами. Часто бывал у мужа один эмигрант из бывших белогвардейцев из войск Юденича, некто Яков Филиппович Карабань. А познакомились мы с ним, живя в одном отеле на одном этаже в Венсене. Он частенько заходил к нам, подолгу беседовал с мужем и был всегда желанным гостем.

Несмотря на пребывание в госпитале, здоровье мужа не улучшалось. В июне месяце врачи решили сделать операцию — (вынуть) удалить два пораженных туберкулезом ребра. В конце июня однажды вечером я зашла к нему в госпиталь. Он был очень уставший, измученный и ослабевший. На мой вопрос: «Ну, как?» — он ниче-

го не ответил, только из глаз его покатались слезы. Я тоже заплакала. Говорить нам больше было не о чем... Я поняла, что ему тяжело, что жизненные силы покидают его, что он уже больше не жилец на этом свете. А через несколько дней ко мне на работу в Кенси приезжает на такси один товарищ Максим и говорит: «Собирайся, Галина, сейчас же едем в Париж, Нестор умирает».

Я взяла дочь, спустилась к заведующей и заявила ей, что я сейчас с дочерью уезжаю в Париж, так как отец моей дочери и мой муж умирает. Мы сели в такси и поехали. Часов в пять вечера мы были уже в Париже, в госпитале. Муж лежал на постели бледный, с полузакрытыми глазами, с распухшими руками, отгороженный от остальных большой ширмой. У него было несколько товарищей, которым, несмотря на неурочный час, разрешили здесь присутствовать. Я его поцеловала в щеку. Он открыл глаза и, обращаясь к дочери, слабым голосом произнес:

— Оставайся, доченька, здоровой и счастливой!

Потом закрыл глаза и сказал:

— Извините меня, друзья, я очень устал, хочу уснуть...

Пришла дежурная сестра. Спросила его:

— Как чувствуете себя?

На что он ответил:

— Дайте ужин. Принесите кислородную подушку.

— Сейчас, — ответила сестра и принесла ему кислородную подушку.

С трудом, дрожащими руками, он вставил себе в рот трубочку кислородной подушки, и сестра попросила нас всех удалиться и прийти завтра утром.

На следующее утро, когда мы зашли в палату, то увидели, что кровать, на которой лежал муж, пуста и ширмы у кровати не было. Один из соседей-больных сказал, что сегодня утром около шести часов муж перестал дышать. Пришла сестра, закрыла ему лицо простыней, и вскоре его вынесли в мертвецкую. Это было 6-го июля 1934 года. Сестра сдала мне одежду мужа, его часы и прочие мелкие вещи, и мы пошли в мертвецкую. Здесь лежал покойник с восковым, очень спокойным лицом. На груди его сочилась рана после операции. Один из товарищей снял с лица мужа маску, и через пару дней мы его хоронили на кладбище Пер-ла-Шез. Тело его было сожжено в крематории, и урна с прахом замурована в стене».

Да, грустно читать эти строки... Смерть любого человека трагична, каким бы он ни был грешным. И все же попытаемся предположить, о ком идет речь. Кто так смиренно и кротко расстался с жизнью в нишей больнице, в одиночестве и неприкаянности? Скромный служащий, трудяга-неудачник, запутавшийся в жизни интеллигент, разорившийся искатель богатств?..

Нет и нет. Имя героя этого рассказа всего за несколько лет до его кончины гремело по всей России, отголоски славы по всему миру разносились. Имя его отдавало порохом, кровью, потом

боевых коней, ружейным маслом, ременной сбруей пулеметных тачанок. Стало символом нашей Гражданской войны, кровавой и беспощадной, русской лихости и удали, презрения к своей и, к великому нашему несчастью, чужой жизни.

Звали этого человека Нестор Махно. Его жизни, его горькой и такой поучительной судьбе посвящена эта книга.

* * *

В начале 60-х годов теперь уже прошлого века, в пору краткой хрущевской «оттепели», я, молодой научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР, как и ряд моих сверстников-историков, с головой окунулся в изучение истории Гражданской войны. Время для того было, по нашим понятиям, благоприятное: архивы, ставшие широко доступными в конце 50-х, еще не успели «закраться», в академических институтах и изданиях сохранялось пока известное свободомыслие.

Какие только мы не находили богатства, благополучно пролежавшие десятилетия в спецхранах, чего только не переписывали — так, на всякий случай, а уж как горячо и свободно обсуждали прочитанное! Кое-кому из нас эта работа потом пошла впрок. Мне, как теперь понимаю, особенно повезло. Я наткнулся на ряд острейших сюжетов переломного периода истории России. Один из этих сюжетов — о Махно.

В самом конце 65-го, будучи в Москве, я робко заявился в солиднейший академический журнал «Вопросы истории». Смущаясь своей дерзости, зашел в отдел отечественной истории (всё там ныне как было!). Едва ли не запинаясь, предложил: статья, мол, о Махно... Надо сказать, что в ту пору такое предложение выглядело не только неожиданным, но и «идеологически невыдержанным», я на успех почти не надеялся. И вдруг ответ: «Пишите и присылайте как можно скорее!» Сказавшим это редактором оказался Андрей Николаевич Сахаров, ныне известный академический историк и писатель. Сейчас-то легко говорить, но тогда решиться на такое мог только отважный человек.

И я погрузился в забытые, с трудом читавшиеся, замшелые, по большей части запрятаные за железной дверью спецхрана источники. И разворачивалась жуткая картина. Кровь, казалось, капала с выцветших страниц книг и газет, смертный запах поднимался от неряшливо составленных документов, людские стоны звучали за корявыми текстами приказов...

Статья о Махно была написана быстро и горячо, с ходу опубликована, получила большой отклик у нас и за рубежом. Правда, тут же мне стали пенять на погрешности в «классовых оценках» (особенно свирепствовали украинские товарищи) — я не сказал о том, что Махно выражал интересы «кулаков» или иной части «мелкой буржуазии», но дело было сделано. Статье повезло: узкая щелочка тогдашней гласности вскоре

вновь и надолго закрылась. И то сказать, за четверть века, прошедшие со времени той публикации, в нашей печати не появилось ни одной(!) более или менее серьезной работы о таком крупном и знаменитом историческом явлении, каким, несомненно, была махновщина.

По поводу удачной публикации, по обычаю того времени, устроили банкет. Насладившись отменной ресторанной кухней, не единожды пустив под потолок пробки из-под шампанского, мы разошлись, дело забылось, начинались новые.

Но... вскоре история с публикацией в малотиражном ученом журнале получила неожиданное продолжение. В марте 1968 года в наш институт пришло письмо из казахстанского города Джамбула. Письмо очень сухое и осторожное — некая Г. Кузьменко хотела бы связаться с С. Н. Семановым, автором статьи в «Вопросах истории», для уточнения некоторых подробностей по затронутой им теме. Кузьменко? Эта фамилия была мне знакома. Неужели?..

Получить письмо от супруги и соратницы знаменитого Махно, подумать только! Из видных предводителей Гражданской войны к тому времени в живых оставались только Ворошилов и Буденный, но им шел уже девятый десяток, пора для подробных бесед о былом безнадежно миновала. Давным-давно ушли из жизни красные командармы и белые генералы, атаманы повстанцев и вожаки партизанских отрядов. И вдруг объявился живой свидетель, да еще такого масштаба! Не колеблясь, я решился на встречу, хотя об-

щаться с «бывшими» приходилось весьма осторожно. Например, к В. В. Шульгину, депутату Думы, участнику событий Гражданской войны, проживавшему тогда во Владимире (всех «бывших» вообще старались держать за пределами столиц), ездили «на поклон» многие из нас, однако и наблюдение за тем велось зоркое. Ясно, с какой стороны.

Вот почему первое свое письмо Галине Андреевне я составил в выражениях очень сдержанных, не упомянув даже имени Махно, — разумная предусмотрительность. Ведь он не был «реабилитирован», как воевавшие с ним Антонов-Овсеенко или Якир, а мало ли какие у Кузьменко были соседи по дому и вообще «соседи»... На мою просьбу прислать какие-либо документы, фотографии, газеты того времени или личные воспоминания Кузьменко ответила по-деловому быстро. И уже это письмо принесло исключительно интересную информацию.

...Большой лист стародавней бумаги в линейку густо исписан с обеих сторон, даже полей нет. Вверху заголовок: «Моя биография», а строкой ниже (видимо, по подсказке) — «Автобиография». В углу приписка явно позднего происхождения: «По возвращении для ОВИРа». Написано письмо грамотно, почерком угловатым, резким, но рука водила пером с большим напряжением — отдельные буквы и слова получились несколько корявыми. Бросаются в глаза слишком высокие прописные и строго закрытые округлые буквы («а», «о», «б», «д»); согласно графологии

это соответственно означает: честолюбие, доходящее до деспотизма, а также скрытность. Не знаю, как вообще, но в данном случае графология не солгала. Итак, цитируем без малейших изменений первую половину документа (о другой половине — позже):

«Родилась я, Галина Андреевна Кузьменко, в городе Киеве 28 декабря 1896 года (все даты в письме до 1917 года даны по старому стилю. — С. С.). Отец мой, крестьянин Андрей Иванович Кузьменко, служил тогда на железной дороге. Мать, Доминикия Михайловна Ткаченко, по происхождению крестьянка. Когда мне было лет десять, отец бросил службу и переехал с семьей в родное село Песчаный Брод Херсонской губернии, Елисаветградского уезда, взял у братьев свой надел земли, шесть десятин, и стал заниматься земледелием. По окончании двухклассной школы я поступила в Добровеличковскую учительскую семинарию, которую и окончила в 1916 году. Первое учительское место получила в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии в двухклассной школе. Учительствовала здесь один учебный год 1916–1917. На следующий учебный год уехала в Киев и поступила в Университет Св. Владимира. Одновременно работала в Министерстве труда в качестве заведующей столом личного состава Министерства. Через год вернулась снова в Гуляй-Поле и стала преподавать украинский язык, физику и естествознание в гимназиях мужской и женской. Весной 1919 года сошлась с Нестором Ивановичем Мих-

ненко — Махно, который в то время был командиром Повстанческой армии и держал фронт белых под командованием Деникина». В таких кратких и самых общих словах она представлялась сама сотрудникам МВД в 50-х годах, — по их требованию, надо полагать.

Мы вступили с Галиной Андреевной в оживленную переписку, но она писала о себе, а главное — о Махно и махновщине, очень скупое, — сказывалась осторожность, приобретенная ею за долгие годы заключения в советских лагерях. Значит, надо ехать из Ленинграда в Джамбул, за несколько тысяч верст, и там попытаться узнать у этой единственной свидетельницы грозных событий необходимые сведения, иначе они навсегда погибнут для нашей истории, и без того не слишком богатой подлинными источниками.

Получив казенную подорожную (официально я отправлялся в командировку для работы в историческом архиве Джамбульской области), взял у своего друга магнитофон (по нынешним временам весьма неудобный) и... оказался наконец в Джамбульском аэропорту, крошечном, как автобусная станция на проезжей дороге. Здесь, у кассы, меня обещала ждать Галина Андреевна.

Естественно, я пытался представить себе мою героиню. Ну, все мы рабы традиций, не нами рожденных. Так вот, еще в пору войны посмотрел я кинофильм «Александр Пархоменко», имел он тогда огромный успех, а у мальчишек военного времени — тем паче.

Какие актеры в нем были заняты! Пархоменко — народного героя без страха, упрека и корысти играл Александр Хвьяля; самого Махно — великий и всенародно любимый Борис Чирков, он создал образ этакого Стеньки Разина XX века, многие до сих пор Нестора Ивановича именно таким и представляют. Однако главное тут для нас в ином — жену Махно сыграла ослепительная киноактриса Татьяна Окуневская, сыграла столь же блистательно, сколь и далеко от исторической правды.

Актрисе во время съемок шел только двадцать третий год, но на ее счету было уже несколько приметных ролей. Ясно, что постановщики фильма о личности подлинной Галины Кузьменко знали очень мало, поэтому и не помогли Татьяне Окуневской понять истинный характер своей героини.

Вот она и создала образ «роковой красавицы», злого гения при романтическом бандите. Образ получился впечатляющий и надолго запомнился зрителям, но...

У крошечного помещения кассы затерянного в казахстанской степи аэропорта встретил я сухую, худощавую женщину — из тех, что уже давно не заботятся о своей внешности: скромненький платочек, кое-какое платьице, домашнего изготовления кофточка не первого года носки, стоптанные туфельки. Очень высокая (в молодости явно возвышалась над своим низкорослым, согбенным после каторги, а позже — хромым от ранения мужем), она обращала на себя внима-

ние лбом мудреца, крупными, правильными чертами лица. Но особенно впечатляли глаза — темно-карие, глубоко сидящие, с внимательным, даже сосредоточенно-настороженным взглядом. И сразу, сквозь полувековой туман, после перемен стольких жизненных декораций, становилось ясно: да, в такую женщину мог влюбиться, а главное — прислушиваться к ней знаменитый, лихой и беспощадный атаман!

Впоследствии подтвердилось и первое впечатление от почерка: Галина Андреевна оказалась натурой сильной и незаурядной, неописуемо тяжелая жизнь не сломила ее характера, цепкий природный ум не ослабел и к семидесяти годам, а осторожность стала порождением той жуткой эпохи, в которую ей довелось жить.

Итак, начали мы работать с Галиной Андреевной. Длилось это с неделю, не меньше, беседовали ежедневно по несколько часов. Иногда я записывал ее слова на магнитофон, но чаще делал почти стенографический конспект. И хоть мы были взаимно дружелюбны, ее не покидала настороженная сдержанность, скупость в описании подробностей и характеров. Убежден, что некоторые сведения, и немаловажные, остались сокрыты, но обвинять собеседницу я не вправе: пережившая столько тягот, обманов и разочарований, как она могла довериться так вдруг незнакомому человеку, не близкой для нее среды и другого поколения?..

К тому же имелись у Галины Андреевны и иные основания к сдержанности. Еще в самом

конце 50-х, в разгар «оттепели», обратилась она с обычной тогда просьбой о реабилитации. Но в то время реабилитировали с немалым отбором. 30 июня 1960 года из Киева на бланке Прокуратуры Украины пришел ей ответ:

«По Вашему заявлению Прокуратура УССР изучила дело, по которому Вы были осуждены. Материалами дела виновность Ваша доказана, и оснований для реабилитации не усматривается.

Заместитель начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Г. Малый».

Вот так и доживала свой век больная старуха, на восьмом десятке остававшаяся «контрреволюционеркой», то есть преступницей, на «законных» основаниях... Только в середине 70-х родственники некоторых махновцев после долгих хлопот стали наконец получать справки «об отсутствии состава преступления». Но о том позже.

Так же сдержанна, однако еще более своенравна была и дочь Нестора Ивановича — Елена. О ней, впрочем, речь пойдет в конце книги, судьба несчастной женщины вполне заслуживает, чтобы о ней рассказали, но это — сюжет особый, «боковой». Здесь же не удержусь лишь от одного замечания: уж очень была похожа Елена на отца — и внешне, и, полагаю, характером.

Нет, всего не сделаешь и всех сведений не соберешь. Свою работу историка, как теперь видится, я выполнил добросовестно, хотя прекрасно понимал, что опубликовать полученные материалы в ближайшее время не удастся.

Впрочем, многие тогда работали, как говорили, «в стол», в надежде на лучшее будущее, так что я тут не исключение. Бумагам пришлось пролежать без всякого применения более двадцати лет.

К счастью, все сохранилось: письма Галины Андреевны и некоторые документы, мои записи, несколько фотографий даже. Ну а переписка наша вскоре естественным образом заглохла: о чем еще говорить, о чем спрашивать? Я занялся делами, которые казались мне тогда чрезвычайно важными. Что ж, дело житейское. И только теперь, когда Галина Андреевна давно скончалась, а мне довелось заново вернуться к истории маховского движения, я понимаю, какое богатое наследство я получил. Воздаю искреннюю признательность ее памяти.

Имя Нестора Махно широко известно. Оно постоянно поминается в энциклопедиях и исторических трудах, несколько раз возникает на страницах «Тихого Дона» Михаила Шолохова, а в «Хождении по мукам» Алексея Толстого дано подробное описание и самого Нестора Ивановича, и его окружения. Ну а разного рода повестушки, кинофильмы, журналистские рассказы — все это в оные годы хлынуло могучим потоком, который, впрочем, уже давно иссяк: старая схема исчерпана, а для нового, объективного освещения этой темы требовалась доступность архивов.

В Гражданскую Нестор Махно был вожаком и даже подлинным символом народного движения на обширной территории Юга России. Долгое время разрозненные отряды повстанцев, именовавшие себя маховцами, сопротивлялись войскам интервентов, красных, белых, петлюровских националистов и, несмотря на слабое вооружение и неважную организацию, сопротивлялись вполне успешно, порой одерживая

весьма впечатляющие победы. Махновщина обросла преданиями, фольклором, осталась в народной памяти, особенно на Левобережной Украине — родине атамана.

Осмыслить эту народную стихию, понять ее и правильно оценить — дело нелегкое. Впрочем, то же самое можно сказать о всех крупных явлениях российской истории двадцатого столетия. Омертвелые схемы и догмы слишком долго закрывали от нас подлинную картину, к тому же не раз и не два сменяясь новыми «антисхемами» и «неодогмами». Не станем никого ругать, но вот себя осудить не грех, даже полезно. Моя нашедшая когда-то статья заканчивалась четким и недвусмысленным приговором: «Четыре года бушевал пожар махновщины на Левобережной Украине. Жестокий огонь ее обжигал и другие районы страны. Ограбленные города, свернутые в спираль железнодорожные рельсы, разоренные заводы и кровь, море человеческой крови — вот то наследство, которое оставила махновщина народам России и Украины, не принеся ничего взамен». Суровый приговор, ничего не скажешь.

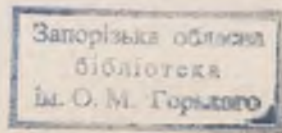
Да, так-то оно так... Только вот известно все же, что кровь лили в ту пору красные и белые, зеленые и желто-голубые, анархисты и монархисты, «свои» и «чужие». И города грабили. И рельсы и водокачки портили. Значит, дело не только в жестокостях — сколько их пережила тогда несчастная наша страна?! Надо разобраться во всем спокойно, и, конечно, начать следует с вы-

яснения личности того человека, что дал имя махновщине.

Облик Нестора Махно в истории до сих пор не вполне познан, а первые тридцать лет его жизни вообще скрыты в историческом тумане, который уже вряд ли когда-нибудь удастся развеять. Но начнем с года рождения. В первых наших справочниках (1930-й) указывался 1889-й. Затем появилась новая дата — 1884-й. Это отразилось и в зарубежных изданиях. Так, в немецкой энциклопедии 1939 года (Лейпциг, том 7) уточнено: 27.10.1884. То же повторялось в справочниках на многих языках довольно долго. В своей статье я указал обе названные даты, и вот — приходит вскоре письмо из тех, которые любят получать все историки, — доброжелательный отклик на публикацию.

Писал мне редактор издательства «Советская энциклопедия» Юрий Шебалдин — талантливый и образованный историк, он очень рано скончался. После вежливого комплимента в адрес моей статьи он сделал исключительно ценное фактическое дополнение: «Хочу обратить твое внимание на то, что Н. И. Махно родился не в 1884 и не в 1889 г. Недавно мы получили справку гуляйпольского загса, согласно которой Нестор Иванович Махно родился 27 октября 1888 г. Родители: отец — Махно Иван Родионович, мать — Махно Евдоксия Матвеевна. Оба православные». (В 30-томной Большой Советской Энциклопедии, выходящей в 70-е годы, в 17-м томе есть моя статья о Махно. Увы, там да-

897841

та его рождения неверна. Меж тем в рукописи все было указано правильно. По выходе тома я потребовал объяснения, и мне смущенно сказали, что кто-то в редакции решил, будто я сделал опisku... Приходится объяснять это четверть века спустя. Когда еще появится новая Большая Энциклопедия? — С. С.)

Ценнейшие сведения — с тех пор и у нас, и за рубежом наконец узнали истинную дату рождения Нестора Махно. Что ж, с удовольствием о том вспоминаю.

И еще. Галина Андреевна рассказала мне в свое время, что настоящая фамилия ее свекра была Михненко (а не Махненко — популярная тогда среди малороссов), но уличной кличкой Ивана Родионовича почему-то стала именно Махно. Отсюда и фамилия его сына. Вдова не могла ошибиться, ибо слышала эту историю не только от покойного мужа, но и от многочисленной его родни, которую хорошо знала.

Итак, установлены дата рождения Нестора Махно, имена его отца и матери. Теперь очень важно описать место, где он появился на свет, и общественную среду, где вырос и получил основы воспитания. Тут нам поможет забытый ныне, но поистине бесценный источник сведений о природе и быте России начала минувшего века, о нем — хоть несколько слов.

Еще при Пушкине и Лермонтове родился в Рязанской губернии дворянин Петр Семенов. Прожив долгую жизнь (он скончался накануне Первой мировой войны), сделался крупнейшим

в России и известным всему миру географом, а за выдающиеся путешествия в Центральную Азию получил от императора Александра II почетный титул «Тян-Шанский»; под этим именем и сохранился Петр Петрович в памяти потомков — Семенов-Тян-Шанский.

В начале прошлого века под его редакцией стала выходить в свет капитальная и совершенно своеобразная энциклопедия «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Это поистине всеобъемлющий справочник: в нем даны сведения о населении, хозяйстве, растительности и животном мире, климате и т. д. — вплоть до рыночных цен и расписания поездов. В общей сложности появилось одиннадцать томов, хотя намечалось двадцать, — смерть составителя, а главное, начавшиеся в России войны и смута не дали завершиться изданию.

В 1910 году вышел в свет том «Новороссия и Крым» с предисловием самого П. П. Семенова-Тян-Шанского. Оно написано с краткостью истинного таланта, легко и свободно, поэтому мы приведем тут хотя бы небольшой отрывок:

«Новороссия, состоящая из губерний Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, области Войска Донского и Ставропольской губернии, занимает южную окраину Европейской России... Инстинкт части русского населения, недовольной внутренними распоряжениями Московского и Польско-Литовского государства, гнал ее завоевывать на их окраинах вольные степи Черноморья. Это движение на-

чалось в XVI веке — из Московского государства так называемыми «рязанскими казаками», обратившимися в «донскую казачью вольницу», а из Польско-Литовского государства — «малорусскими казаками», образовавшими «Запорожскую Сечь»... Только Потемкину — этому «великолепному князю роскошнейшей Тавриды» — удалось неразрывно соединить всю Новороссию с остальной равниной Европейской России...

Населенная, по приглашению Потемкина, сильными разнообразными этнографическими элементами, во главе с великоруссами и малоруссами, Новороссия начала сгущать свое население и разрабатывать под земледелие свои девственные степи со сказочной быстротой. Этот процесс еще более ускорился, когда во второй половине XIX века сеть железных дорог соединила ее с центральными частями Европейской России и стали разрабатываться богатейший Донецкий каменноугольный бассейн и железнорудное Криворожье...»

Да, Новороссия в начале века развивалась стремительно и бурно, быстро процветала. Ну а что же Гуляйполе, родина Нестора, нашлось ли этому скромному, но вскоре столь знаменитому селу местечко в многотомном семеновском справочнике?

Нашлось, конечно, ибо описание нашей страны велось в том издании с такими подробностями, к которым мы сейчас не приучены вовсе. «По грунтовому торговому тракту лежит волостное се-

ло Верхнеднепровского уезда Гуляй-Поле (раньше бытовало такое написание. — С. С.) с населением в 500 душ». Это крошечный отрывок из главы с описанием Екатеринославской губернии.

Уточним, что сведения эти, как указано в книге, относятся к 1900 году. Но в 10-х годах прошлого века — время, которое нас сугубо интересует, — Гуляйполе необычайно разрослось: там появились предприятия, обрабатывающие продукцию сельского хозяйства, две гимназии, земская больница, многочисленные ремесленные мастерские.

Бурное хозяйственное развитие края сопровождалось всеми классическими пороками, присущими раннему капитализму: наглым высокомерием новоявленных богачей, униженным положением бедных и обездоленных слоев, откровенным насилием как способом решения едва ли не любых вопросов.

Резко выступали пережитки старых помещичьих времен: громадные имения — и забытые, малограмотные батраки, на службе у хозяев — вооруженная стража. Казалось, правды искать негде, отчего решительные и смелые люди, особенно молодые, тоже тянулись к насилию — ответному, как они думали. Добавим, что теплые края нижнего Приднепровья, где продуктов питания было вдоволь, и причем баснословно дешевых, привлекали множество неудачников из иных мест России и Малороссии, что, конечно, никак не разряжало здесь социальную напряженность, скорее наоборот.

Основным ядром населения были украинцы и выходцы из России, но имелись и устойчивые поселения немцев, болгар, греков. На территории края проживало много евреев — как правило, в рассеянии, но подчас и относительно большими группами, сосредоточиваясь в так называемых местечках. Здесь, как и во всей Южной России, отмечалась невиданная в других частях страны пестрота языков, нравов, обычаев и вер. В целом до начала Гражданской войны межнациональные отношения складывались тут довольно мирные, без острых столкновений, в отличие, скажем, от Правобережной Украины, Белоруссии и Прибалтики и особенно Царства Польского, то есть российской части Польши.

О семье, детстве и юности Махно почти ничего не известно. Еще при жизни в Париже опубликовал он малым тиражом воспоминания. О них стоит рассказать, тем паче что ныне во всем свете сохранилось их, видимо, с дюжину экземпляров, не более. Называлась небольшая книга «Нестор Махно. Русская революция на Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.). Кн. I». Издатель — «Федерация анархо-коммунистических групп Северной Америки и Канады, Париж. 1929». В 90-х годах парижское издание воспроизвели только в Киеве, причем очень малым тиражом.

Когда эта книжка, подготовленная бедной общиной разношерстных эмигрантов, вышла в свет, Махно было едва за сорок — расцвет жизни для мужчины! Однако вряд ли он радовался:

мемуары не вызвали никакого общественного интереса, даже откликов в русской зарубежной печати, весьма разнообразной в ту пору. Но вот что характерно: никаких сколько-нибудь примечательных подробностей о своем происхождении и юности Махно не сообщил. И дело совсем не в том, что не слишком образованный атаман повстанцев в повествовательном ремесле не был искусен (Галина Андреевна рассказала мне о том, что составляли мемуары мужа, даже писали за него совсем иные лица, — об этом позже). Просто в революционной российской среде главным считалось общественное, прежде всего — сама революционная деятельность, о ней и полагалось говорить или вспоминать, а семейное, личное — это от лукавого, то есть безусловно буржуазного.

Тем не менее сдержанный в проявлении чувств Нестор Махно на склоне рано закатившейся жизни все же не смог не вспомнить о своем происхождении. Хотя сделал это, по обыкновению, чрезвычайно кратко, даже как бы мимоходом.

«Отец мой — бывший крепостной помещика Шабельского, жившего в одном из своих имений, в деревне Шагаровой, что в семи верстах от села Гуляй-Поля, Александровского уезда Екатеринославской губернии. Большую часть своей жизни он прослужил у того же помещика, то кнутом, то воловником.

Ко времени моего рождения... он оставил уже службу у помещика и поступил кучером к гуляй-

польскому заводчику, богатому еврею Кернеру. Отца своего я не помню, так как он умер, когда мне было только одиннадцать месяцев. Мы, братья-сироты, остались на руках несчастной матери, не имевшей ни кола, ни двора.

Смутно припоминаю свое раннее детство, лишенное обычных для ребенка игр и веселья, омраченное сильной нуждой и лишениями, в каких пребывала наша семья, пока не поднялись на ноги мальчуганы и не стали зарабатывать сами на себя.

На восьмом году мать отдала меня во 2-ю гуляйпольскую начальную школу. Школьные премудрости давались мне легко. Учился я хорошо. Учитель меня хвалил, и мать была довольна моими успехами. Так было в начале учебного года. Когда же настала зима и река замерзла, я по приглашению своих товарищей стал часто вместо класса попадать на реку, на лед. Катанье на коньках с сотней таких же шалунов, как и я, меня так увлекло, что я по целым неделям не появлялся в школе. Мать была уверена, что я по утрам с книгами отправляюсь в школу и вечером возвращаюсь оттуда же. В действительности же я каждый день уходил только на речку и, набегавшись, накатавшись там вдоволь с товарищами, проголодавшись, — возвращался домой. Такое прилежное мое речное занятие продолжалось до самой Масленицы. А в эту неделю, в один памятный для меня день, бегая по речке с одним из своих друзей, я провалился на льду, весь измок и чуть было не утонул. Помню, когда сбежались

люди и вытащили нас обоих, я, боясь идти домой, побежал к своему родному дяде. По дороге я весь обмерз. Это вселило дяде боязнь за мое здоровье, и он сейчас же разыскал и сообщил обо всем случившемся моей матери. Когда явилась встревоженная мать, я, растертый спиртом, сидел уже на печке. Узнав, в чем дело, она разложила меня через скамью и стала лечить куском толстой скрученной веревки. Помню, долго после этого я не мог сидеть как следует на парте, но помню также, что с этих пор я стал прилежным учеником.

Итак, зимою я учился, а летом занимался к богатым хуторянам пасти овец и телят. Во время молотбы гонял у помещиков в арбах волов, получая по 25 коп. в день.

По окончании начальной школы я то служил у помещиков, то учился и работал в красильной мастерской, а поднявшись немного и окрепнув, поступил в гуляйпольский чугунолитейный завод, в литейный цех.

В 1906 году, когда революция была уже подавлена, я вступил в кружок молодежи украинской группы хлеборобов анархистов-коммунистов. В конце 1906 года я был заподозрен в убийстве стражников, схвачен и предан военно-полевому суду. Вскоре меня оправдали и освободили. По освобождении я продолжал свою работу в группе, которая то жила открыто, то временноми надолго уходила в подполье».

Тут все же придется сделать маленькую оговорку. Нет никаких сведений, что в Гуляйполе

имелся чугунолитейный завод. Махно был человеком искренним, никаких живописных легенд о себе не сочинял, но в данном случае, видимо, упомянул о заводе потому лишь, что истинному революционеру тогда полагалось быть с «пролетарской закваской».

Итак, сам Нестор Иванович о своем происхождении мало что рассказал. К счастью, у него нашелся биограф, причем самый натуральный. Человек он столь важный для нашей книги, о нем столько еще будет говориться, что представить его необходимо.

То был известный в революционных кругах анархист, он звался и подписывал свои печатные произведения «Петр Аршинов», но в скобках иногда ставил затем «Марин». Что тут фамилия, а что кличка, не ясно (впрочем, обе могли быть псевдонимами, у профессиональных революционеров их имелось порой несколько). Был он ровно на десять лет старше Махно, происхождения неясного, в 1906-м примкнул к анархо-коммунистам, взорвал полицейский участок в Екатеринославе, потом стрелял в начальника железнодорожных мастерских, попал под арест, но бежал. С 1907 по 1910 год жил в Париже, вернулся в Россию. Здесь его поймали, за старые грехи полагалась бы Аршинову петля, но социальная напряженность уже несколько спала, дали ему двадцать лет каторги, посадили в Бутырскую тюрьму. Там и встретился он с молодым Нестором Махно, сделал его своим воспитанником, обучил анархистским теоретическим верш-

кам и стал его мрачной тенью на всю жизнь. Видимо, это был сильный и неглупый человек, — даже полвека спустя Галина Андреевна отзывалась о нем весьма уважительно.

Аршинов-Марин прошел с Махно всю Гражданскую войну, затем перебрался в Берлин, где гнездились тогда остатки российских анархов (так называли тогда в разговорной речи членов анархистских организаций и групп). В 1923 году он выпустил свою известную книгу «История махновского движения (1918–1921)». К ее содержанию и автору еще не раз придется обратиться, но сейчас отметим вот что: в книге приведены краткие данные о ранних годах Нестора; Аршинов-Марин, неоднократно бывавший в Гуляйполе, конечно, многое знал. Его сведения — основной тут источник, а также — скуповатые подробности, изложенные Галиной Андреевной. Есть и множество разного рода сплетен, опубликованных в бульварной печати, нашей и эмигрантской, но их надо просто-напросто отбросить.

Например, даже в солиднейшем эмигрантском издании «Архив русской революции» (Берлин, 1921) печатались пошлые байки, будто Махно убил «из корыстных целей» своего брата, за что, дескать, и получил каторгу... Или в годы нэпа вышла брошюра некоего Н. Герасименко, где о Махно размазывались страшные истории, а об участниках движения с размахистой решительностью говорилось: «Вечно пьяные, открытые паразитами, страдая кожными и иными

болезнями, разнося всюду заразу, они бессмысленно гибли...» Пили махновцы вряд ли больше, чем представители иных воюющих сторон Гражданской, а тифозные вши ели их так же, как красных или белых.

Есть веские основания полагать, что брошюра Герасименко была выпущена с целью очернить махновское движение, а для вящей убедительности ее снабдили подзаголовком «Мемуары белогвардейца». (Любопытно, что в 1990 году один московский кооператив переиздал эту желтую книжицу и стал продавать по бешеной цене, — а ведь уже тогда имелись весьма серьезные старые книги о Махно, и его собственные воспоминания, кстати.)

Вот сводка достоверных сведений: Нестор родился четвертым сыном в семье бедного селянина. Иван Родионович, по некоторым догадкам, был не безгрешен: леноват, не пренебрегал горилкой. Скончался не старых лет. Ни достояния, ни доброго имени своим четырем наследникам не оставил. Всех своих старших братьев Нестор Махно пережил: один в юности отравился вишневыми косточками и умер (имени его мы не знаем), Савелий и Григорий в Гражданскую сражались в его отрядах и оба погибли — первый от рук красных, другой — от рук белых.

Дальше — ничего доподлинно известного, но представить, что происходило с Нестором, нетрудно: нищенское детство, крохи образования, незавидные перспективы. Действительно, в двенадцать лет окончил начальную школу,

а потом пришлось ему зарабатывать на пропитание поденным трудом. Так встретил он первый год двадцатого столетия. Нестор, несомненно, был натурой одаренной и страстной, а такие качества проявляются рано; горячий и вспыльчивый, он остро чувствовал несправедливость (подлинную или казавшуюся таковой), природная же отвага толкала его на действия прямые и резкие. А тут наступил грозный 1905 год, когда Россия словно сорвалась с места и покатила по кручам и пропастям. Нестор Махно, как и многие его сверстники, был одновременно и героем и жертвой начавшегося неслыханного катаклизма. Судьбе его предстояло определиться рано.

Грозными предвестниками будущих бурь стали крестьянские волнения в Восточной Украине в 1902 году. Предыдущий год оказался неурожайным. Хотя тяжкого голода не случилось, но многие селяне попадали в кабалу к богатым, проедали запасы, резали племенной скот. Давнее раздражение накапливалось, а в марте 1902-го, с приближением весеннего сева, начались захваты крестьянами помещичьих земель. Тут же неизбежно возникали пожарища и разгромы имений с сопутствующими хаосом и взаимным озверением. Власти ответили, как обычно: ввели войска, и хоть крови не пролилось, до тысячи мужиков посадили (ненадолго, правда), а еще больше — просто побили нагайками или чем придется. Войска удалились, и все пошло по-старому.

Гуляйполе и его окрестности оказались на окраине волнений, но и там кипели страсти, нака-

лялась взаимная вражда. Тринадцатилетний Нестор, впечатлительный и нервный, не мог на все это смотреть хладнокровно. Тщедушный и малорослый подросток, сирота, живущий в бедности, — ясно, какие чувства он должен был тогда испытывать, какая пружина ненависти сжималась в его душе: ах, вы так... ну, постойте же! А кто эти «вы», в чем олицетворяется мировое зло, у него сомнений не имелось — офицеры и чиновники в форменных мундирах, богачи (мужчины и женщины в нарядных, как ему казалось, одеждах) и вообще все те, кто стоит за эту постылую власть.

Нестор продолжал поденщичать, занимаясь чем придется. Никто им не интересовался, мать с утра до ночи пеклась о хлебе насущном, братья перебивались, как и он, а от православной веры Нестор отстал с детства. Почему, как — можно только предполагать, но о том дружно говорят все свидетельства. Некому было ни пожалеть бедного юношу, ни приласкать, ни успокоить. Зато вкрадчивые наставники, хотя их имен уже никто и никогда не узнает, наверняка нашлись...

Как ни покажется странным, но революция 1905 года, называемая у нас первой русской революцией, изучена пока очень плохо — куда хуже Октябрьской, а также войн Гражданской или Отечественной, если уж говорить о крупнейших трагедиях новейшей истории России. Вот уже почти столетие миновало с той поры, написаны горы томов, разнообразнейших, ученых и не очень, но все это — наброски, отрывки, этюды,

частности, иногда достоверные, а чаще не очень, общей картины пока не создано.

Трудно, трудно дать тут спокойную, выдержанную оценку! Много лет занимаясь данным сюжетом, перечитав прорву книг и документов, все больше убеждаюсь, что в России воцарилось с того самого 9 января тысяча девятьсот проклятого пятого года какое-то безумие, общественное помешательство, социальная эпидемия. Все слои общества загалдели каждый по-своему, но друг друга не слышали, взаимно раздражались и, вспомнив не ко времени совет одного известного кабинетного революционера, стали «звать Русь к топору».

На зов, к сожалению, откликнулись, да еще как! Впрочем, топор за полвека со дня памятного революционного манифеста устарел — технически, так сказать: его успешно заменили динамит, многозарядный пистолет и даже броненосец, захваченный возбужденной матросней. Не хочется, да и места нет рассказывать обо всем подробно. Но одно, очень важное для определения судьбы гуляйпольского юноши Нестора Махно, надо отметить. С краткой до гениальности простотой это выразил один из безымянных героев «Тихого Дона», тот подлинный «глас народа», словно из самых глубин прозвучавший: «Подешевел человек за революцию». Отчеканено было уже на исходе Гражданской, когда опыт — от топора до восставших кораблей и целых войсковых соединений — накопился предостаточный.

С конца 1905 года стрельба из-за угла и взрывы динамитных бомб-самоделок стали в России некой привычной повседневностью. Революционно-террористическое безумие охватило целые слои незрелой молодежи, а многие образованные дяди одобрительно хлопали и даже помогали «потерпевшим». Убивали мелких чиновников, рядовых полицейских... нет сил перечислять, но вот одна трагикомическая гримаса: очень много пострадало учителей греческого и латыни.

Возникает естественный вопрос — уж их-то за что? Ан нет, логика здесь была. Предметы сложные, требующие терпения и прилежания, а тут юношей увлекает революция, да не отличников, как правило, а троечников и второгодников, чем же защищаться от произвола «реакционной педагогики»? Ясно чем. И вот скромным преподавателям античных языков подкладывают динамитные снаряды, благо приобрести их тогда на Руси было легче, нежели ныне колбасу... Нелепо, страшно, однако именно так и происходило.

Из этих общих соображений нетрудно определить действия молодого и вспыльчивого Нестора, к сдержанным воспоминаниям которого нам следует вернуться и снова обратить внимание не только на его лаконизм, но и на истинную, а не показную скромность. Ах, как любили расписывать свои подвиги в юности многие «профессиональные революционеры»! Иные столько наплели о себе, что почтенным историкам пришлось их потом деликатно поправлять. Совсем иначе

обстоит дело с позднейшими рассказами Махно. А вот ему-то как раз и было о чем вспомнить.

«В конце 1907 года я был вторично арестован. Меня обвинили в целом ряде политических убийств и экспроприаций. Однако следствием это не было доказано, и, спустя несколько месяцев, меня под залог имущества одного заводчика выпустили из тюрьмы. В это время группа сильно преследовалась со стороны полиции. Полицейские агенты и стражники так и рыскали по району и выхватывали отдельных товарищей. В августе 1908 года по показанию члена нашей группы Альтгаузена, оказавшегося, как мы потом узнали, провокатором, я опять был схвачен и посажен в тюрьму. В марте 1910 года я во главе шестнадцати обвиняемых был осужден одесским военно-окружным судом в г. Екатеринославе и приговорен к смертной казни через повешение. 52 дня сидел я под смертным приговором, после чего, благодаря несовершеннолетию в момент преступления, а отчасти благодаря хлопотам матери, смертная казнь была заменена мне бессрочной каторгой».

Вот и все, что рассказал о своих революционных подвигах анархист-террорист. Напомним современному читателю, что «экспроприация» есть тогдашнее обозначение вооруженного грабежа с целью добыть средства на нужды революции, — случаев таких на Руси было тогда превеликое множество. Но из краткого отрывка все же не совсем понятно, за что именно Махно приговорили к столь суровой мере наказания?

К счастью для нашего повествования, удалось отыскать публикацию в журнале «Каторга и ссылка» за 1927 год о гуляйпольской группе анархо-коммунистов, точнее — о процессе над ней. Публикация сумбурная, бестолковая, но сводку достоверных фактов по ней можно составить. Летом 1906-го в Гуляйполе сложилась террористическая группа. Во главе ее стали Вольдемар Антони (он и снабдил мальчишек оружием) и Александр Семенюта (любопытно, но, по уже сложившейся в таких делах традиции, оба после ареста юных сподвижников благополучно укрылись в Париже). Группа ставила своей целью борьбу со всеми «богатыми» за «свободу народа». И пошло-поехало.

В суховатом тексте обвинительного заключения перечислялось: 5 сентября 1906-го трое юношей с лицами, измазанными сажей, отняли у торговца Брука 151 рубль и золотые часы... 13 сентября того же года у промышленника Карнера — 425 рублей и слиток серебра... В августе 1907-го напали (в масках) на купца Гуревича, но неудачно — племянник поднял тревогу... Ну, и так далее. Наконец, 19 октября 1907-го попытались ограбить почтовую повозку, ничего не взяли, однако убили двух человек. Разумеется, вскоре всех выследили и взяли, отдали под военный суд сразу шестнадцать молодых людей.

Юного Нестора Махно, деятельного члена террористической группы, тоже схватили. Ему вменили в вину участие в бандитском нападении на Брука, Карнера и Гуревича, что считалось по

тогдашним законам преступлением весьма тяжким. За это, конечно, не отвечали эмигранты, призывавшие «бить всех под корень», — они благополучно отдыхали на живописных берегах швейцарских озер...

В 1910 году в Екатеринославе состоялась долгая и томительная для подсудимых волокита судебного заседания (тогда еще не изобрели стремительных «троек» или жутких «ОСО»), преступление было злодейским, приговор ясен: смертная казнь через повешение. Но... в момент преступления Нестор еще не достиг совершеннолетия, ему не исполнился двадцать один год. Приговор пошел на перерассмотрение, попал к ново назначенному военному министру генералу В. А. Сухомлинову (личность столь же известная, сколь и темная), и тот заменил казнь бессрочной каторгой (потому и занимался Сухомлинов этим мелким делом, что грабежи, в которых участвовал Махно, были совершены в его Одесском военном округе). Позже, в первой эмигрантской печати 20-х годов, Сухомлинова — тоже эмигранта — упрекали за «либерализм»; упрек несправедлив: в данном случае он поступил по закону.

В 1910 году (более точных данных нет) Махно отправляют в Москву, в Бутырскую каторжную тюрьму. Судьба его отныне определилась окончательно — он стал, как с гордостью говорили о себе многие ему подобные, профессиональным революционером. В Бутырьках довелось ему провести около семи лет. Тут тоже нужны пояснения.

Современному читателю словосочетание «царская каторга» кажется чем-то литературно-ту-манным: «Записки из Мертвого дома», Катюша Маслова, знаменитая песня «Слышен звон кандалный»... На эту зыбкую в общем-то картину нахлобичились позднейшие и куда более знакомые ужасы Колымы и Магадана.

Так вот, само это страшное слово — каторга — греческого происхождения, в буквальном переводе — галера, то есть гребное судно, где на веслах сидели подневольные люди, как правило намертво прикованные к скамье (в случае гибели корабля они вместе с ним уходили на дно, — чудовищная судьба!).

Отсюда понятие «каторга» стало в переносном смысле обозначением не только суровости наказания, но и привлечения узника к особо тяжкому подневольному труду.

Старая Россия не знала каторги: она возникла, как и многие иные заимствования с Запада, хорошие и худые, при Петре Великом. Каторжным трудом возводился Петербург, строились каналы, добывалась руда. Однако даже при Петре галерами управляли вольные солдаты, а не рабы, прикованные к скамье. Впрочем, после Петра наказание каторжными работами не имело в России такого широкого распространения, как на Западе и в его колониях в XVIII и XIX веках.

История каторги в послепетровской России изучена хорошо, легко доступна всякому любознательному читателю. Этим мы обязаны обширному исследованию Михаила Николаевича

Гернета — «История царской тюрьмы» в пяти томах, последний из которых вышел в 1956-м, через три года после кончины автора. Большой и ослепший ученый не смог отделать свой труд с должной академической тщательностью, но до сих пор наилучшая и самая добросовестная сводка материалов по данному вопросу принадлежит старому российскому юристу, который окончил Московский университет еще в позапрошлом веке. Его работой мы и воспользуемся.

Итак, Нестор Махно получил бессрочную, то есть пожизненную, каторгу. В 1910 году по всей России насчитывалось 28 742 каторжника, но большинство их составляли уголовники, совершившие наиболее тяжкие преступления. Политических насчитывалось около 5000 — одним из них стал в том же году Махно. В подавляющем числе то были участники вооруженных и террористических выступлений: эсеры, анархисты, члены большевистских боевых дружин, воинствующие националисты, прочие деятели крайне революционного толка.

Теперь, в начале XXI века, после огромного печального опыта количество «политических» в 5000 душ не кажется таким уж большим, но в ту пору представления о масштабах злодейств были совсем иными. Действительно, после революции 1905–1907 годов случаи взаимных жестких расправ резко участились, многократно увеличилось и число каторжных приговоров. Старых каторжных тюрем не хватало, пришлось строить новые или переделывать

прежние. Как, например, тюрьму в Бутырках, существовавшую на тогдашней окраине Москвы еще с семнадцатого столетия. Увы, под знаком этого «прогресса» в нашей стране прошел почти весь XX век...

Махно был в том ряду не первым, а главное — не последним. Зажженное им пламя обожгло не только его самого «со товарищи» — много позже воронка разросшегося тюремного ада всосала его жену и дочь.

Тяжесть наказания в немалой степени определяет своеобразную иерархию в тюремной среде. Махно осудили на «бессрочную», и хоть он был молод, это придавало ему соответствующий «авторитет». По выборочным данным М. Н. Гернета, в описываемое время пожизненное заключение имели только восемь процентов каторжан — Махно в их числе. Так он изначально оказался на вершине внутритюремной пирамиды, что давало ему некоторую нравственную опору — важнейшее приобретение той жизни, — а также материальную поддержку сокамерников: для бедняка, каким он был, это уже немало.

Зато в смысле образовательном и идеологическом Махно, безусловно, числился среди последних. Согласно приблизительным прикидкам Гернета, среди каторжан преобладали люди низших социальных слоев. Вот данные тогдашней отчетности судебного ведомства: «земледельцы» (крестьяне) — 28,5 процента, чернорабочие (к ним, надо полагать, отнесли и Махно) — 12,6 процента, фабрично-заводские рабочие —

20,5 процента, ремесленники — 19 процентов, итого по всем четырем категориям — свыше четырех пятых узников, подавляющее большинство. Ясно, что почти все они были малограмотные, а так как тогдашние революционеры очень почитали теоретические предметы (доступные им по преимуществу в «популярных» брошюрах), то авторитет «теоретиков» был среди того своеобразного общества весьма высок.

Из кого же состояла каторжная элита? Преподаватели и учащиеся (большинство, конечно, из последних) — 5 процентов, аптекари и фельдшеры — 0,8 процента, врачи — 0,1 процента. Выразительная арифметика! Убивали несчастных приставов, городских и служащих банков «низшие» — молодые работяги и прочие, они и кончали потом жизнь на виселице или томились на каторге: «образованные» же, как правило, скрывались в безмятежной Швейцарии или на сопредельных пространствах, столь же благополучных. И вот что весьма любопытно: среди «политических» Гернет не упоминает ни одного университетского приват-доцента или гимназического учителя. «Образованность» в той среде понималась именно как осведомленность в содержании тощих эмигрантских брошюр и — особенно! — умение вести по поводу них бесконечные споры («дискуссии») — высшая степень революционно-идеологической подготовки.

Каторжанин представляется нынешнему гражданину прежде всего как «человек с тачкой», «человек с кайлом». Весьма неточное пере-

несение образов современности на прошлое. В Бутырках каторжане не занимались никакими принудительными работами, трудились они сугубо добровольно: такова была привилегия так называемых политических заключенных. Да, тюрьма не сахар. Распорядок строг, тюремщики, люди ожесточенные, охотно и не всегда справедливо применяли разного рода наказания — чаще всего карцер, а также ручные и ножные кандалы, ограничения в пище и т. п.

Нет слов, тяжело все это воспринималось тогда, особенно после миролюбивого девятнадцатого столетия. Но все же... Библиотеки в политических каторжных отделениях были превосходны и, что удивительно, содержали даже нелегальную литературу, включая пресловутые революционные брошюры (Гернет один такой случай описывает весьма подробно). Переписка с родными и близкими, по сути, не ограничивалась, любым литературным изысканиям и записям не ставилось препон, существовала и не пресекалась без крайних поводов каторжанская «самодетельность»: хоровое пение и т. п.

Все так. Но Махно и его сотоварищи понятия не имели о будущем ГУЛАГе, поэтому и сравнивать свое положение с чем-то худшим попросту не могли. Кроме того, наказание за убийство простоватого полицейского или второстепенного чиновника они воспринимали как вопиющую несправедливость: мы за свободу трудящихся, а нас... Прошло много десятилетий, прежде чем выяснилось, действительно ли желали настоящие

трудящиеся такой «свободы» и кем оказались самозванные радители за их счастливую долю...

...Февральская революция грянула внезапно и круто развернула всю жизнь России. Она оказалась совершенно неожиданной и для правительства, и для консервативных сил, и для самих революционеров. Волшебным образом переменялась вдруг и судьба Нестора Махно, который из двадцати восьми лет своей жизни девять провел в тюремных камерах. Дата его триумфального исхода из Бутырок известна совершенно точно: 2 марта 1917 года. (Напомним, что «новый стиль» был принят по советскому декрету от 26 января 1918 года, в нашей книге все датировки приводятся в соответствии с этим календарным рубежом.)

В своих воспоминаниях Нестор Махно буквально в нескольких словах поведал о тяготах семилетней каторги — неприятно, видимо, ему о том рассказывать, зато освобождение он живописал весьма подробно, с очень характерными деталями.

«Каторгу я отбывал в московской центральной тюрьме. Сидя в тюрьме и до суда, и после, и даже в московской каторге я делал попытки к бегству, но все эти попытки оканчивались неудачей.

В течение всех семи лет сидения в московской тюрьме я не покидал заниматься самообразованием, пользуясь богатой библиотекой, находившейся при тюрьме, и услугами более образованных товарищей политических — учителей и студентов. С особым усердием изучал три любимейших

отрасли знания — историю, географию и математику.

Наступил 1917 год. Грянул гром, вспыхнула революция, и тюремные двери раскрылись.

Помню, 1 марта, часов в 8—9 вечера нас начали освобождать. Об этом освобождении никто из заключенных ничего не знал. Все знали и видели, что по одному—по два человека из отдельных камер куда-то зачем-то вызывают, а обратно не приводят. Нам не говорили, куда и зачем уводили этих людей, и это для нас было загадкой. Загадка эта нас всех мучила и беспокоила. Мы терялись в догадках и начинали нервничать. Помню, было около часу ночи. Из 25 человек в камере осталось только 12; остальные были куда-то уведены. Несмотря на столь поздний для тюрьмы час, мы, оставшиеся еще в камере, нервничая, мучаясь неизвестностью, спать и не собирались ложиться. Наконец — свисток. Поверка. К нам в камеру заходит дежурный помощник начальника тюрьмы и с ним какой-то неизвестный нам военный. Дрожащим от волнения голосом спрашиваю: «Господин помощник, будьте добры, объясните нам, куда и зачем увели наших товарищей?» Услышав мой вопрос, помощник быстро произнес: «Успокойтесь и не волнуйтесь. Нашей стране дал Бог переворот, объявлена свобода, к которой примкнул и я. Кто имеет 102 статью (статья о принадлежности к политическим партиям), тот завтра обязательно будет освобожден. Сейчас комиссия по освобождению устала и поехала отдыхать».

Сказав это, он вежливо раскланялся с нами, чего раньше никогда не делал, и вышел из камеры. Многие из нас от радости подпрыгнули чуть ли не до самого потолка. Другие со злобой, посылая проклятия по адресу комиссии по освобождению политических, заплакали. Когда я спросил их: «О чем вы плачете?», то они мне ответили: «Мы десятки лет томимся по застенкам тюрем и не устали, а они (комиссия) там на воле поработали всего только несколько часов и уже устали. А вдруг восторжествует снова контрреволюция, и мы останемся опять на долгие годы в этих гнусных застенках...»

Эти слова многих из нас натолкнули на разные мысли, и на час-другой каждый из нас погрузился в уныние... сколько тревог, надежд и волнений уместилось в наших душах...

Рассвет... Спать в эту ночь никто из нас не ложился. Каждый погрузился в самого себя и с нетерпением ожидал утра, а с ним обещанного освобождения. Какой бесконечно желанной, прекрасной и дорогой нам, бессрочникам, казалась в эти минуты свобода. И, не получив еще ее, как мы волновались, как трепетали наши сердца в тревоге, в страхе, что у нас ее, свободу, или вернее — мечту о ней, отымут.

Мы настолько изнервничались за эти несколько часов, настолько каждый из нас вошел в себя, что мы возненавидели друг друга... Время шло страшно медленно, и часы казались вечностью. Наконец-то среди мертвой тишины камеры послышался шум говора со двора и раздался вы-

стрел. Окно нашей камеры выходило на широкий двор тюрьмы с церковью и с большой площадью впереди нее. Услышав шум и выстрел, мы все моментально ринулись к окну. Видим, вся площадь тюремного двора заполнена солдатами в форме конвойной команды. То и были конвойные, которые кричали: «Товарищи заключенные, выходите все на свободу. Свобода для всех дана!»

Из окон тюремных камер послышалось: «Камеры заперты». «Ломайте двери!» — все, как один, крикнули конвоиры. И мы, недолго думая, сняли со стола полуторавершковую крышку и, раскачав ее на руках, сильно ударили ею по двери. Дверь открылась. С шумом, с криком выбежали мы в коридор и направились было к другим камерам, чтобы посоветовать, как открыть дверь, но там без совета проделали то же, что и мы, и все уже были на дворе.

Тогда мы поспешили все к воротам, ведущим на одну из улиц Москвы. Там были уже тысячи каторжан, и каждый из них спешил первым выйти на улицу. На Долгоруковской улице по дороге к городской думе всех нас выстроили по четыре человека в ряд для регистрации, как пояснили нам. Вдруг видим, летят от городской думы военные и гражданские и с возмущением в голосе кричат конвоирам: «Что вы наделали!.. Обратного в тюрьму! Освобождение будет производиться по порядку». И нас моментально схватили войска и загнали обратно в тюрьму. Среди криков и проклятий моих товарищей в адрес и властей,

и комиссии по освобождению просидел я еще часов 5—6. Наконец заходит какой-то офицер в чине поручика с какими-то бумагами в руках и кричит: «Кто такой Махно?» Я откликнулся. Он подошел ко мне, поздравил со свободой и попросил следовать за ним. Я пошел. Товарищи бросились за мной вдогонку, плачут, бросаются на шею, целуют: «Не забудь напомнить о нас...»

По дороге этот офицер многих еще вызывал, и, следуя за ним, мы пришли в привратническую. Здесь на наковальне солдаты разбили наши ножные и ручные кандалы, после чего нас попросили зайти в тюремную контору. Здесь сидела комиссия по освобождению. Она сообщила нам, кто из нас по какой статье освобождается, и поздравила со свободой. Отсюда уже без провожатых мы сами свободно вышли на улицу. Здесь нас встретили толпы народа, которые также приветствовали нас со свободой. Зарегистрировавшись в городской думе, мы отправились в госпиталь, где для нас были отведены помещения.

Наладив связь с анархистскими организациями, я поспешил выехать домой к себе в свое родное село Гуляй-Поле».

Так называемая Февральская революция, внезапно, как гром зимой, случившаяся в России, вызвала восторженные чувства у большинства ее граждан. И просвещенные интеллигенты, и мирные обыватели согласно полагали: ушел наконец нелюбимый царь, а в особенности царица («немка проклятая!»), теперь уж настанут в стране тишь и благодать на вечные времена... Длилась эта ра-

дость недолго. Увы, все пошло в несчастной стране именно наперекор радужным надеждам.

Основания для этого имелись, и серьезные. Падение самодержавия никак не устранило глубочайших социальных противоречий в российском обществе — для безземельных крестьян и бесправных пролетариев все осталось по-прежнему. Не менее важной стала и причина политическая — наличие сильных и целеустремленных партий и групп крайне левого революционного толка. Вожди их рвались к власти, собственные разрушительные программы казались спасательными, а наивное, граждански неопытное общество им верило (поняли, когда поздно стало).

Конечно, Махно в ту пору к революционным вождям не принадлежал. Но и он, как все истинные революционеры, знал твердо: помещики остались в своих имениях, буржуи — в своих особняках, значит, ему, как боевому вожаку революционных масс, следует, по выражению тех лет, «углублять революцию». А какой лучший способ для этого? Ясное дело, революционное насилие. Как гласит давний анархистский постулат, «всякий процесс разрушающий есть процесс созидательный». Угнетенные и обездоленные должны «экспроприировать» имущество у богатых, свергнуть все власти на свете, и тогда настанет всеобщая счастливая и безвластная анархия — она же, по учению старых революционеров-анархистов, мать порядка. Истинного и справедливого на веки веков. Вот с такими примерно

настроениями вышел революционер-политкавторжанин Нестор Махно после семи лет отсидки в Бутырской тюрьме.

В родные места он, однако, возвратился не сразу, а, как сам уточнил, «спустя три недели после освобождения из тюрьмы». Почему же так поздно? Ведь в ту пору транспорт работал еще четко. Убежденный анархо-коммунист, вырвавшись на волю, он, безусловно, связался со своими товарищами по движению, центрами которого стали тогда Москва и Петроград. Где-то здесь и осел сразу после революции наставник Махно Аршинов-Марин — революционный чин у него был повыше. Получив от старших товарищей наставления и, по обычаям тех времен, какое-то число анархистских брошюр, Махно наконец выехал на родину.

Приблизительно 23 марта он прибыл в Гуляй-поле и сразу развернул бурную деятельность. То был уже не юноша-поденщик, угловатый и робкий, а истинный профессиональный революционер, решительный и властный. Он твердо знал, куда и зачем вести народ. Уже 25-го состоялось первое собрание местных анархов, и хоть они, по своей теории, выступали против всяких вождей, Нестор Махно становится их безусловным лидером. Основную опору анархов составляли батраки, рабочие мелких предприятий и всевозможная голытьба, «босяки», в изобилии населявшие цветущий край, но среднее крестьянство им тоже сочувствовало. Нестор Махно четко запомнил и рассказал позже, что 28–29 марта

был избран Комитет крестьянского союза, который он сам и возглавил.

У пестрой массы, объединенной в союз, лозунги были самыми-самыми левыми, «сверхреволюционными». Весной 1917-го только что потянувшийся к политической жизни народ России, неопытный и доверчивый, умилялся идее грядущего Учредительного собрания: оно, мол, будет законно избрано, соберется в столице и все для всех по-доброму решит. Однако революционер Махно с мрачной решимостью, опережая события, заявлял: «Учредительное собрание — это картежная игра всех политических партий» (напомним, анархисты — не «партия»). Нельзя не признать, что своя правда в этой оценке имелась...

Со старушкой мамой,

но не только с ней

Первые дни своего пребывания в Гуляйполе после возвращения Махно описал сам в уже цитированных воспоминаниях. Они кратки и суховаты, но после долгого пребывания в тюремной неволе Нестор, видимо, так остро почувствовал встречу с близкими на родной земле, что даже его суровая душа революционера не выдержала, и он поделился с читателями незначительными событиями своей жизни, которые не имели никакого отношения к судьбам трудящихся всего мира.

«Приехав домой, я застал старушку мать сильно постаревшей, согбенной, беспомощной. Девять лет моего отсутствия ее сильно изменили. Братья в мое отсутствие обзавелись семьями и теперь были на войне. Весть о моем приезде быстро разнеслась по Гуляй-Полю, и ко мне стали сходить крестьяне и крестьянки. Всю ночь я провел в беседе с ними и через них ознакомился с положением организации общественного самоуправления.

Утром 23 марта я был уже на трибуне перед всем гуляйпольским населением. Я призывал

крестьян реорганизовать свой общественный комитет, который был создан произвольно и возглавлялся не местными, а офицерами 8 Сербского полка, стоявшего тогда в Гуляй-Поле. Я призывал крестьян, рабочих и трудовую интеллигенцию взять всю жизнь села в свои руки.

Скоро общими усилиями крестьян, рабочих и местного учительства был реорганизован сначала только местный, а потом и волостной, и общественный комитет. Одновременно с реорганизацией комитета я начал организовывать в селе крестьянский союз, который из местного скоро расширился в волостной, а потом и в районный. Занимая пост председателя крестьянского союза, я одновременно был помощником председателя общественного комитета, председателем земельного комитета, председателем профессионального союза металлистов и деревообделочников и председателем больничной кассы.

Время шло, события разворачивались, революция быстро шла вперед. В первых числах августа 1917 г. на губернском съезде в г. Екатеринославе было постановлено реорганизовать все крестьянские союзы в советы крестьянских и рабочих депутатов. Проводя в жизнь это постановление, мы у себя на местах реорганизовали союзы в советы. В ожидании новых распоряжений наш совет работал очень мало. Состоя председателем совета, я в это время мало работал в нем, а отдался всецело работе по земельному вопросу, который по постановлению крестьянского съезда гу-

ляйпольского района требовал немедленного разрешения. Собрав в средних числах августа всех помещиков и крупных собственников района, я отобрал у них официальные документы о количестве находящегося в их владении инвентаря, земли и т. д. Подытожив все это, я выступил с докладом сначала на волостном объединенном собрании совета и общественного комитета, а потом и на районном съезде. На этих заседаниях было постановлено оставить кулакам и помещикам по общей трудовой норме как земли, так и живого и мертвого инвентаря. По примеру гуляйпольского района такие же постановления были вынесены на съездах целого ряда уездов Екатеринославской и Таврической губерний.

Для проведения в жизнь этих постановлений август месяц оказался неблагоприятным ввиду выступления Корнилова. В связи с корниловским походом и в нашем районе все недовольные новыми порядками зашевелились и стали организовываться. Тогда комитет спасения революции взял на учет всю буржуазию и отобрал у нее огнестрельное оружие. Начались возмущения, протесты, доносы и заявления на меня правительственному комиссару уезда Михно. Последний в скором времени присылает бумагу Гуляйпольскому общественному комитету с требованием немедленного устранения меня от общественной работы, так как я за свои действия в комитете спасения революции предан уездным общественным комитетом суду».

Логика развития общественных революций ясна и неумолима. Вот уже Махно угрожает судом Махно... Вот уже отбирают ружья у «буржуазии»... (А как определить, кто есть этот самый «буржуй»? По физиономии? По одежке? Но ведь определяли же...) Словом, всеобщая смута, она же и революция, действительно «углублялась», и конца этому не было видно.

Ясно, что создание справедливого народного представительства в России было делом трудным, требующим терпения, взаимных уступок, навыков политических соглашений. Но и левые круги, и низы народа, на которые те опирались, ждать не хотели. Махно и ему подобные такие настроения не только выражали, но и подогревали горячность митинговых толп. Для начала, например, в Гуляйполе разогнали местное земство — этот древнейший орган народного самоуправления, существовавший на Руси века: он был, по мнению левых, «буржуазен», а что его законно избирали местные граждане, так то ведь было при «проклятом царизме». Словом, надлежало все вопросы решать немедленно, прямым волеизъявлением трудящихся, снизу, безо всякого участия государства, как то и завещали пророки анархизма.

Нестор Махно до конца своих дней оставался убежденным и стойким анархистом. Но кто же они такие, эти самые анархисты, и что такое анархизм вообще? Современному гражданину России и Украины эти явления знакомы по кинофильмам и простенькой беллетристике: тут

все очевидно — черные знамена, длинные волосы, крутые речи про обобществление имущества и жен. Да, бывало и такое, еще основатель анархизма Михаил Бакунин носил столь замысловатую прическу, что известнейшие рок-певцы позавидовали бы, да и общность жен водилась. И черное полотнище, украшенное зловещими надписями, действительно, есть частая примета анархических организаций и групп. Как в прошлом веке, так и в нынешнем.

Тут важно отметить другое — с середины XIX века анархизм сделался вожделенной мечтой всего обездоленного человечества, в этом его обаяние, хотя и оказалось оно бесовским. У истоков русского, а потом и всего международного анархизма обозначились два столпа — родовитые дворяне Бакунин и Кропоткин. Про обоих написано много, восторженного и ругательного, итог жизни их хорошо известен: породив жуткое разрушительное движение, оба скончались тихо-мирно и в полном почете. Оба — личности яркие, необычайно одаренные, но были они словно полюсами, олицетворяя противоречивую природу анархизма.

Первый — истинный революционер, классический в том смысле, что для него «все дозволено» (ради блага народа, разумеется, хотя мнение этого самого народа он не запрашивал, а решал за него). Отсюда и вседозволенность средств: смерть сотни невинных ради гибели какого-нибудь одного врага, подлоги, двурушничество и клеветы, все можно, раз цель самая наивыс-

шая — установление рая на земле, причем немедленно, сегодня.

Второй — истинно русский мечтатель-идеалист, этакий политический Ленский из «Евгения Онегина». Пролитие крови вызывало в нем ужас, никогда он к тому не призывал, надеялся на мирное переубеждение людей и в гнусных заговорах бакунинского типа не участвовал. Он словно воплощал собой вековечную мечту обездоленных и униженных о всеобщем братстве, чтобы не мытарили людей богатые и сильные, чтобы насилие исчезло, а мир и любовь воцарились во человецех...

Испанские анархисты двадцатого столетия, поклонники обоих русских учителей, ввели между собой знаменательное приветствие: «Салют и бомба». С одной стороны, древнелатинское пожелание человеку здоровья, ну а с другой — символ массовой смерти. Хорош лозунг. Горячие испанцы словно бы довели до логического конца противоречивые идеи своих русских прародителей. И кажется, нет более краткого и выразительного определения сути анархизма, чем это, испанское.

Кстати, в пору гражданской войны в Испании на стороне республиканских войск сражался сформированный из каталонских анархистов батальон имени Махно. Воевали они беспощадно, в плен мятежников не брали — их соответственно тоже. Вообще история революционного анархизма на Западе крайне интересна и очень плохо у нас известна. Отдельные яркие страницы, пре-

имущественно сатирического плана, содержатся лишь в произведениях Анатоля Франса, Честертона и иных. А вообще-то последний всплеск боевого анархизма в Европе произошел во время молодежных бунтов конца 60-х годов. И тогда вновь замелькали на улицах и площадях портреты Нестора Махно. Ныне анархисты в Европе слабы, центром их, как ни странно, является благопристойная Германия. Там нашего героя поминают и сейчас, хоть и в скромных изданиях...

В России, до самых-самых глубин потрясенной революцией, тогдашние обездоленные и озлобленные социальные низы мечтали о земном рае, а молодые — они всегда торопятся — хотели получить все сразу. Анархизм подкупал их своей прямоотой и простотой планов. В 1917 году Московская федерация анархистских групп выпустила брошюру своего единомышленника В. Гордина «Как мужик попал в страну «Анархия». Сюжет простоват до убогости, но важен финал: жил да был бедный пахарь, все его унижали, ни в селе, ни в городе не мог добыть он счастья трудом, побежал куда глаза глядят, пришел к реке, перешел ее, а там страна Анархия — нет начальства и властей, всех кормят бесплатно, а всякий трудится по своим способностям, но и без всякой оплаты...

Конечно, советским людям, выросшим в царстве развитого социализма, хорошо известно, что значит трудиться бесплатно, говорить о том не станем. Но в начале прошлого века для тысяч таких бесправных парий, как Нестор Махно,

сомнительная эта мечта выглядела желанной и осуществимой.

И еще, что немаловажно для понимания той революционной эпохи. У нас даже в серьезных книгах нередко пишут об анархистах как о партии. Это грубая ошибка. Они всегда отрицали политическую партийную организацию с ее жесткой подчиненностью. Вот почему российские анархисты времен Гражданской войны делились на множество самых разнообразных групп, начиная от свирепых бомбистов и кончая «вегетарианскими» проповедниками мирного труда. К сожалению, первых было куда больше и запомнились они в отечественной истории гораздо лучше.

Нестор Махно без остатка погрузился в бушующую стихию революции. Постепенно, с лета 1917-го, он становится приметной личностью на Екатеринославщине. Имея прочную опору в родном Гуляйполе, выступает и действует в таких крупных городах, как Александровск (Запорожье) и Екатеринослав (Днепропетровск). Как и положено истинному анархисту, Нестор выбирает себе кличку — «Скромный» (сам он пояснял в мемуарах: «Мой псевдоним с каторги»). Да, каторжные клички порой бывают точны и образны! Таким и был Нестор Махно: бескорыстным, честным, лишенным всякого властолюбия (недаром лихой атаман стал подкаблучником своей нравной супруги), то есть истинно скромным — прекраснейшее человеческое качество, очень российское, кстати! Так-то оно так, но зная,

под которое судьба затянула Махно, требовало совсем иного — воли и жестокости.

В Гуляйполе сильная группа анархистов во главе с Махно, по сути, стала править в местном Совете. Никаких указаний из Центра, от Временного правительства, они не принимали; можно полагать, что с мая месяца это уездное местечко на Екатеринославщине сделалось независимым от Петрограда. По тем временам ничего тут особенного не было, подобных «независимых республик» — от уезда до хутора — наплодилось уже немало: Россия разваливалась. Уже в августе Махно и его единомышленники проводят в Совете решение о конфискации помещичьих земель — за два месяца до знаменитого декрета Октября, того самого, ленинского.

Ясно, что такая жизнь требовала громадного напряжения. Человек прямой и цельный, Махно отдавался делу революционной перекройки мира полностью, но как раз физических-то сил ему было отпущено от рождения немного, а в Бутырках здоровье его, естественно, не укрепилось... От постоянной суетни на людях и митинговых страстей у него случались нервные припадки. Он рассказывал в своих мемуарах, как однажды на каком-то митинге чуть не потерял сознание. О его неуравновешенности, доходившей до приступов, намекала мне и Галина Андреевна.

Как бы ни захватывала политика Нестора Махно, он был молод, и романтические переживания не могли его не затронуть. Где-то летом 1917-го произошла, как всегда в таких случаях — невзначай, встреча с человеком, ставшим его единственным спутником на всю жизнь. Полвека спустя Галина Андреевна рассказала об этом так (привожу по записи, где чувствуются ее суховатая точность и сдержанность):

— Летом семнадцатого года я служила учительницей в Гуляйполе, было мне двадцать лет. Я увлекалась тогда, как и многие молодые, учением анархистов. Приходила к ним в помещение, помогала разбирать почту и литературу, многие были малограмотны. Однажды в комнату, где я работала, вошел Нестор с кем-то еще, его я уже видела. Получилось тесно, я уронила со стола стопку каких-то листовок (или брошюр, не помню). Нестор закричал на меня: «Поднимите сейчас же!» Я рассердилась на его крик: «Не подниму».

«Подними, кричит, это написано кровью!» — «Не подниму». Он выхватил пистолет из кобуры,

наставил на меня и снова говорит: «Поднимите». Я бы ни за что не подняла бы тогда. Хлопцы успокоили его, он извинился и вышел из комнаты. Вот так мы познакомились, потом стали изредка встречаться, потом я уехала в Киев...

Вот все, что рассказала Галина Андреевна про знакомство со своим знаменитым супругом. Он в своих сохранившихся произведениях о супруге вообще не упоминал. Зато сплетен и небылиц, причем самых разнообразных, взаимоисключающих даже, возникло полным-полно. Мы все это, разумеется, отбрасываем. Но удалось найти единственные в своем роде мемуары одной свидетельницы, интеллигентки, случайно попавшей в Гуляйполе в годы смуты, некой Н. Сухогорской. Она опубликовала небольшой отрывок из своих воспоминаний во второй половине 20-х годов. Отрывок имеет неоспоримый интерес, ибо подробности, отмеченные внимательным женским взглядом, в высшей степени характерны и им можно доверять.

Одно необходимое уточнение. Галина Андреевна никогда не была женой Нестора Ивановича в юридическом смысле слова. Как идейные анархисты, они напрочь отрицали брак и семью. Ни в годы Гражданской войны, ни в эмиграции они свой союз нигде официально не оформили. Известно также, что до встречи с Галиной Кузьменко у Махно имелся подобный «брак» с некой женщиной (говорили еще про одну «жену», хотя — и это уже точно! — бабником он не был никогда). Все иные источники полностью под-

тверждают данные Сухогорской, кроме одного: нет сведений, что Галину Андреевну звали Агафьей. Приводим отрывок из этих мемуаров, досель затерянных в малотиражном издании.

«В местных школах среди учеников тоже встречались махновцы. Они учились только тогда, когда Махно жил в селе. Это были дяди лет по 20 и больше. Учителям некоторые из них просто говорили: «Переводи, а то батька расправится». Впрочем, эти угрозы особого действия на переводы учеников в следующий класс не имели. Преподаватели ставили колы махновцам так же, как и простым смертным, и Махно, надо отдать ему справедливость, в педагогические дела не вмешивался.

Вообще, Махно учителей не трогал. Убили махновцы только одного преподавателя, старика-немца, имевшего сына-офицера. Как я раньше говорила, трупы убитых всегда валялись на улицах еще долгое время после убийства. Надо было идти просить разрешения у Махно хоронить тело. Так и труп убитого учителя лежал целый день на главной улице, а отряд верховых махновцев изощрялся в оскорблениях убитому. Один бандит все хотел, чтобы лошадь раздавила копытом череп покойника, но лошадь танцевала, перескакивала через труп и, как махновцы ее ни понукали, все-таки не сделала этой гадости. Тогда взбешенный махновец избил ее нагайкой в кровь и ускакал.

Махновцы интеллигенции не любили. Страшно было при них показываться на улице, особен-

но мужчинам. Одного моего знакомого хотели убить только за то, что тот надел шляпу. «Ишь, в шляпе... интеллигент, видно, прикончить бы», — сказали махновцы тому прямо в лицо. Не знаю, как он ноги унес. Миролюбивое сравнительно отношение к учителям объясняется тем, что 3-я жена Махно, Агафья Андреевна, потом называвшая себя для красоты и поэтичности Галиной Андреевной, была когда-то тоже гуляйпольской учительницей и считала себя поэтому благодетельницей и патронессой школы и интеллигенции. Преподавала она в школе еще до своего сближения с Махно. Обучала Агафья Андреевна украинскому языку. По убеждению она была широкой украинкой и стояла за самостийность. Не знаю, когда стал самостийником и Махно, но им он тоже был, как и анархистом когда-то. Батька очень часто менял свою окраску и был настоящим хамелеоном... Я видела Махно с женой, въезжавших в село на чудной тройке серых, мышинной масти, коней, в прекрасной, обитой голубым сукном коляске. Народ стоял и кланялся, снимая шапки, а батька с супругой милостиво отвечал подданным, кивая головой. Настоящий гуляйпольский монарх...

Постепенно мы попривыкли к угрозам и оставались в селе, прячась во время боя в погребах и подвалах. В свободное время от сражений мы гуляли и высматривали места понадежнее и покрепче, развлекаясь разговорами, куда в следующий раз бежать лучше и где спокойнее. В погреба тащили и все поценнее, так как воры грабили

оставленные пустыми квартиры. Это были не махновцы, а просто воры, так как махновцы брали на глазах у хозяев. Все знали, что будут обворованы, но жизнь дороже, и приходилось мириться с грабежами. Одна учительница в моменты опасности надевала на себя все, что имела: и зимнее пальто, и летнее, и платья. Она даже как-то умудрилась носить 2 пары галош, представляя в общем очень объемистую фигуру. Иногда она, торопясь, застревала где-нибудь, пролезая, не рассчитав, через слишком узкое отверстие в плетне; тогда приходилось ее сзади подталкивать...

Мне пришлось несколько раз встречаться с Агафьей Андреевной. Как-то она приехала в село и предложила устроить в пользу бедных учеников школы вечер, ввиду того что у махновцев денег много (они вернулись из «похода»). «Все равно они добычу пропьют и в карты проиграют, а школу хоть закрывай, денег нет, и учителя голодают». Отказать «патронессе» было нельзя: обида, а потом и месть батьки. Пришлось педагогам организовать вечер. Присутствовавшие на этом редком спектакле натерпелись страху на этот раз. Ждали набега красных, и все были настороже. Махновцы расставили вокруг «театра» пулеметы. Вот-вот, казалось, сейчас начнется стрельба и придется бежать куда-нибудь прятаться.

Учительниц и кое-кого из служащих заставили торговать в буфете. Помещение кинематографа, где всегда устраивались вечера, когда не ставили картин, было полно народу, в том числе махновцев. Давали какую-то украинскую пьесу, а затем

дивертисмент из украинских же песен. Хор был очень хорош. Спектакля долго не начинали, хотя время, назначенное для начала, давно прошло. Не смели: ждали Махно. Наконец оркестр грянул туш: это прибыл батько с женой и всеми атаманами. Как только они заняли места в ложах наверху, спектакль начался.

Буфет торговал на славу; махновцы щедро расплачивались за все. Вдруг к моему столику подходит какой-то матрос и начинает знаками показывать, что ему надо. Надо сказать, что у Махно был преданный ему немой, который по знаку своего господина убивал каждого тому не понравившегося. Ходил этот немой всегда в матросской форме. Я сразу решила, что стоящий у моего столика немой и есть то самое махновское чудовище. У меня душа в пятки, а когда матрос вздумал мне еще записки писать, то я и совсем потеряла голову. Что делать? С ним идти нельзя, а убежать тоже страшно, да и куда, все равно поймают. Тут кто-то меня научил сказать, что я занята. Написала я немому соответствующую записку, он и отстал, да еще и заговорил вдобавок. Это он хотел пошутить и напугать меня. Настоящего же немого незадолго до этого вечера отравили где-то, не то нарочно, не то случайно.

Успокоилась я немного от «приятного знакомства» и продолжаю торговать. Смотрю, идет ко мне Агафья Андреевна знакомиться, как с приезжей, и приглашает к себе в ложу.

Очень красивая брюнетка, высокая, стройная, с прекрасными темными глазами и свежим, хотя

и смуглым цветом лица, подруга Махно внешне не походила на «разбойницу». По близорукости она носила пенсне, которое ей даже шло.

Несмотря на первое сравнительно благоприятное впечатление, иду в ложу со страхом, и не напрасным: сажают меня между Махно и его женой, а сзади и в соседних ложах весь их штаб и все главари. Агафья Андреевна очень любезна, махновцы тоже, а меня страх разбирает: ведь я знаю, что ждут боя, да и кругом публика, не внушающая доверия. Меня же еще успокаивают: бомбы, мол, обязательно сегодня будут кидать, ведь мы, главари, все здесь, и красные это знают. Я не выдержала и спросила: «Когда же вы ждете набега?» Агафья Андреевна сжалась и обещала мне сказать, когда мне нужно будет уходить.

Махно был одет во все темное, походное. Агафья Андреевна была в синем мужском костюме, поддевке и шароварах, на голове ее красовалась высокая черная каракулевая шапка. Махно сидел трезвый и как будто чем-то недовольный, хотя пьеса всем им очень понравилась. В антрактах пили махновцы пиво, самогон, ими самими приращенный, и еще какие-то напитки. Все посматривали на Махно со страхом: чем-то выразит его недовольство. Но здесь кто-то запел любимую Махно песню: «Наш Махно и царь и бог с Гуляй-Поля до Полог». Оркестр подхватил, Махно стал улыбаться, развеселился и даже спустился вниз танцевать. Агафья Андреевна же осталась со своими и не отпускала меня. Все они говорили по-украински, пьеса была украинская,

танцевали на сцене гопак и пели песни тоже украинские.

Часов в одиннадцать говорит мне жена Махно: «Ну, теперь вам уходить пора». Я пошла домой, и едва успела добраться, как началась перестрелка. Разведка донесла правильно, и махновцы, предупрежденные и принявшие меры, ушли целы и невредимы. Пулеметы не дали возможности красным подойти близко к кинематографу.

Жена Махно производила впечатление незлой женщины. Как-то она зашла в тот дом, где я снимала комнату, в гости. В котиковом пальто, в светлых ботах, красивая, улыбающаяся, она казалась элегантной дамой, а не женой разбойника, которая сама ходила в атаку, стреляла из пулемета и сражалась. Рассказывали про нее, что нескольких махновцев она сама убила, поймав их во время грабежа и насилия над женщинами. Ее махновцы тоже побаивались. Звали ее «мать», так же как Махно «батько». В кутежах и пьянстве Махно она не участвовала, в карты же играть любила, причем играла крупно, благо было много денег, заработанных не трудом, а грабежами.

Сидя в тот вечер у нас, Агафья Андреевна рассказывала о себе и о своих родных. Родители ее, старозаветные крестьяне, сначала огорчились сближением дочери с Махно, но потом несколько отошли, узнав, что они венчаны. Так им сказал Махно, но не знаю, было ли это на самом деле, так как Махно в церковь не ходил. Все же зятя своего тесть и теща недолюбливали. Как-то в отсутствие Агафьи Андреевны белые напали на

деревню, где жили ее отец с матерью (верстах в 100 от Гуляй-Поля), и убили обоих стариков. Этого жена Махно простить белым не могла и говорила о потере родителей с большим волнением и горем. После того из всей близкой родни у нее остался брат с женой. Этот брат, несколько не интересовавшийся ни политикой, ни махновщиной, принужден был скитаться с семьей вслед за махновцами. Вообще, махновцы, уезжая, всегда брали с собой чад и домочадцев: им тоже грозила смерть. Мать Махно или тоже ездила с сыном, или ее, по старости лет, прятали где-нибудь в надежном месте. Махновцы возили с собой между другими мальчика лет 9-ти, сына одного убитого приятеля и друга Махно. У мальчика была низенькая лошадка, и он часто сопровождал отряд тоже верхом. В бою на семьи внимания не обращалось: общее дело было важнее личного, и семья должна была сама выпутываться из беды.

Агафья Андреевна рассказывала, что первые попытки Махно ухаживать за ней встретили с ее стороны отпор. Она Нестора Ивановича очень боялась и пряталась от него. Потом она постепенно привыкла к Махно, к тому же жизнь учительницы в селе не весела и не сладка, а сближение с Махно давало ей власть и существование, полное приключений, ничуть не похожее на серенькое прозябание в деревне. Агафья Андреевна была неглупа, и ее рассказы были интересны и содержательны».

Портрет Галины Андреевны получился довольно выразительный. На фотографиях, как

в молодости, так и в пожилом возрасте, она очень соответствует описаниям Сухогорской. Скажем попутно, что фотографии эти, которые приводятся в нашей книге, автор воспоминаний видеть никак не могла. Любопытно также, что мемуаристка точно отметила (со слов своей героини), что их знакомство с Нестором произошло не слишком гладко. Опять подчеркнем: Галина Андреевна никоим образом не могла прочесть затерянные в спецхранах воспоминания Сухогорской...

Маленькое, доселе никому не известное Гуляйполе постепенно становилось довольно заметным политическим центром на всей многолюдной Левобережной Украине, а Нестор Махно — признанным его главой. То был случай необычный даже в то необычное время! Да, такие малые города, как Кронштадт или Севастополь, тоже гремели наряду со столицами, но причина тут очевидна, как и в случае со скромным Могилевом — тогдашним местопребыванием Ставки. Но чтобы небольшое в общем село оказывать влияние на огромную Украину?.. Это по любым меркам нечто неожиданное! В чем тут дело?

А в том, что Махно возглавил некое оригинальное политико-национальное движение, хоть и находившееся тогда в детском возрасте. Здесь складывалась, как сказали бы теперь, крайне левая популистская идеология, главный лозунг которой выразил знаменитый герой повести Михаила Булгакова Шариков: «Взять все,

да и поделить...» Увы, идея всеобщего передела собственности и неукоснительного равенства широко бытовала в тогдашней России, а на Екатеринославщине, раздираемой острыми социальными противоречиями, особенно.

И еще. На Украине национальный вопрос приобретал чрезвычайно острое значение (в отличие от большинства губерний Великороссии). В Киеве, Житомире, Виннице и на Волыни начало складываться движение украинских националистов, развернувших желто-голубой флаг и выдвинувших лозунг самостийной Украины. Во главе их встал бывший семинарист и несостоявшийся журналист Симон Петлюра. Движение отличалось резкой враждебностью к другим народам, прежде всего — оголтелой русофобией и самым вульгарным антисемитизмом. Ясно, что это очень сужало социальную базу петлюровцев, однако им все же удалось в Киеве весной 1917-го создать зыбкое подобие временного правительства Украины — Центральную раду. Окружение Махно состояло в основном из украинцев, однако уже в июле в Гуляйполе на большом митинге была принята резолюция, резко осуждающая Центральную раду за буржуазность и национализм. Естественно, это укрепило популярность Махно на Екатеринославщине, очень пестрой, как уже говорилось, по национальному составу.

Кстати, анархистская теория, которую номинально исповедовали батько и его ближайшие соратники, требовала приверженности истинному космополитизму в самом точном смысле

этого слова. В газете петроградских анархистов «Буревестник» в ноябре 1917-го провозглашалось: «Для нас нет вопроса об отечестве, нет вопроса о мире, для нас нет ни России, ни Германии, ни Италии и проч., и проч. Для нас нет ни родины, ни отечеств». Что ж, по крайней мере откровенно... Трудно сказать, разделял ли Махно эти крайние взгляды, но несомненно, что ни украинского, ни тем паче общероссийского патриотизма он не ведал.

Тут же надо решительно опровергнуть бытующую до сих пор легенду об антисемитском характере махновского движения. Это в корне неверно, хотя и закреплено в общественном сознании популярной когда-то поэмой Эдуарда Багрицкого «Дума про Опанаса». В ней якобы по приказу Махно убивают начальника продотряда по имени Коган, что толкуется некоторыми в духе сугубо национального. Однако именно такую фамилию носил заместитель председателя Гуляйпольского совета в годы Гражданской войны, убитый денikinцами (об этом свидетельствует Аршинов-Марин). Сохранилось немало воззваний махновского штаба против антисемитизма. О том, что Махно жестоко расправлялся с участниками насилий над евреями, подробно рассказала мне Галина Андреевна, причем горячо оправдывала суровость тех мер. Вот ее рассказ о событии, которое произошло, видимо, в самый разгар Гражданской войны на Украине:

— Остановились мы в Добровеличковке близ станции Помошная (узловой пункт на железной

дороге Черкассы — Одесса. — С. С.), еврейское местечко, там меня знали, пришел один еврей, сказал, что махновцы грабят евреев. Я бросилась к Нестору, сказала, что надо прекратить; он сказал: да, надо немедленно. Верхом поехали Петренко (один из атаманов. — С. С.), Махно и я. Действительно, бойцы собирали одежду, в том числе женскую, варенье какое-то, которое один из бойцов жадно ел из банки. Некоторых тут же разложили и выпороли. Помню, Петренко отчитывает какого-то бойца, говорит мне: «Ну, что же с ним, Галина, делать?» Я говорю: «Стреляй, раз он ничего не понимает». Петренко и застрелил его. Потом был устроен митинг.

Примеров подобного рода множество, в том числе и в опубликованных источниках, но отметим еще одно весьма существенное обстоятельство: «идейные анархисты» из ближайшего окружения атамана в большинстве своем состояли из евреев (имена их еще будут названы). Коммунист с Украины М. Равич-Черкасский, еврей по происхождению, еще в 1920-м прямо заявил, что «отрядам Махно чужды всякие шовинистические настроения»; здесь ему можно поверить.

Народный батько

Случившееся в Петрограде осенью 1917 года хорошо известно всему миру. Однако для понимания души и деятельности нашего героя необходимо хотя бы кратко пояснить, как это крупное историческое событие воспринималось современниками именно в тот момент.

Всегда утверждал я, что прошлое можно осознать, лишь становясь на точку зрения людей минувшей эпохи, через их мировоззрение и систему ценностей. Скажем, пытки при допросах нынешнему человеку кажутся чем-то жутким, но еще во времена Шекспира и Мольера они считались вполне законной и обыденной процедурой. Грандиозное значение Октября выявилось позже. Ошибались те историки и публицисты, которые почитали свершившуюся тогда революцию случайностью, даже историческим нонсенсом. Нет, она закономерно произошла в России, и под знаком ее — то в подражании, то в сопротивлении — идет уже целое столетие.

Однако современники историческую перспективу текущих событий видят или даже уга-

дывают редко. Так было и осенью 1917-го. На другой день после захвата Зимнего дворца матросами и красногвардейцами петроградские газеты опубликовали протесты возмущенных граждан, которые из-за разведенных вечером мостов не могли попасть в Мариинский театр, а там пел Шаляпин... А вот что записал в своем аккуратном дневнике свергнутый император Николай II, находившийся тогда вместе с семьей в Тобольске: «Такая же неприятная погода с понижающим ветром. Тошно читать описания в газетах того, что произошло две недели назад в Петрограде и Москве! Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени». Как видим, чувства есть, а понимания никакого.

Да что там свергнутый царь, упрятанный в глухой провинции! Послы великих держав, пребывавшие в собственных резиденциях неподалеку от Зимнего, тоже ничего уж очень особенного в случившемся не обнаружили и опасных телеграмм в свои столицы не отправили. Многие российские граждане вообще на события вокруг Зимнего и Смольного внимания не обращали, а иные (и их было немало!) даже злорадовались: а, большевики, рвались к власти? Так вот пусть Ленин и попробует управлять Россией, ха-ха... И Ленин попробовал.

Октябрьский переворот 1917-го (позже его стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией) вызвал в Гуляйполе — среди окружения Нестора Махно — восторг и одобрение. Тому есть множество свидетельств,

но вот важнейшее, продиктованное самим вождем махновщины для первого тома воспоминаний: «Я утверждаю из жизненного опыта районов, за которыми я серьезно следил, что в первые два месяца — именно ноябрь и декабрь — торжество Октябрьского переворота в России украинскими тружениками на местах было только приветствовано».

Действительно, приход к власти правительства, сформированного из большевиков и левых эсеров в Смольном 26 октября, поддержали многие крайне революционные группировки, в том числе анархические. Им казалось, что теперь-то и начнется, во-первых, полное всевластие трудящихся на местах, а во-вторых — беспощадная борьба с «эксплуататорами». Сразу после Октября последнее осуществлялось очевидно и бесспорно: захват банков и помещичьих имений (сопровождавшийся порой бессмысленным расхищением ценностей), погром хуторских («кулацких») хозяйств и магазинов, лавок, товарных складов — всего не перечислишь. Что же касается первого, а именно передачи всей власти на местах трудящимся, то, окрепнув, большевистское руководство Совнаркома не стало тут спешить. Но это — дело будущего, хоть и ближайшего, а пока анархо-коммунист Махно и его товарищи были всецело за Октябрь.

Полвека спустя Мао Цзэдун скажет: «Винтовка рождает власть». Неученый сирота Нестор Махно в политических афоризмах был не силен, но лучше нельзя выразить суть той линии, кото-

рую он распознал своим революционным чутьем. Точных данных не сохранилось, но безусловно, что уже на исходе лета 1917-го Махно создал в Гуляйполе вооруженные отряды. Это было полностью незаконно, но кто же слушал тогда полупарализованное Временное правительство? Легко можно назвать составляющие этих еще зыбких вооруженных сил: молодые хлопцы из социальных низов Екатеринославщины, горячо почитавшие своего вождя за славное революционное прошлое и решительность планов.

В декабре 1917-го на съезде советов в Гуляйполе Махно был избран на губернский съезд в Екатеринославе. Там он впервые познакомился с молодыми большевиками, впоследствии весьма известными: Эммануилом Квирином, одним из руководителей Украины, и Яковом Эпштейном (Яковлевым) — будущим вершителем жуткой коллективизации в СССР. Украинские националисты, осевшие тогда в Киеве, тоже создавали вооруженные отряды своих «сичевых стрельцов», боролись с большевиками за гегемонию на Украине. Махно решительно поддержал последних: в январе 1918-го его нестройное воинство выступило против Центральной рады — вместе с такими же пестрыми отрядами большевиков, левых эсеров и прочих левых.

С начала 1918-го кровавые вакханалии все шире и шире разливались по «всей Руси великой». Убийство человека, да чего там — десятков, сотен людей свершалось среди бела дня сперва в истерической взвинченности (дело все же

непривычное для «исполнителей» — стрелять в безоружных), а вскоре стало будничной работой, наподобие той, которой занимаются на наших мясокомбинатах профессиональные «бойцы скота»... Ужасающая трагедия миллионов еще ждет своей «Капитанской дочки» и «Войны и мира». Сейчас судить вроде бы просто: «Кровавый Махно»... Но сколько в эту примитивную формулу можно подставить других имен?..

Объективное наблюдение за ходом Гражданской войны таково: кровь лилась повсюду, от Прибалтики до Камчатки. Но и здесь имелись различия. С одной стороны, все области одиннадцати казачьих войск советская власть подвергла подлинному геноциду, а с другой — относительно мало пострадали ряд центральных губерний Великороссии: Вологодская, Владимирская, Нижегородская и несколько прочих соседних — там не наблюдалось ни восстаний, ни резни, ни прочего подобного. Причины тому разные, но среди них одна существенная — однородный национальный состав населения. Для нашей же темы главное вот в чем: кровища, которую враждующие силы пролили на Украине, была поистине безмерной. Конечно, до сих пор нет никаких достоверных обобщающих данных, да и трудно их теперь получить, но нет сомнений, что страшный тот счет пришлось бы вести на миллионы жизней.

Махно во всех видах «революционного насилия», как это одобрительно оценивалось в его среде, принимал самое страстное участие. Ску-

пые свидетельства сообщают о легкости расстрелов, которые производились его хлопцами, да и им самим тоже, о разоружении на железных дорогах и захвате имущества у бегущих с фронта казачьих частей, о «конфискации» ценностей в банках, об убийстве в Гуляйполе местного лидера украинских националистов... Случаи такие были бесчисленны, а имена жертв никем не записывались, не до того было...

Напомним, что на западных границах России уже четвертый год велась ожесточенная война с Германией и Австро-Венгрией. В конце 1917-го русская армия стала распадаться, солдаты бежали в тыл, сперва в одиночку или группами, потом толпами или даже целыми частями. Германская военщина не преминула воспользоваться легкой и богатой добычей: 18 февраля 1918 года австро-германские войска повели наступление по всему фронту — от Риги до Бессарабии. И вот с началом весны Гуляйполе, вроде бы только что отстоявшее за тысячу верст от фронта, оказалось перед нашествием внешнего врага.

В левых политических партиях и группах произошел тогда великий раскол. Ленин и другие политики-практики не побоялись пойти на уступки «проклятому кайзеру» — пусть, мол, временно поживится, а мы пока укрепим власть в России, потом посмотрим... Решение это нарушало основные нормы классической социал-демократии, но ведь Ленин совсем недавно назвал социал-демократию «грязным бельем», которое необходимо сбросить. Иное дело — левые поли-

тические романтики, от Бухарина до Махно. Как, согласиться на уступки кайзеру?! Нет, лучше умереть... (Заметим, что Бухарин и ему подобные свои головы под пули не подставляли, а вот Махно и множеству иных, «простых», эта возможность вскоре представилась.)

Различные левые группы на Украине, в том числе и отряд махновских анархистов, попытались было начать «революционную войну» с оккупантами. Но куда там! Разве могли эти плохо управляемые и кое-как вооруженные толпы задержать продвижение регулярных германских боевых частей? И вот что еще немаловажно: весной 1918-го большинство украинских крестьян встретили приход чужеземных войск вполне бесстрастно. Об этом единодушно свидетельствовали все тогдашние наблюдатели: люди измучились от потрясений, которым не виделось конца, а от немцев поначалу ничего худого не ждали.

Перед Махно возник вопрос, который впоследствии жизнь ставила перед ним еще не раз: отступать вместе со своим отрядом или остаться в родных местах? Большинство вооруженных сторонников «революционной войны» отошли с Украины, и довольно далеко, аж до Царицына. И вот здесь-то впервые определился характер социальной стратегии Нестора Махно: он остался с народом, которому хотел служить и на который опирался, — бедными селянами Екатеринославщины, ремесленниками, всякого рода голытьбой и босяками, пришлыми и бродягами, солдатами и матросами распавшейся рус-

ской армии, застрявшими вдали от родного дома, но с винтовкой и патронами. Слой этот оказался многочислен и полон боевой решимости, Махно было на кого надеяться и на кого положиться.

И здесь опять самое время предоставить слово нашему герою. В его бесхитростных воспоминаниях содержатся такие подробности и приметы неповторимой той поры, которых не могут заменить целые тома добротных научных сочинений. Только дадим две справки: Центральная рада — это, напомним, правительство самостийников, готовых на что угодно, лишь бы верховодить на своей «незалежной», освободиться от ненавистных «москалей». А большевистско-левоэсеровский блок — это Советское правительство Украины, столь же маломощное, как и пресловутая рада. Итак:

«Март 1918 года принес нам в Гуляй-Поле весть, что Центральная украинская рада заключила с Германией и Австро-Венгрией военный договор, при помощи их войск заняла Киев и движется в глубь Украины. Это ошеломляюще подействовало на наш район, так как крестьяне и рабочие хорошо знали, что им может принести Украинская центральная рада своим святейшим союзом с Карлом Австрийским и Вильгельмом II...

По зову гуляйпольского революционного комитета группы анархистов-коммунистов и левых эсеров (большевиков у нас не было), профессионального союза весь гуляйпольский район объе-

динился вокруг этого комитета в недельный срок времени.

Немецко-мадьярско-австрийские войска с проводившими их разведывательными отрядами Центральной рады подходили к Екатеринославу. Поэтому гуляйпольский революционный комитет поручил мне, как главе своему, организовать себе полевой штаб и создать из крестьян и рабочих вольные батальоны, которыми и руководить в борьбе против Центральной рады и немцев.

В это время большевистско-левоэсеровский блок на всех парах отступил на Таганрог. Поэтому мне без затруднений удалось у начальника юга резервных войск Беленковича достать 6 орудий, 9 вагонов к ним снарядов, три тысячи винтовок и два вагона патронов. Были организованы батальоны и отряды и вооружены. Мы со дня на день ожидали момента, когда придется сразиться со своими «спасителями». О нашей организации дошли вести в штаб Егорова, командующего крымским направлением. Последний вызывает меня в штаб в Федоровку (Мелитопольского уезда). Я выехал в Федоровку. Пока я отыскивал штаб, который вместо Федоровки очутился на Волновахе, Гуляй-Поле без боя было сдано немцам.

В мое отсутствие к крестьянам и рабочим Гуляй-Поля была допущена делегация немцев и Центральной рады, которая нарисовала крестьянам картину сожжения всех сел, какие будут сражаться против немцев, и крестьяне и рабочие

согласились сложить оружие без боя. Немцы и украинцы вошли в Гуляй-Поле.

Гуляй-Поле сдано! — разнеслось по всему району... Об этом быстро донесли и мне. Вместо Гуляй-Поля я вынужден был повернуть на Таганрог. В Таганроге я долго не задержался, направился в глубь России, где спустя месяц, полтора услышал о том, что немцы Центральную раду вышвырнули из правительственного кресла. Ее заменил гетман. Торжество гетманщины меня страшно бесило. Это торжество напоминало мне мое пребывание на каторге, сидки по карцерам и одиночкам, а временами и избиения. Я сопоставил все мною пережитое с переживаниями под владычеством гетмана украинского крестьянина и рабочего. Это напомнило мне мою клятву, данную в гнусных тюремных застенках, вырваться на волю и всецело посвятить себя делу подлинного освобождения трудящихся не на торгашеских митинговых словах, а на деле. В этот момент я упрекал себя за выезд из Украины. И тут же, не задумываясь и ни перед чем не останавливаясь, я собрал свои жалкие вещички и уселся на саратовском вокзале в поезд. Прибыл в Москву, мечтая через Курск быть на Украине. По пути в уме я уже выработал план похода против немцев, гетмана и всей возглавляемой ими буржуазии.

Эта мысленная подготовка возбудила во мне какую-то внутреннюю тревогу, тревогу, которую увеличивал каждый шаг моего скитания вне своего народа. Вспоминая его пусть даже наивное, но, во всяком случае, искреннее доверие ко мне

во всех отношениях социально-общественного строительства, я чувствовал в себе беглеца от него. И это чувство такой болью отозвалось во мне, что я давал временами себе слово трижды отречься от кружковой замкнутости, от своих убеждений, хотя бы, если надо, и от анархических — и от всего того, что во имя этих идей делал хорошего, и во всеуслышание сказать, что нет партий, нет групп, нет политических организаций, а есть кучки политических шарлатанов, которые во имя личных выгод и острых ощущений на путях достижения своих целей уничтожают трудовой народ, но что этих целей без сплоченности, желаний и целостности трудового народа никогда не достигнуть.

Это меня настолько удручало, что я временами считал себя полусумасшедшим. Но не мог об этом ни с кем поделиться. И не мог не потому, что не хотел, а потому, что не осмеливался, боялся, и боялся не столько плохого мнения о себе своих товарищей, не столько сурового осуждения противников, сколько самого себя...

В Москве я отыскал анархистов А. Борового и П. Аршинова и с ними поделился своими намерениями как можно скорее выехать на Украину и с какими целями. На эту тему много между нами было переговорено, особенно с Аршиновым. Порыв мой — немедленно сейчас же быть на Украине — немного остыл. Я на две-три недели решил задержаться в Москве. За это время я посетил ряд лекций анархистов, большевиков, эсеров. Кроме того, участвовал в заседании

анархистов в гостинице «Флоренция» по вопросу тактики борьбы на Украине. Посетил съезды профессиональных союзов текстильщиков и других профессий. Все вопросы и решения их на этих съездах меня, крестьянина, и радовали, и угнетали. Радовали они меня оттого, что я видел в пролетариате сознание своих пролетарских интересов, свои стремления, свой пролетарский фронт в достижении тех или иных целей.

Угнетало меня то, что я в этом пролетариате, как классе, не видел его прямой воли при решении тех или иных вопросов. Представительство пролетариата на этих съездах, разрешая те или другие насущные вопросы, хотя и делало это от имени своего класса, но волей политических партий, из которых каждая по-своему понимала и истолковывала пролетарские цели и обязанности в момент строительства социалистического государства. По-моему, это, во-первых, резко отмежевывало пролетариат от трудового крестьянства, без взаимного содружества с которым в социалистическом обществе, не говоря уже в полусоциалистическом, полукommунистическом государстве, каким было в это время государство большевистско-левоэсеровского блока, нормальной трудовой классовой жизни быть не может. Во-вторых, такое автоматическое подчинение пролетариата, как класса, каким бы то ни было политическим партиям отдаст его в распоряжение этих партий на самое позорное глумление, как в духовном, так и физическом отношении.

И вот зарождается нездоровое мышление среди части городского пролетариата России и Украины: о необходимости своей пролетарской государственной политической власти или ее диктатуры, во имя которой эта часть пролетариата разбивает единство своего трудового организма, создает новые рознящиеся в мыслях пролетарские кадры; совершает поход и борется зачастую за то, что в будущем во имя свободы вольного труда и равенства обездоленного человечества сама же будет отбрасывать в сторону. Благодаря этому во всех тружениках села и города закрадывается и развивается недоверие одних к другим.

Идеологи политического авантюризма это недоверие подхватывают и на нем строят свои партийные принципы, указывая этим труженикам, что, только следуя этим принципам, можно отыскать, понять и устранить причины этого недоверия.

Городской пролетариат, а также и трудовое крестьянство, потеряв свою целостность, единство, из которых можно было черпать силу, поддержку, знание, поддаются на эту удочку. Они бросаются в объятия какой-либо из этих политических партий и этим, распылив свой трудовой фронт, обессиливают свою классовую мощь, за счет которой во всех отношениях все везде и всюду живут и наживаются, и в то же время кто хочет и как хочет повелевают.

Политические партии считают такие явления ввиду таких-то и таких-то причин (как они обык-

новенно выражаются)... неизбежными и даже необходимыми.

В этом единственно, может быть, и кроется успех политических партий, которые упорно убеждают трудящихся, что последние без них, т. е. без политических партий, со своими аполитическими профессиональными союзами и кооперативами бессильны и не способны оградить свою социальную жизнь от своих противников на политическом горизонте и ковать свое счастье на поле экономическом.

Политические партии серьезно не задумываются над последствиями своих действий и, увлекаясь сами, увлекают за собой и слепо доверяющие трудовые массы зачастую в омут такой сумятицы и неопределенности, глубину которого и сами они не в состоянии ни понять, ни разрешить. Такое положение чувствовалось в июньские дни 1918 года в России. С одной стороны, Вильгельм II через своего посла Мирбаха и через большевиков ставил препятствия развитию русской революции, а с другой стороны, пролетариат и крестьянство на всех своих съездах требовали для революции широкого простора. Правда, благодаря этому большевистско-левоэсеровский блок дал трещину.

Левые эсеры опирались больше на крестьянство, тогда как большевики и на пролетариат, и на крестьянство. Выиграли, конечно, большевики, ибо они остались. Этот выигрыш слишком дорого стоил трудящимся не только России, но вообще всем трудящимся, которые так глубоко верили в чистоту принципов Октябрьской революции.

Все это действовало на меня удручающе. Я лишь раз убедился в том, что, подымая революцию, пролетариат прежде всего приносит пользу политическим партиям, зачастую во вред тем идеалам, во имя которых он поднимал революцию. Правда, таков исторический ход всякой революции, кроме подлинно социальной. Последняя только в своем стихийном беге сметает всякий авантюризм. В период ее развития политиканы со своей демагогией болтаются больше в хвосте, а те, которые идут совместно с массами, но не как повелители, а как их друзья и советчики в рядах бойцов и как бойцы, зачастую погибают.

Когда я находился в Москве и посетил Всероссийский съезд профессиональных союзов и ряд лекций таких представителей политического мира, как Свердлов, Ленин, Троцкий, М. Спиридонова, Камков, Рошин и др., во мне еще сильнее заработала мысль и забурлила кровь желанием быть на Украине. Все взоры мои были направлены туда, чтобы совместно с народом в борьбе против немецко-мадяро-австрийских и гетманских сатрапов умереть или освободить Украину.

В душе поднялось властное желание путем воли и усилия самого народа создать на Украине такой строй жизни,

где бы не было ни рабства,
ни лжи, ни позора!

Ни презренных божеств, ни цепей,
где не купишь за злато любви и простора,
где лишь правда и правда людей...

Такой строй я мыслил только в форме вольно-советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников. При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимоотношений между собой. Создают свои учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу.

Над практическим осуществлением этого я часто задумывался. Волнуемый подобными мыслями, я 29 июня 1918 года достал соответствующие украинские документы и выехал на Украину.

По пути следования к украинской границе я встретил много знакомых с Украины. От них узнал, что дом моей матери немецкими и украинскими военными властями сожжен. Брат старший, инвалид, который совершенно не участвовал ни в какой политической организации, — расстрелян. Второй брат арестован и сидит в Александровске в тюрьме, мать скитается по чужим квартирам. Эта весть страшно на меня повлияла. Я душевно заболел. Я способен был возвратиться в Москву, но разум диктовал другое. Он напомнил мне ответственность перед тем, что я наметил и во имя чего еду на Украину. Я переборол свои чувства боли, подбодрил себя мыслью, что кому-либо нужно было и из моего

рода умирать за освободительные идеи народа, но смерть эта скоро ли, поздно ли вызовет за собой взаимные смерти. И я тронулся дальше.

Путь был тяжелый, каждую минуту тебя ожидала смерть, поэтому приходилось маскироваться и до безумия «ширым гетманцем», и чем хочешь, лишь бы только быть на Украине, в тех самых селах, где тебя знают и ожидают.

Военная офицерская форма, погоны несчастного прапорщика, в такт фальшиво расшаркнуться и поклониться — все это мне помогло добраться в район Гуляй-Поля, но не остановиться там, а только добраться и мигом пролететь мимо него. Здесь, на территории этого района, я поселился и чувствовал, что я на Украине. Отсюда и началась организация под моим руководством крестьянского восстания».

Это единственный дошедший до нас подлинный текст самого Нестора Махно, где он выступает, так сказать, как теоретик. Расхожие анархические идеи тут выражены упрощенно и даже наивно, хотя в одном сомневаться никак нельзя, а именно в искренности автора этих строк. Да, он думал и чувствовал именно так, а поступки его, что особенно важно, с изложенной «теорией» не расходились — в отличие от множества иных его «коллег» по революционному делу.

Если же вычленить суть нехитрых махновских убеждений, то она сведется к трем простым и ясным словам, которые в этом отрывке упоминаются вроде бы мимоходом: «вольный советский строй». Чтобы советы избирались сверху донизу,

чтобы никакие комиссары или губернаторы ими не командовали, чтобы была ВОЛЯ. А это слово необычайно емкое и, говорят лингвисты, даже трудно переводимое на другие языки. Недаром один из героев пьесы Льва Толстого выразился тонко: «Это не свобода, а воля...»

Есть, однако, в мемуарах Махно умолчание, правда весьма заметное. Вот он кратко, даже вскользь, поминает о посещении летом 1918 года в Москве разного рода публичных мероприятий, где слушал «лекции» видных политических деятелей, в частности Ленина и Свердлова. Конечно, слово «лекция» в данном случае неточно, никаких таких лекций оба деятеля никогда не читали. Но дело, конечно, не в этом. А в том, что Махно ничего в первом томе своих воспоминаний не сказал о встречах и беседах с Лениным и Троцким, и не где-нибудь, а в Кремле.

Тут необходимы некоторые разъяснения. Уже говорилось, что первый том воспоминаний Махно вышел в Париже при его жизни, а Галина Андреевна подтвердила мне, что помогал ему составить текст книги старый российский анархист Волин (Эйхенбаум), о котором речь впереди. Судя по тексту, авторское присутствие в нем Нестора чувствуется безусловно. Но вот со вторым томом его воспоминаний начинаются уже текстологические и источниковедческие неясности.

Попробуем разобраться, ибо это очень важно для установления подлинной биографии нашего героя. Дата кончины Махно известна. И вот два года спустя, в 1936-м, выходит в Париже вторая

книга его мемуаров — «Под ударами контрреволюции». Издание по нынешним временам сугубо раритетное. Мне довелось держать экземпляр этой относительно небольшой по объему книги. Плохая бумага, никаких дополнительных указаний: когда подписана к печати, кто редактор и т. п. Галина Андреевна сказать мне об этой книге не могла ничего, не знала даже, кажется, о ее существовании. Это вполне вероятно. Еще до кончины Нестора супруги расстались, а потом Галина Андреевна сошлась с белогвардейцем-эмигрантом. Ясно, что второй том издавался без ее участия. Кто его готовил, пока неизвестно. И видимо, уже никогда не станет известно.

Разбор текста посмертного тома воспоминаний Махно очевидно показывает, что язык и стиль там совсем не такие, как в первом. Очень уж они напоминают мемуарную беллетристику, дурные образцы которой показывал «Воениздат» в бесконечной серии своих генеральских книжек. Бросается в глаза множество диалогов. Это всегда подозрительно для мемуарной литературы. В известнейших воспоминаниях Черчилля или де Голля диалогов очень немного (за исключением тех, которые даются в подлинной записи). А тут не слишком грамотный Махно воспроизводит двадцать лет спустя слова двух большевистских вождей. Сцены эти выписаны подробно, занимают в общей сложности около трех печатных листов.

Что же нам делать с этим источником? Отбросить? Было бы и жаль, и несправедливо. Поэто-

му процитируем лишь те отрывки, которые кажутся более или менее достоверными и содержат фактические сведения.

«Я подошел к воротам Кремля с определенным намерением: во что бы то ни стало повидаться с Лениным и, по возможности, со Свердловым, поговорить с ними.

У ворот, ведущих в Кремль, дежурная комнатка. В ней сидит доверенное лицо, которое, по предъявлении документа-ордера из Московского Совета, осматривает его, прилагает к нему свой маленький ордерок и отпускает желающего пройти в Кремль. Тут же, сбоку этой комнатки, прохаживается часовой-красноармеец из латышского стрелкового полка. Проходишь мимо этого часового, при входе из ворот во двор Кремля, и натыкаешься на другого часового. Можешь спросить его, в какой корпус ты хочешь пройти, он тебе укажет. А далее, хочешь — ходи по двору и осматривай разнокалиберные пушки и ядра к ним, допетровских и петровских времен, царь-колокол и другие достопримечательности, о которых ты мог только слышать, но до входа во двор Кремля ты их не видел, или же иди во дворцы-палаты.

При входе во двор Кремля я повернул влево, прямо во дворец (не помню его названия), поднялся по трапу, кажется, на второй этаж и по коридору этого этажа пошел влево, не встречая ни одного человека и лишь читая — на одних дверях: «ЦК партии» (коммунистов-большевиков), на других: «Библиотека» (не узнал, какая). И так

как ни «ЦК партии», ни «Библиотека» мне в то время не были нужны, то я прошел мимо них, не уверенный даже в том, что за дверями с этими надписями кто-либо был.

Проходя далее по тихому длинному коридору, я встречал еще какие-то надписи на дверях, но все они не говорили мне ничего о тех, к кому я пришел. Я повернул назад и, дойдя до двери с надписью «ЦК партии», постучал в нее. Раздался голос: «Войдите». И я вошел. В комнате сидели три человека. Один из них показался мне Загорским, которого я всего два или три дня назад видел в одном из большевистских партийных клубов. К ним, этим сидевшим в гробовой тишине за какой-то работой трем людям, я и обратился с просьбой показать мне, где помещается ВЦИК Советов.

Один из них (если не ошибаюсь, Бухарин) вскочил и, взяв под руку портфель, сказал, обращаясь к своим товарищам, но так, чтобы и я слышал:

— Я сейчас ухожу и этому товарищу, — показывая на меня кивком головы, — покажу, где ВЦИК.

И в ту же минуту направился к двери. Я поблагодарил их всех и вышел вместе с казавшимся мне Бухариным в коридор, в котором по-прежнему царил гробовая тишина.

Мой проводник спросил меня, откуда я приехал. Я ответил ему:

— Из Украины.

Он очень заинтересовался тем, какой террор царит на Украине и как я пробрался в Москву.

При этом мы уже не шли, а стояли у ступеней, по которым я поднимался на этот коридор.

Затем мой случайный проводник указал мне на дверь по правую сторону от входа в этот коридор, за которой я, по его словам, мог узнать все, что касается ВЦИКа, и, попросившись, спустился вниз, к выходу из дворца во двор.

Я пошел к указанной мне двери. Постучал. Вошел. Меня встретила девица. Спросила, что мне нужно.

— Я хочу видеть председателя Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, товарища Свердлова, — ответил я на вопрос девицы.

Девица, ничего мне не говоря, села за письменный стол. Затем взяла мой документ и пропуск в Кремль, кое-что выписала из них, написала мне карточку и указала номер другой двери, куда я должен зайти...

Секретарь вернулся в свой кабинет.

Тов. Свердлов показался мне несколько быстрее, чем его секретарь. Мне показалось также, что он глубже заинтересовался тем, что в действительности происходило на Украине за последние два-три месяца. Он сразу выпалил мне:

— Товарищ, вы с нашего бурного юга, вы чем там занимались?

— Тем, чем занимались широкие массы революционных тружеников украинской деревни. Трудовая украинская деревня, приняв живое, непосредственное участие в революции, стремилась к полному своему освобождению. В ее пере-

довых рядах я, можно сказать, был всегда первым на этом пути. Лишь теперь, в силу поражения и отступления общего революционного фронта из Украины, я очутился временно здесь.

— Что вы, товарищ, говорите, — перебил меня тов. Свердлов, — ведь крестьяне на юге в большинстве своем кулаки и сторонники Центральной рады.

Я рассмеялся и не слишком распространенно, но выпукло нарисовал ему действия организованного анархистами крестьянства в Гуляй-Польском районе против нашествия немецко-австро-венгерских экспедиционных армий и отрядов Центральной рады.

Тов. Свердлов, как будто и поколебленный, не переставал, однако, твердить:

— Почему же они не поддерживали наших красногвардейских отрядов? У нас есть сведения, что южное крестьянство заражено крайним украинским шовинизмом и всюду встречало экспедиционные немецкие войска и отряды Центральной рады с особенной радостью, как своих освободителей.

Я начал нервничать и горячо осуждать их сведения об украинской деревне. Я сознался ему, Свердлову, что сам являюсь организатором и руководителем ряда крестьянских вольных батальонов для революционной борьбы против немцев и Центральной рады и что я знаю, крестьянство могло бы выделить из себя могущественную революционную армию против немцев и Центральной рады, но оно не видело боевого фронта

революции. В красногвардейские отряды, которые вели борьбу по линиям железных дорог, всегда держась своих эшелонов и при первом же неудачном бое не всегда даже грузившихся в эти эшелоны, а отступавших на десятки верст, не видя противника (движется он по их следам или остановился), — в эти отряды крестьянство не верило, ибо сознавало, что, будучи без оружия, оно останется само одиноким в своих селах на растерзание палачам революции. Красногвардейские отряды свои эшелоны не бросят в 10–20 верстах от деревни, чтобы прийти в нее и не только вооружить и, подбодрив, толкнуть крестьян на революционный подвиг, в бой против вооруженных врагов революции, но и самим пойти вместе с ними на этот подвиг...

Свердлов слушал меня с особым вниманием и лишь от поры до времени переспрашивал меня:

— Да неужели же это так?

Я указал ему на ряд красногвардейских отрядов из групп Богданова, Свирского, Саблина и других; указал в более спокойном тоне на то, что красногвардейские отряды, будучи прикреплены к путям железных дорог, к эшелонам, при помощи которых они привыкли быстро наступать, но чаще всего отступали от противника, не могли внушать серьезного доверия к себе со стороны крестьянской массы. А сама эта масса видела в революции средство избавления себя от гнета не только помещика и богатея-кулака, но и от слуги этих последних — власти политического и административного чиновника сверху,

и поэтому совершенно сознательно готова была защищать себя, защищать свои завоевания от казни и разрушения их немецким юнкерством и гетманщиной...

Через минуту Свердлов... быстро написал мне, за личной своей подписью, пропуск к себе. Вручая мне этот пропуск, он сказал:

— Товарищ, завтра в час дня зайдите прямо сюда, ко мне, и мы пройдем к тов. Ленину... Смотрите, непременно зайдите.

На другой день, ровно в час дня, я был опять в Кремле у председателя Всероссийского Центрального Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — тов. Свердлова. Он провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть, а сам прошелся к своему, по-видимому, секретарю или переписчику и сказал ему:

— Вы, пожалуйста, закончите это к двум часам, — и лишь тогда сел против меня и начал расспрашивать.

Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах» и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской центральной рады в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?.. Если да, то чего недоставало, чтобы крестьянские бунты вылились

в повсеместные восстания и не слились с красногвардейскими отрядами, с таким мужеством защищавшими наши общие революционные достижения?..

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же, со свойственным организатору и руководителю умением, старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг «Вся власть Советам на местах», Ленин переспрашивал меня три раза; и все три раза удивлялся тому, что я говорил ему: а именно, что этот лозунг крестьянами воспринят своеобразно: власть Советов на местах — это, по-крестьянски, значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся; что сельские, волостные или районные Советы рабоче-крестьянских депутатов есть ни более ни менее, как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией и ее прихвостнями — правыми социалистами и их коалиционной властью...

Далее мы перевели разговор на другие его вопросы. И на один из них — на вопрос о «красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищали наши общие революционные достижения» — Ленин заставил меня ответить ему подробнейшим образом. Этот вопрос, видимо, беспокоил его, или же он вос-

становливал в памяти то, что еще так недавно проделано было красногвардейскими группами и отрядами на Украине, проделано как будто успешно, с достижением той цели, которую Ленин и его партия ставили перед собой и во имя которой посылали эти группы и отряды из далекого Петрограда и других больших городов России на Украину».

Из всех этих описаний ясно только одно — Нестор Махно в июне 1918 года со Свердловым и с Лениным встречался. Об этом, кстати, упоминается в кремлевских документах. О чем они говорили, отчасти видно из посмертных «мемуаров» Махно, хотя относиться к ним следует очень осторожно. Однако суть бесед советских вождей с мало им еще известным Нестором Махно изложена там, надо полагать, в общем и целом исторически достоверно.

Чего не скажешь об иных обстоятельствах, описанных в книге. Скажем, у Махно в Кремле якобы не потребовали никаких ручательств, даже именем и партийностью не поинтересовались, допуская его к высшим руководителям Советского государства, которые доверчивостью никак уж не отличались. Бесспорно одно: Ленин и Свердлов действительно весьма интересовались сведениями очевидца о положении на оккупированной немцами Украине, причем именно в ее сельской глубинке, откуда к ним данных почти не поступало. Они охотно выслушали Махно, однако ничего существенного украинскому посланцу не сказали, своими планами не

поделились, совместных документов не подписали. Оба советских вождя были политически куда опытнее предводителя сельских партизан.

Махно проживал в красной Москве у старых знакомых анархов. Чекисты уже давно пристально следили за этой буйной и своенравной публикой. Но, как известно, любые союзники могут пригодиться, а лихой атаман мог быть вполне полезен большевикам в борьбе против кайзера или белогвардейцев — почему бы не приласкать его?

Не подлежит сомнению, что Махно вел в Москве какие-то переговоры с анархистами разных толков. Исходя из дальнейших событий можно с уверенностью предположить, что связи эти остались крепкими, какими-то обязательствами он, несомненно, заручился. Главное же в ином: Махно был прежде всего практическим политиком, человеком действия, а реальная жизнь призывала его на родину, где трудящиеся томилась в поисках разрешения своих бед. В июле Махно возвратился в Гуляйполе, причем так же тайно, как и покидал его совсем недавно.

Революционное время — быстрое очень. За недолгое вроде бы отсутствие Махно летом 1918-го обстановка в его родных местах и окрест резко переменилась. Во-первых, исчезли надежды в отношении оккупантов — те нагло и беззастенчиво грабили хлебородную Украину. Во-вторых, потомок древнего украинского дворянского рода, бывший генерал царской армии Павел Скоропадский, 29 апреля 1918 года «избранный» опереточным «гетманом Украинской державы», безоговорочно доказал свою услужливость чужеземцам. Селяне начали доставать припрятанное оружие, стихийно создавать мелкие вооруженные отряды. Как всегда в подобных случаях, нужен был вожак, атаман — смелый и популярный. Тут-то и выкинул свое революционное черное знамя Нестор Махно.

На Екатеринославщине не было и нет ни гор, ни лесов (только небольшие перелески), ни болот — классических обиталищ для партизанских войск. Однако Махно нашел выход, как в таких вроде бы невыгодных условиях бороться с регу-

лярными армейскими частями. Тактика его заключалась в подвижности, стремительности и неожиданности действий, здесь Махно оказался истинно гениальным партизанским военачальником.

В Гуляйполе он легко и быстро нашел себе сподвижников: множество хлопцев жаждало бороться с угнетателями. На исходе жаркого украинского лета Нестор возглавил небольшой, кое-как вооруженный отряд, но цели у него были весьма значительны: не только сражаться с оккупантами и их прислужниками, но и разом решить наболевшие общественные вопросы — освободить всех трудящихся от любого гнета, создать царство справедливости и мира без всяких там властей предержавших...

Отметим, что на юге Украины в ту пору среди оккупантов преобладали не германские, а австро-венгерские войска, последние же состояли по большей части из чехов, словаков, поляков, венгров и представителей иных народов, которые совсем не желали умирать за империю Габсбургов. Значит, и службу они несли плохо, и сражались соответственно (вспомним «Бравого солдата Швейка»). Воевать с таким противником неважно вооруженному отряду Махно было относительно легко. Еще легче со слабыми частями «варты» — военно-полицейских сил «гетмана» Скоропадского, созданных с помощью оккупантов: те вообще готовы были сдать при первом выстреле. Жалкие отряды «варты» разоружали, а кое-кого и пускали в расход — боремся, мол,

с угнетателями трудового народа... Ради этого же народа нападали на сохранившиеся еще помещичьи имения, убивали хозяев и прислугу, не щадили и членов семей, а имущество и скот делили среди селян. Слава гремела окрест...

В конце лета 1918 года стало ясно, что австро-германский блок вот-вот потерпит поражение: хирели регулярные войска, смелее и удачливее делались партизаны. Никаких тут точных сведений нет, есть множество легенд, как Махно, якобы переодевшись, проникал к противнику, как его отряды изображали свадебное шествие и таким образом продвигались беспрепятственно на виду у всех и т. п. Все это вздор, не заслуживающий внимания. Но вот один примечательный факт, описанный в достоверном источнике. В августе махновцы окружили отставший австрийский отряд, оккупанты особенно уж сражаться не стали, сдались. Победа Махно по тем меркам была впечатляющей: взят ценнейший трофей — пулеметы, а также 83 пленных солдата. Махно поступил, как истый народный вожак: солдат обезоружил, но всех отпустил, более того — каждому дал по 50 рублей и бутылке водки (источник тут чуть грешит, водка в России не производилась с 1914 года, речь шла, видимо, о самогоне).

Здесь самое место процитировать воспоминания одного из ближайших сподвижников Махно в ту пору, его земляка А. Чубенко. Происхождение этих воспоминаний не вполне ясно. Несколькими позже Чубенко был взят красными

в плен и дал обширные показания в ЧК (об этом позже). Запись их подлинная, характерен язык махновца, простого украинского селянина. Видимо, его показания и стали основой для составления «мемуаров». Кто это делал и как, сейчас выяснить трудно, однако иных источников относительно первых партизанских забот и успехов Нестора Махно очень мало, к тому же они недостоверны. Обратим внимание на фактическую сторону рассказа.

«В конце августа 1918 г. Махно приехал в Гуляй-Поле из Курска, куда он попал из Царицына. В течение целого месяца он скрывался от варты и австрийцев. Гуляйпольские анархисты и преданные беспартийные... также в одиночку скрывались по хуторам.

Лишь в конце сентября они сошлись на первое совещание. Тут был Махно, я, Каретниковы — Пантелей и Семен, Марченко и Гусарь. Сидим на чердаке у Сименюты и рассуждаем, как бы организовать отряд и поднять восстание. На дворе было темно, и мы чувствовали себя в безопасности. Вдруг у соседа пожар; мы оторопели и не знали, что делать. Выйти на двор было опасно, сидеть здесь — боязно, как бы не вспыхнула и наша хата. Сидим, рассуждаем, а там крики, тревогу подняли, австрийцы уже порядки наводят.

Входит к нам Гусарь, который полчаса тому назад куда-то выходил, и говорит:

— Я запалил хату этому собственнику, чтоб не выдавал, сволочь такая!

Мы набросились на него, начали ругать. Но не вернешь...

Основной вопрос, стоящий перед нами, был вопрос об оружии. В конце концов мы достали деньги, купили пулемет, налетели на имение бывшего пристава и взяли четверку серых и два гнедых породистых рысака.

Нас тогда было восемь человек, один пулемет с тремя лентами, браунинг и восемь винтовок... Ночью выехали из Гуляй-Поля, а под утро, сделав 50 верст, налетели на Жеребецкий банк, где взяли сорок четыре тысячи рублей. Нам повезло!

Было решено соединиться с Щусем, который после того, как был разбит в июле месяце, скрывался в лесу. Числа 26 сентября в Дибривском лесу мы соединились. Наш отряд возрос до пятнадцати человек. Простояли мы в лесу спокойно что-то три дня, а потом решили катнуть в Гуляй-Поле. Но, ввиду того что там было много австрийцев, выкачивавших хлеб, останавливаться в нем было опасно. Тогда мы решили ехать в деревню Шагарово и подобрать там наших ребят, скрывавшихся от австрийцев.

Махно тогда не проявлял себя и был как все, маленький и равный. До этого прогремевший налетами Щусь пользовался у нас военным авторитетом. Однако он не имел над нами власти, и, если надо было куда-нибудь идти, все сообща решали вопрос и, в зависимости от настроения отряда, принимали то или иное решение.

В Шагарово было спокойно, австрийцев не было, и мы как ни в чем не бывало разместились

по хатам. Вдруг хозяин квартиры кричит в окно: «Скорее, австрийцы!» Мы как угорелые из хаты — и за пулемет...

Мы трахнули из пулемета. Начальник варты и следователь тут же свалились, а австрийцы разбежались по дворам. Конечно, мы их обезоружили и отпустили.

Винтовок у нас было много, но добровольцев только три человека. Пулемет с лентами отбили и установили на тачанку. Не страшно, думаем. А из Гуляй-Поля австрийцы, заслышав стрельбу, катили уже на подводах. Мы потихоньку балочкой махнули 25 верст в село Успеновку...

Подкормив лошадей, выехали на Гуляй-Поле. По дороге к нам присоединилось еще три человека.

Заехали мы в Гуляй-Поле, а там тревожно: австрийцы выгоняют подводы, конная варта делает объезды за селом... надо уезжать скорее, дальше от греха, думаем себе. Вдруг из-за угла варта... Мы их подпустили и как ударили из двух пулеметов, они — кто куда. Бросили на улице винтовки и лошадей. Мы все это подобрали...

— Ты, Пантюшка, вот с ними оставайся здесь и найди ребят, пусть будут наготове, — приказал Махно Тютюнику. Три славных хлопца остались, а взяли десять новых. По центру мы выпустили из пулеметов по одной очереди и махнули за 35 верст на север, в село Покровское.

Наш отряд все выросал. Оружия опять не хватало. Если бы повезло в Гуляй-Поле, думали мы.

Рано утром от Пантюшки получили извещение. Ему удалось кое-кого разыскать из своих, да и крестьяне были весьма враждебно настроены против австрийцев и поджидали удобного момента, чтобы восстать... Впереди послали местного крестьянина, который должен был разыскать Пантюшку и известить его о нашем намерении. Как только завяжем бой, церковный староста должен бить в набат, а крестьяне ударить по австрийцам с тыла.

Австрийская застава охраняла только главные выезды, а остальные дороги были совершенно свободны. Осторожненько, балочкой, мы подъехали, расспросили и поехали на ярмарочную площадь. Это было 14 сентября по старому стилю. Была ярмарка, против которой на заводе Вечлинского расположились австрийцы, охраняя арестованных крестьян.

Мы их мигом окружили, ударили из пулеметов и бросились в атаку. А на колокольне уже звонили в набат. Напуганные австрийцы, подняв над головою руки, кричали:

— Ура, Махнэ!

Бригада сложила оружие. Здесь же, не слезая с лошадей, мы выбрали «Революционный комитет», и Махно написал телеграмму, примерно следующего содержания: «Всем, всем, всем! Районный гуляйпольский Ревком извещает о занятии повстанцами Гуляй-Поля, где восстановилась советская власть. Объявляем повсеместное восстание рабочих и крестьян против душителей и палачей украинской революции австро-герма-

но-гайдамаков. Гуляйпольский Районный Революционный Комитет».

Телеграмму отправили на почту, откуда она была разослана во все концы Украины. Махно собрал митинг. Людей было — необозримый лес. Он призывал австрийцев не верить офицерам, которые ведут их ложной дорогой, а лучше вернуться домой и там бороться за революцию. Местное население он упрашивал отказывать во всем гетманцам и не подчиняться их власти.

После митинга солдаты качали его и кричали «ура!». Взятая бригадная касса была роздана австрийцам, и они просили нас взять их с собой. Но мы им отказали.

В Гуляй-Поле мы были не более суток. Наш отряд возрастал, и под ружьем было более сотни человек. К этому времени Ермократьев, организовавший в приднепровских селениях отряды (до 300 человек), находился между Александровском и Екатеринославом. Нас волновало желание скорее соединиться с ним... Мы вышли к Днепру. Прошли верст семьдесят, расспрашивая, где имеются местные повстанцы, но ни одного не встретили.

Наконец добрались до села Михайлово-Лукашево... Крестьяне хоронили казненных повстанцев из ермократьевского отряда. Двумя днями раньше австрийцы разбили Ермократьева и всех пленных повстанцев повесили... Зверской расправой руководил начальник уездной варты штабс-капитан Мазухин...

Бежавший Ермократьев и семь человек повстанцев находились на ближайшем хуторе. Захватив его с собой, мы повернули на Гуляй-Поле. Под вечер наш отряд подходил к немецкой колонии № 2, где мы думали переменить лошадей и достать тачанки. Вдруг с огорода по нас дали залп, другой... Разведка выяснила, что стреляли немцы-колонисты. <Мы> рассыпались цепью, начали обстреливать. Выбили их из огорода, а они засели в дворах; <мы их> выбили оттуда, прогнали улицей, а они засели в домах и ну палить по нас. Судили-рядили, а затем решили выкурить. Мигом поднесли огня и пустили красного петушка. Скирды сена, соломы, дома горели так ярко, что на улицах было светло, как днем. Немцы, прекратив стрельбу, выбегали из домов, но наши всех мужиков стреляли тут же. Женщин и детей брали в плен. Под утро, когда выхватили из огня кое-что из одежды, лошадей и тачанки, мы двинулись вперед. Колония имела двадцать дворов, из которых только два уцелело — остальные сгорели дотла.

Отъехав верст пятнадцать, мы встретились с военным, которого сопровождала конная стража.

— Стой... кто?.. Откуда?.. — спросили мы.

— Кто командует отрядом? — слышалось в ответ. — Я штабс-капитан Мазухин, начальник александровской уездной варты. Какой отряд, я спрашиваю? — повелительным тоном, поднявшись на ноги, крикнул Мазухин. Но вместо ответа ему скомандовали: «Руки вверх».

Его раздели догола, а за компанию и его секретаря, важно ехавшего с ним в экипаже. Кучера,

вартового и четырех конных, сопровождавших его, только обезоружили.

— А это что за письмо? — спросил Мазухина Махно, извлекая конверт из его кармана. Тот не отвечал, а только плакал, упрашивая даровать ему жизнь. Но куда там! Ермакратьев его пытал за михайлово-лукашевскую расправу, а затем подвязал к животу гранату и взорвал, а секретаря расстрелял...

В Большой Михайловке отряд разместился в центре. Штаб остановился в волостном правлении, а повстанцы по хатам. По сведениям, которые мы имели от крестьян, в округе противника не было. Не выставив охраны, мы крепко уснули. Вдруг со стороны Покровской подошли австрийцы. Они проникли в центр и подняли стрельбу. Пришлось бежать в лес, оставив лошадей, пулеметные тачанки... А что главное, мы растеряли отряд: он не успел отступить.

Разведав поутру силы противника, мы решили атаковать его, надеясь, что не успевшие отступить помогут. Наша цепь, состоявшая из двадцати человек, достигнув района расположения австрийцев, ударила по ним. Залп, другой, третий... Австрийцы бросились во все стороны, оставив нам трофеи — две подводы патронов, четыре пулемета и 80 пленных. Удрал за село, они привели себя в порядок и окопались, а мы начали собирать своих растерянных ночью хлопцев и скрылись в лес. Сидим себе спокойно, не думая, что надо выслать разведку. А противник умнее нас был и в течение двух дней окружал лес...

Нас было тридцать шесть человек, и, находясь в центре леса, мы не знали, как выйти из кольца в поле. Что делать? Остаться тут или поставить карту на прорыв? Мы колебались, а неподалеку от нас уже были слышны голоса австрийской цепи и вартовых. Шусь, сторонник умереть в лесу, пал духом. Противоположностью ему был Махно. Он выступил с речью и призывал щусевцев последовать за гуляйпольцами, которые были сторонниками прорыва. Щусевцы поддались его влиянию и закричали:

— Отныне будь нашим батьком, веди куда знаешь...»

Это, так сказать, повествование героическое. Но сохранились и другие воспоминания, где тот же Махно и его бойцы выглядят злодеями и разбойниками. Принадлежат они скромной интеллигентке, попавшей летом 1918-го в самый центр махновщины. Батько и его сподвижники, плохо разбиравшиеся в марксистской социологии, вполне могли причислить ее к «проклятой буржуазии» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Бытовые зарисовки в рассказе точны, а выводы — упрощены. Написанный в 20-е годы, этот источник затерялся в малотиражном издании. Цитируем небольшой отрывок из него:

«Вокзал был забит множеством людей из ближайших селений, убежавших от Махно, трудно было продвигаться в толпе. Всюду лежали и сидели люди всякого возраста и положения.

Австрийцы еще оставались в Пологах, хотя тоже должны были вскоре уйти отсюда, ввиду эва-

куации всех австрийских войск из Украины. Вокзал был ярко освещен, солдаты ходили взад и вперед, так как временно здесь был помещен австрийский штаб. Между тем среди беженцев совершенно спокойно разгуливал сам батько Махно. Переодетый рабочим, в темных очках, он похаживал и посматривал на публику. Мне указали его, так как до того я слишком мало видела его. На вокзале было много людей, видевших Махно не раз, но никому и в голову не пришло выдать его австрийцам. Защиты ведь было ждать неоткуда. Местные сельские власти сами его боялись, а австрийцы уходили, им было не до нас.

Эта ночь в Пологах мне очень памятна. Я вышла из ярко освещенного вокзала на улицу и сразу окунулась во мрак. Была темная осенняя ночь, хоть глаз выколи. Резко выделяясь на черном небе и опоясывая горизонт розовой лентой, виднелось зарево: это горели кругом хутора немцев и личных врагов Махно. Было жутко, хотелось, чтобы ночь поскорее кончилась. В светлых же залах станции было, кажется, еще хуже, чем на улице. Слухи о крушении поездов, взорванных мостах, об убитых, вытасненных из поездов и зверски пытаемых не переставали передаваться, как по радио. К сожалению, слухи были верны и не расходились с действительностью. Здесь же на вокзале встречались потерпевшие, вернее, родные потерпевших, все больше женщины. Женщин тогда еще Махно не трогал. Особенно мне запомнилась мать-еврейка, у которой, по дороге в г. Александровск, были вытаснены бан-

дитами из поезда и убиты 3 сына, один из них мальчик-гимназист 16 лет. Паника царила на вокзале, стон и плач стоял над станцией. В сердце каждого заползал медленно, но верно страх: «А вдруг и с нами то же будет».

Наконец наш поезд тронулся. Говорили, что мост по дороге к следующей станции Кириловка взорван, но мост оказался цел. Мы почти все лежали на полу вагонов, боясь стрельбы по окнам. К общему удивлению и радости, мы доехали до Бердянска благополучно.

Тем временем в «большом мире» произошли грандиозные перемены, которые непосредственно и сразу сказались на жизни обитателей маленького украинского местечка Гуляйполе.

5 октября 1918 года Германия, разбитая на Западном фронте, запросила у Антанты перемирия. Немного позже капитулировала и Австро-Венгрия. Части германо-австрийской армии на Украине стремительно покатались на запад, теряя порядок и воинскую дисциплину. Солдаты из недавних оккупантов превратились в толпы беглецов, желающих только одного — поскорее добраться до родины. Тут Махно и его отряды сумели хорошо использовать благоприятную обстановку.

Уже тогда тридцатилетнего Нестора стали называть уважительно «батько», а сам он с конца 1918-го именно так начал подписывать свои многочисленные приказы и воззвания. По позднейшим данным ГПУ Украины, отряд его насчитывал в то время около 400 человек, но это было

ядро, гвардия, вокруг которой вскоре сложилась многотысячная армия. Подчеркнем иное: вокруг Махно образовался круг ближайших соратников, разделивших с ним судьбу до конца.

В берлинском издании книги Аршинова-Марина приведен список 28 махновских командиров, в некоторых случаях указаны даже биографические подробности. Мы перечислим двенадцать из них — самых боевых и известных. Перечислим в той прихотливой последовательности, которая дана в источнике.

Семен Каретник (иногда в литературе его упоминают как Каретникова) — батрак из Гуляйполя, анархо-коммунист, образование начальное, расстрелян в Мелитополе красными в 1920 году.

Марченко — крестьянин из Гуляйполя, анархо-коммунист с 1907 года, образование начальное, убит красными в январе 1921 года в Полтавской губернии.

Григорий Василевский — крестьянин из Гуляйполя, образование начальное, убит красными в Киевской губернии в декабре 1920 года.

Борис Веретенников — крестьянин из Гуляйполя, потом рабочий в Петербурге, эсер, с 1918-го анархо-коммунист, в июле 1919-го убит белыми.

Петр Гавриленко — крестьянин из Гуляйполя, анархо-коммунист с 1905–1907 годов, расстрелян красными в Мелитополе в 1920 году.

Василий Куриленко — крестьянин из села Новоспасовки, образование начальное, убит красными летом 1921 года.

Виктор Белаш — крестьянин из села Новоспасовки, анархист, взят в плен красными в 1921 году.

Калашников — образование низшее (городское училище), прапорщик в годы Первой мировой войны, с 1917-го секретарь организации анархистов в Гуляйполе, убит красными в бою летом 1920 года.

Михалев-Павленко — крестьянин из Велико-россии, в Гуляйполе с начала 1919-го, у махновцев занимался саперными работами, расстрелян красными 17 июня 1919 года.

Федор Щусь — крестьянин из села Б. Михайловка, бывший матрос, в июне 1921-го убит красными в Полтавской губернии.

Иван и Александр Лепетечко (как настойчиво уточняла Галина Андреевна, правильное написание их фамилии Лепетченко) — крестьяне из Гуляйполя, анархисты, Александр расстрелян красными в июне 1920 года в Гуляйполе.

Как отчетливо видно, ближайшее окружение Махно состояло из его земляков. Заметим, что это обычная примета социально-национальной группы, так или иначе связанной с насилием (вспомним известного «Крестного отца» — социальное там определялось противозаконной деятельностью гангстерского синдиката, а вербовался он по национальному признаку — эмигранты из Сицилии, перебравшиеся в Америку). Махно как вожак революционной группы, поставивший перед собой и соратниками решительные и опасные задачи, тоже должен был опираться на людей исключительно доверен-

ных, «своих». Вот отчего десять из двенадцати атаманов — его земляки. Подчинялись они батке беспрекословно, а ведь известно, что Куриленко, Щусь и некоторые иные сами ранее возглавляли независимые партизанские отряды; без колебаний слились они с Махно и, напомним, остались верны ему до конца — важнейший показатель авторитета лидера повстанческого движения.

Следует упомянуть и о низком образовательном уровне этих людей (включая, разумеется, самого Махно). Это общая примета всех народных вожаков времен Гражданской войны: Чапаева, Буденного, Думенко, Петриченко, Григорьева, Антонова — список можно продолжить, но суть ясна. Только «своим» подчинялись народные низы, в особенности — молодежь. «Чужим» не доверяли, будь то деникинские офицеры или красные комиссары.

Из названных двенадцати по крайней мере восемь принадлежали к анархам. Ясно, что все они (исключая, вероятно, самого Махно) Бакунина и Кропоткина не читали, в глаза их сочинений не видели, но... простым своим умом неуклонно верили в благость уравнилельного социализма, умереть готовы были за него (что и произошло).

И еще одно замечание, последнее — десять из двенадцати погибли в боях с красными и белыми или были казнены (расстреляны, по обычаю того времени). Двое — Белаш и Иван Лепетченко — взяты в плен красными. Итак, выражаясь

военно-историческим языком, потери среди них составили сто процентов. Страшная величина.

Итак, с осени 1918 года батко Махно во главе своей армии, состоявшей из бедняцкой молодежи с немалой примесью бывших солдат и матросов, начал войну за «освобождение трудового народа». Прежде всего запаслись оружием и воинским снаряжением у отступающих австро-германских частей: иногда отбирали силой, иногда покупали или выменивали, чаще просто-напросто подбирали брошенное. Отряд стремительно разрастался, начались попытки создания воинских подразделений — сотен, рот, пулеметных команд, даже захваченные пушки сводили в нечто похожее на батареи. Сколько бойцов насчитывало то нестройное воинство — никто никогда не узнает, ибо и тогда не знал никто, включая самого Махно: даже подобия штаба у него тогда не имелось. Однако по прикидкам свидетелей, вооруженные махновцы исчислялись на исходе 1918-го уже тысячами.

Общеполитическая обстановка на Левобережной Украине была в ту пору невероятно запутанной. С юго-востока в направлении Ростов — Донбасс шли регулярные армии донских казаков и белогвардейцев, но они были пока слабы и отбивались от наступающих с Харькова советских войск. С запада, из-за Днепра, двигались разрозненные отряды петлюровцев — украинских националистов. А на многолюдной Екатеринославщине царила полная неразбериха, сопровождавшаяся погромами всех и вся. Единствен-

ной крупной силой там стали отряды Махно. Он провозгласил петлюровцев врагами, которые несут на своих штыках капитализм и национальное чванство. «Армия» Махно, напоминая огромный цыганский табор, двинулась к левому берегу Днепра, на Екатеринослав — в ту пору индустриальный центр с населением в 217 тысяч человек, один из крупнейших городов России, а Украины тем паче.

Накануне Екатеринослав быстрым налетом заняли петлюровцы — малочисленные, но относительно сплоченные и хорошо организованные. Население встретило их весьма враждебно. Все левые организации города объединились и подняли восстание против непрошенных самостийников — случилось это 26 декабря. Повстанческий комитет, включавший и большевиков, связался с махновцами, прося о помощи. Кстати, в комитете по этому поводу возникали примечательные споры, раздавались голоса, что Махно следует считать «простым разбойником», но... порой союзников выбирать не приходится. Утром следующего дня махновские авангарды переехали по железнодорожному мосту через широкий Днепр, смяли петлюровские слабые заслоны, захватили вокзал, а затем и весь город. Здесь впервые ярко проявилась боевая тактика атамана партизанщины: недостаток сил и воинского порядка он восполнял отчаянной смелостью и решительностью действий.

Но недолго радовались освобожденные от петлюровцев жители Екатеринослава. Лихие

махновские хлопцы понятия не имели о дисциплине, слова такого не знали, но уже отлично усвоили, что есть «буржуазия», а с ней надо обращаться... понятно как. Начались грабежи, нелепые и жестокие расправы, ужасом веет от сохранившихся воспоминаний. Махно и его командиры менее всего имели к этому отношение, носились по городу с маузерами, но «армия», и без того не слишком организованная, превратилась в сборище вооруженного сброда. Пристрелили несколько громил, но это уже ничего не решало. Один екатеринославский интеллигент записал тогда примечательные слова некоего рядового партизана: «Махно каждому позволяет взять по одной паре всего, сколько нужно на себе носить. А кто возьмет больше, так расстреливает». Какая замечательная картинка к писаниям Бакунина! Как часто радикальные теории о переустройстве мира оборачиваются подобной практикой!

Личный авторитет Махно тем не менее остался незыблемым, и ревком, включая большевиков и эсеров, сделал его командующим всеми войсками Екатеринославщины. Сохранилось впечатляющее описание свиты Махно, составленное очевидцем: «Все они одеты в самые живописные костюмы; здесь и черкесская бурка с чекменями, и казацкая папаха, и штатская шуба, и матросская куртка». Разумеется, создать какое-либо даже примерное сходство с регулярной армией Махно и его атаманам не удалось, да они и не очень пытались это сделать. Случилось неизбежное: через несколько дней петлюровский

полковник Самокиш небольшими силами с налета взял Екатеринослав, причем махновские отряды бежали в полном расстройстве, увлекая за собой подразделения других партий и групп.

Поражение, казалось бы, не только полное, но и постыдное. Однако... В период общественного возбуждения, доходящего до истерии, репутации политических вожakov порой остаются весьма устойчивыми: сторонники и поклонники верят им, что называется, вопреки всему, списывая любые неудачи на происки врагов. Репутация Махно как боевого народного командира нисколько не пострадала, напротив, зимой 1918/19 года он стремительно наращивает свое воинство, формирует уже полки, создает конные части, появляются и знаменитые в нашей истории тачанки.

Тачанки... Они широко описаны в литературе, сняты в кино, изваяны в многочисленных памятниках. Помните, как пелось в популярной когда-то песне: «С налета, с поворота по цепи врагов густой застрочил из пулемета пулеметчик молодой...» Не желая никого обидеть, ни создателей, ни поклонников этой легенды, вынуждены все-таки сказать: в реальной боевой обстановке той поры только умалишенный мог выехать на тройке в чисто поле и «с налета, с поворота» открыть пулеметный огонь по вооруженному противнику. Попробуем представить: вражеская цепь (даже не очень густая) палит из винтовок, позволяющих вести прицельную стрельбу на расстоянии до двух с половиной

километров. Ясно, что попасть в повозку с несколькими людьми и лошадьми, да еще на открытом пространстве, дело несложное. Теперь вообразим ранение одной из лошадей — она бьется в упряжке, ни стрелять, ни уехать...

Спрашивается, а были вообще тачанки? Конечно, и у махновцев, и у красных и белых, но для чего? А для того лишь, чтобы на равнинной местности (в северных, лесных и горных районах тачанки не использовались) быстро доставлять пулеметы к полю боя. Там пулемет снимали, ставили на более или менее выгодную позицию, а повозка, то есть сама тачанка, немедленно отходила в укрытие. Причем на тачанках перебрасывали не только пулеметы, но и пехотинцев...

Итак, наступал новый, 1919 год. Участник тех трагических событий писатель Михаил Булгаков саркастически заметил: «Самый ужасный год в России был 1918-й. Хуже его был только 1919-й». Остроумно и, к сожалению, верно. Насилия творились жуткие, человеческая жизнь потеряла всякую цену. И вот именно в это время махновцы столкнулись с тремя своими главнейшими политическими и военными противниками. Кратко их представим.

Белогвардейцы. Они остались в исторической памяти с неким романтическим флером. «Белые рыцари»... «Белое дело»... «За Русь Святую»... Вспомним Цветаеву с ее знаменитыми и такими сильными стихами:

Белые лебеди
Под снегом лежат...

Так-то оно так, да только не совсем. Были и рыцари, генерал Л. Г. Корнилов например, но еще более нашлось грубых насильников. В итоге своим их победа привела бы скорее всего к кровавой военной диктатуре со всеми известными последствиями. И еще есть одно обстоятельство, о котором нынешние запоздалые поклонники «белых лебедей» очень неохотно вспоминают. Слов нет, их вожди были православными русскими патриотами, однако они же заключили с западными державами кабальные соглашения под грошомые поставки обесцененного после мировой войны оружия и обмундирования. А международные банкиры очень искусно умеют взыскивать долговые обязательства, расплачиваться по которым пришлось бы несчастному русскому народу. К царским долгам и долгам Временного правительства прибавились еще более крупные — «белые». Эту сторону тоже надо учитывать.

Красные. Изучены и осмыслены ныне гораздо лучше и, можно даже сказать, взвешенно. Да, в русской эмиграции, а от нее и на Западе долго ходила легенда о «человеке с ножом в зубах», о большевике то есть. У нас же еще дольше — о благородных «комиссарах в пыльных шлемах», которые... См. роман «Как закалялась сталь», многочисленные творения о «пламенных революционерах». Теперь обе эти легенды, отражавшие лишь малую часть действительности, скончались естественной смертью.

Ныне все объективные историки разных направлений единодушно признают: именно ле-

нинско-сталинские большевики, при всей их несомненной жестокости, удержали государство Российское (они назвали его СССР) от распада и гибели. Долги царские отменили, а соглашений о новых не заключили. Да, расстрелы ЧК были ужасны своей массовостью и незаконностью, но виселицы белых не лучше. О зверствах же всякого рода «партизан», включая сюда и махновцев, мы еще расскажем.

Петлюровцы. Последний постоянный противник Махно и его отрядов. Эти украинские националисты были малочисленны, почти не имели опоры в народе, держались лишь иностранной помощью, став в конце концов прямой агентурой националистической Польши, которую тогдашние советские публицисты с полным правом называли «панской». Петлюровцев били все — и белые, и красные, и махновцы. Зато теперь властители «незалежной Украины», едва ли не прозябающей в голоде и холоде, ими весьма гордятся. А Махно? Героического батьку нынешние самостийники не жалуют. Гнусного изменника Мазепу возвели в ранг героя, а коренного малороссийского хлопца, защитника угнетенного украинского селянства Нестора Ивановича забыли? Ничего странного. Махно решительно отвергал всякий национализм. Это во-первых, но есть и во-вторых. Очень уж не жаловал Махно вороватых угнетателей трудящихся, да и их холуев тоже...

Однако вернемся к украинским националистам, получившим название по имени своего во-

жака Симона Петлюры. Нашему читателю известно о нем мало. Поэтому мы должны хотя бы кратко рассказать о Петлюре на основании имеющихся у нас достоверных исторических источников.

Родился Петлюра в 1879 году в Полтаве, в небогатой семье городского извозчика, хотя позже утверждал, что происходит из старинного казачьего рода. Неглупый, честолюбивый, напористый, он сумел поступить в Полтавскую духовную семинарию — ту самую, которую за несколько лет до него окончил печально известный поп Георгий Гапон.

Однако юный Симон недолго изучал деяния Святых Отцов. Вскоре он был отчислен за участие в украинском националистическом подполье. С юности Петлюра стал ярким врагом России и считал своим духовным отцом гетмана Мазепу. Пройдут годы — и он повторит его путь. Мазепа и не мечтал о независимой Украине, а всего лишь навсего считал: можно найти более выгодного хозяина, чем русский царь. И он искал покровителей, то шведов, то турок.

Петлюра же боролся за независимое украинское государство, но кончил тем же — стал искать покровительства у австрияков, позже у немцев, англичан, французов и даже у ненавистных ему как украинскому националисту поляков.

Так называемое украинское националистическое движение было создано в австрийской Галиции (ныне Львовская область) австро-германскими спецслужбами исключительно с анти-

русскими целями. Естественно, когда Симоном Васильевичем заинтересовались русские власти, он бежал туда, в центр заговорщиков, — австрийско-польский город Лемберг (ныне Львов). Там его обучили, как надлежит вести подрывную работу против Российского государства, и отправили назад.

Вернувшись, Симон Васильевич тихо работал бухгалтером, а смуту 1905 года встретил членом Украинской социал-демократической рабочей партии, стоявшей на крайне националистических позициях. Вместе со своими однопартийцами он ратовал за немедленное создание «Великой Украины» от Днестра до Кубани (на Кубань при Екатерине II переселили отряд запорожских казаков).

Тогда же скромный конторский служащий начал активно писать для украинских националистических газет, что позволило некоторым сочувствующим ему биографам называть его журналистом. Впрочем, ныне, да и раньше, поклонники Петлюры цитируют его труды с осторожностью: написаны они тяжело, много ошибок и политически неосмотрительных суждений. Никаких революционных подвигов в то сумасшедшее время Петлюра не совершил в отличие от того же Нестора Ивановича Махно. Тот, как уже говорилось, и стрелял, и взрывал, и к смерти был приговорен военно-полевым судом.

После первой русской революции Петлюра перебрался в Москву и устроился кассиром в страховое общество «Россия» (примечательно:

Россию ненавидел, а в «России» служил). По-прежнему занимался изданием националистической литературы, участвовал в работе подпольных украинских кружков, но в целом жил тихо и перед царской охранкой не засветился.

Началась Первая мировая война, и страну охватил патриотический подъем. Время для антирусской пропаганды наступило самое неподходящее, и Симон Васильевич сразу объявил в своей газетке, мол, неправильно украинские националистов обвиняют в проавстрийской ориентации. Он даже призвал малороссов «выполнить долг граждан России» в окопах.

Вскоре Петлюру призвали в армию, но отправки на фронт он счастливо избежал, сначала попав в тыловые службы, а потом осев в «Союзе земств и городов», где даже сделал небольшую карьеру. Там и проработал всю войну, разъезжая по стране и обретая нужные связи.

После Февральской революции Петлюра основал и возглавил Украинский фронтальный комитет, а в мае 1917 года был избран во Всеукраинский войсковой комитет Центральной рады (Киев). Через некоторое время он избирается председателем этого комитета. Позже — военным министром Генерального секретариата Украинской Народной Республики (УНР). Осенью 1918 года Петлюра — уже командующий (головной атаман) войсками УНР. Таким образом, не получив ни военного образования, ни опыта командования или хотя бы службы в строю, он становится главкомом.

Вооруженные силы «незалежной» Украины создавались просто: находившиеся на ее территории российские части записывались в украинские, а несогласных офицеров изгоняли со службы. После этого часть солдат, разумеется, дезертировала, а убыль пополнялась всевозможными «добровольцами» и авантюристами, вплоть до уголовников. В результате возникло воинство, громко именовавшее себя Украинским Гайдамацким Коштом Слободской Украины, которое народ называл просто петлюровцами.

Действия петлюровской армии за исключением начального этапа были крайне неудачными. Украинский главком терпел поражения фактически на всех фронтах охваченной Гражданской войной Украины. Петлюру били и белые, и красные, и махновцы, и повстанческие атаманы.

В октябре 1919 года петлюровцы были разгромлены Деникиным, затем им нанесла поражение Красная армия. Остатки петлюровского войска бежали на территорию Польши. Здесь Симон Васильевич вспомнил, что он социал-демократ, и заключил так называемое Варшавское соглашение с другим социал-демократом — Пилсудским.

В ходе советско-польской войны поляки совместно с петлюровскими отрядами начали наступление на украинские земли. 6 мая 1920 года они захватили Киев, но уже в июне были изгнаны Красной армией с Украины. Попытка Петлюры заключить соглашение с Врангелем о совместных действиях против большевиков не уда-

лась. После ликвидации группировки Врангеля в Крыму в ноябре 1920 года Красная армия разгромила и петлюровцев. Симон Васильевич снова оказался в эмиграции.

В Польше Петлюра пытался бороться против советской власти, доказывая в многочисленных статьях, что для украинцев нет разницы между Россией царской и Россией коммунистической. Но поляки потеряли интерес к самостийникам и, не желая портить отношения с Советской Россией, изгнали Петлюру из Польши.

На вершине побед и славы

Итак, наступил кровавый и славный многими ратными подвигами 1919 год. Именно тогда предводитель одного из бесчисленных партизанских отрядов батько Махно добился неслыханных военно-политических успехов, а его имя стало — без преувеличения! — известно всему миру.

23 января 1919 года отряды Махно выбили петлюровцев из Александровска — промышленного и транспортного центра на Левобережье. Примерно в то же время они вышли на юг к Азовскому морю, заняв небольшие портовые городки Бердянск и Мариуполь. Итак, с петлюровцами и белогвардейцами у них шла ожесточенная борьба, но с красными поначалу сложились мирные, даже союзнические отношения. 27 января дивизия Красной армии под командованием знаменитого матроса Павла Дыбенко заняла Екатеринослав. Впервые сошлись махновские и большевистские войсковые соединения. Встреча оказалась самой радушной, даже братской — понятно, с обеих сторон трудовая молодежь сражалась, как ей думалось, за вечное

царство социальной справедливости против «старого мира». Но то были настроения рядовых бойцов, у большевистских же и махновских верхов имелись свои виды.

Ну, тут все просто: Ленин и его партия не терпели никаких политических соперников, даже половинчатых левых эсеров распылили и отправили в небытие, а еще в начале 1918-го разгромили в Москве центры буйных анархистов — Махно об этом знал, но предпринимать ничего не стал, ибо те действительно вели себя дико и разнузданно. Однако и сам Махно, и его окружение тоже не желали подчиняться коммунистам: они, во-первых, почувствовали прелесть винтовки, которая рождает власть, а во-вторых, следовали старой анархистской теории, не признававшей власти никакого государства (тем паче такого жесткого, как Советское).

Ясно, что союз был непрочен, но под давлением снизу скреплен: в феврале махновское воинство преобразовалось в третью бригаду советской Заднепровской дивизии (комдив — тот же Дыбенко), выступившей на борьбу с белогвардейцами, которые, окрепнув, начали наступление по линии Ростов — Донбасс. Словом, обе стороны примирял пока общий враг — Белая гвардия, пытавшаяся восстановить былую Россию, равно ненавистную двум невольным союзникам. Однако нож за голенищем держали и те, и другие...

В феврале—марте махновская бригада (назвать ее регулярной армейской частью все же

нельзя) выдвигается на рубеж Мариуполь — Волноваха и держит общий с красными фронт против деникинцев (пока еще слабых). Участок был второстепенный, но протяженный: от Азовского моря до важного транспортного узла на Южной Украине. Тогдашний главком красного Украинского фронта Владимир Антонов-Овсеенко нацеливал войска Махно на Таганрог — ближайший крупный город на подступах к Ростову, опорному центру белых армий на Юге России.

О делах Махно той поры сохранилось интересное свидетельство — воспоминания бывшего анархиста, а потом большевика Степана Дыбца, записанные в 1935 году. Их подготовил к печати писатель Александр Бек и несколько беллетризировал. Приводим небольшой отрывок:

«Примерно в январе или в первых числах февраля 1919 года у белогвардейцев в Бердянске началась паника. Они принялись грузиться на пароходы. Пулеметы трещат по всему городу, а они срочно грузятся с имуществом и лошадьми. И уходят в неизвестном направлении, оставив город совершенно без власти.

Пока пулеметы трещали, мы собрали за городом фракцию, то есть главным образом рабочих, о которых мы знали, что они, как говорится, большевистски настроены. На собрании постановили, что, как только последний пароход отойдет, нужно хватать власть и создать ревком. Делегаты в ревком выбирались на заводах. Наш заводик делегировал меня.

— Примерно через неделю после того, как мы провозгласили власть ревкома, к городу подошли махновские отряды. Нестор Махно тогда был в такой ипостаси: командир третьей советской бригады имени батьки Махно. Нам ничего другого не оставалось, как его приветствовать: все же советские войска.

— Каков он был из себя? Ну, что сказать? Был среднего роста. Носил длинные волосы, какую-то военную фуражку. Владел прекрасно всеми видами оружия. Хорошо знал винтовку, отлично владел саблей. Метко стрелял из маузера и нагана. Из пушки мог стрелять. Это импонировало всем его приближенным — сам батько Махно стреляет из пушки...

Здесь надобно сказать, что Бердянск отличался от других городишек тем, что там подвалы были полны вина. Махновская бригада вошла к вечеру, а наутро мы увидели, что если армия постоит в городе еще два-три дня, то никакой армии не останется — просто перепьются.

Наутро, когда мы в ревкоме получили сведения о том, что делается в городе, я связался с махновцами и сказал, что мне нужно поговорить с Махно. Махно явился. Другие большевики, члены ревкома, как-то меньше с ним имели дело, а мне по наследству, как бывшему анархисту, главным образом и приходилось вести с ним переговоры. Я ему сказал:

— Ты войсками город занял зря. Если хочешь спасти свои войска, надо их немедленно выводить на фронт. А город будет вас снабжать об-

мундированием, продовольствием. В пределах возможности поможем. Судя по сводке, которую я имею, твоя армия перепилась вдребезги. А присосавшись к вину, она не уйдет, пока все не высосет. Однако вина здесь столько, что твоя бригада будет пить целые месяцы.

Махно мне ответил, что в таких советах не нуждается. Сегодня его приказом будет назначен комендант города. Этому коменданту мы обязаны подчиняться, ибо когда армия занимает город, то все учреждения подчиняются армии, город переходит на военное положение.

Я ему заявил, что мы на это не пойдем, что мы собственными силами гарантируем здесь порядок.

— Мы не возражаем насчет коменданта, однако и у ревкома есть свои права. Если желаешь, будем об этом договариваться...

К вечеру Махно действительно вновь к нам приехал. Мы выступили с нашей декларацией. Он заявил, что ему такая декларация ни к чему. Он человек военный и признает только военную власть.

— Эдак не пойдет. Тогда арестуй нас сразу. Город мы не уступим никому. Тем более что надо насаждать советскую власть в селах. Что же, ты и в селах будешь военную власть организовывать, туда ставить комендантов? Смотри, тебе это невыгодно.

Такие аргументы на него подействовали, он пошел, что называется, на попятный:

— Да, зерно и фураж уездная власть должна нам дать. Поэтому черт с вами, оставайтесь, будете нас снабжать. И надо найти контакт.

Было ясно, что ссоре с нами он предпочел компромисс...

Думается, Махно обладал недюжинными природными задатками. Но не развил их. И не понимал, какова его ответственность. Ему льстило, что вокруг него собралась такая большая армия. Но что делать завтра — этого он себе не представлял.

Предотвратить грабежи, которыми то и дело занималась его армия, тем самым отталкивая от него крестьянство, он был не в силах. Иногда он карал грабителей, расстреливал десяток-другой своих приближенных, но затем опять давал волю стихии, поднявшей его на гребень, и грабежи возобновлялись. Он не мог систематически с этим бороться, будучи противником организованности.

Никак не удавалось превратить бригаду батки Махно в регулярную воинскую часть. Надо сказать, что вся эта бригада имела весьма своеобразное строение. Ни полков, ни батальонов в ней не имелось. Были отряды. Отряд такого-то, отряд такого-то. При этом численность отрядов все время менялась.

Если, скажем, в отряде Щуся насчитывалось, по его словам, две тысячи человек, то, когда мы пошли проверять, оказалось, что сегодня в отряде налицо триста бойцов, завтра — пятьсот. Спрашиваем:

— Откуда появились двести человек, которых вчера не было?

— Подошли из деревни.

— А куда девались остальные? Ведь у вас числится две тысячи.

— Ушли в деревню.

Более или менее постоянное ядро в этих отрядах состояло из командира и его штаба, а все остальное — текучий состав. Как набиралась эта армия? Объезжая уезд, я однажды в каком-то селе стал свидетелем следующей сцены. Пожилая крестьянка срамит парня, своего сына:

— Ты же ни черта не делаешь, да и делать сейчас по хозяйству нечего. Шел бы к Махно. Посмотри на ребят из нашего села. Вот Николай, вот Иван Федорович пробыли у Махно три месяца, привезли по три шубы, пригнали по паре лошадей».

С весны 1919-го Махно и его сторонники оказались у власти над обширным и густонаселенным пространством Восточной Украины — от Днепровских порогов до Донбасса. В этом районе не признавалось тогда никакой центральной власти — ни Советского правительства в Москве, ни Советского правительства в Киеве. Последним руководил в ту пору Христиан Раковский, «профессиональный революционер», так сказать, «международного класса». Довелось ему поработать на ниве революции в Болгарии, Румынии, Швейцарии, Германии, Франции, в начале 1918-го он прибыл на Украину и тут же стал во главе Верховной коллегии по борьбе с контрреволюцией (ВЧК то есть). Кто его поставил, почему, как — до сих пор точно не известно, в биографии Раковского и поныне много неясного.

С 1919-го он сделался председателем украинского Совнаркома, по-русски, как свидетельствуют очевидцы, говорил с сильным акцентом, а украинским языком вообще не владел. Такой вот был тогда «премьер» Советской Украины.

Подобрали ему и соответствующего «военного министра» — печально известного в нашей недавней истории Антонова-Овсеенко. По тем временам не очень молодой (35 лет), он тоже был из «профессиональных», в 1906-м приговорен к каторге, но легко бежал, долго жил во Франции. Прославился тем, что стал одним из руководителей взятия Зимнего дворца в октябре 1917-го (по сути-то, командовали Дзержинский, Свердлов, Сталин и иные, благоразумно державшиеся в тени). Настоящая фамилия его была Овсеенко, родился в Чернигове в семье младшего офицера, но с младенческих пор на Украине не жил и на местной «мове» никогда не балакал.

Однако в конце 1918 года прибыл сюда из Москвы именно благодаря своей украинской фамилии (Антонов — псевдоним, один из многих). Приехал по поручению Льва Троцкого, чьим яростным поклонником долго был, пока того не свергли (позже боролся со своими прежними товарищами). Никаких военно-стратегических дарований за главкомом Советской Украины не обнаружилось, но жестокость он проявлял истинно троцкистскую, помноженную на полное презрение к национальным, историческим и религиозным чувствам людей, среди которых ему довелось тогда «работать».

Итак, мы представили премьера тогдашней Советской Украины и его военного министра; не вдаваясь в подробности, отметим лишь, что почти все правительство в Харькове состояло из людей подобного порядка, патриотизмом — украинским ли, общероссийским — там не пахло. Ясно, что политика была соответствующей. Не зная и не воспринимая чаяний украинских селян, Раковский и его присные не разрешали передел помещичьих земель — по сути, как и при Скоропадском, но тот исходил из дворянской идеологии, а эти — из примитивно понятой марксистской: крупное-де производство предпочтительнее мелкого, всегда и везде... А кто не понимает, тому ЧК разъяснит.

И началось. В бывших имениях учреждались не только совхозы, то есть государственные предприятия, совершенно непривычные тогдашнему земледельцу, но даже пресловутые «коммуны», где общность курей и гусей как бы непосредственно подводила к скорой общности жен... А тут еще надругательства над храмами, «трудовая повинность», иначе — бесправный полурабский труд на тяжелых работах, попутное закрытие гимназий и реальных училищ с заменой их «единой трудовой школой», где внедряли «классовую» педагогику. Но хуже всего — пресловутая «продразверстка», насильственное и безвозмездное изъятие у крестьян хлеба. Это вызвало естественное недовольство земледельцев, которое перерастало в стычки и кровавые столкновения с представителями властей. Зем-

лепашец никак не мог взять в толк, почему плоды его тяжкого труда забирались даром в пользу неясной для него «диктатуры пролетариата» (оба эти слова равно были ему непонятны).

Конечно, вся эта разрушительная вакханалия наблюдалась только в тех районах Украины, где советская власть чувствовала себя более или менее сильной. Иное дело — в обширной сфере влияния Нестора Махно. Тут трудящихся оберегали: ни вывоза хлеба в адрес некой «диктатуры пролетариата», ни мобилизации молодежи в Красную армию. По свидетельству Аршинова-Марина, очевидца тогдашних событий в Гуляйполе, в начале весны 1919-го под властью Махно объединились 32 волости (нечто вроде современных районов), но главное — на съезде представителей местных депутатов «был создан районный военно-революционный совет крестьян, рабочих и повстанцев» (то есть махновцев).

С начала 1919-го, после падения кайзеровской оккупации, к Махно стали стекаться видные анархисты самого крайнего толка. Появился Аршинов-Марин, а также другое примечательное лицо — поминавшийся ранее В. М. Эйхенбаум, пожилой и весьма известный анарх по кличке Волин (простодушные махновские хлопцы так и именовали его «дядя Волин»); заметим для справки, что то был родной брат известного советского филолога Б. М. Эйхенбаума, друга В. Шкловского и О. Брика, без потрясений прожившего долгую жизнь до 1959 года). Эти двое и иные анархи стали выпускать для Махно и его

бойцов разного рода газеты, а по сути листовки. Названия были броские, из сугубо анархистского лексикона: «Набат», «Путь к свободе», «Вольный повстанец» и т. п. Сохранились редчайшие образцы этих изданий, да и то в основном в перепечатках. Читать и цитировать их неинтересно: сплошная анархистская демагогия.

Однако привести пример все же необходимо, тем паче, что автором недавно был обнаружен в хранилищах Музея Революции уникальный документ — одна из подлинных махновских листовок. Были они, как правило, большого формата и наклеивались на стены зданий или заборы. Именно таким способом объяснялись с народом власти. Даты на документе нет, но, судя по содержанию, речь идет о событиях начала 1919 года.

Вверху напечатан классический лозунг анархистов: «С угнетенными против угнетателей всегда» (отметим, что его и по сей день используют группы этих противников всякой организованности). Затем идет заголовок крупным шрифтом: «ТОВАРИЩИ РАБОЧИЕ, КРЕСТЬЯНЕ И ПОВСТАНЦЫ», а ниже текст, который начинается с таких слов: «В тяжелые дни реакции, когда Русская Революция, окруженная со всех сторон врагами, когда Украина осаждалась бронированным кулаком немецко-австрийско-мадьярского империализма, когда трудовые массы Украины задыхались, истекали кровью от невыносимого гнета Петлюровских, добровольческих палачей и всех жестоких, варварских наймитов помещичье-буржуазной своры, когда, казалось, поло-

жение Украинских рабочих и крестьян было безвыходным — мы первые восстали, как непоколебимые, бесстрашные бойцы за великое дело освобождения трудовых масс от цепей экономического рабства, политического и духовного закрепощения».

Мы сохранили орфографию и пунктуацию подлинника, читать его и в самом деле очень скучно, однако заметим, что примерно таким же стилем писали свои «обращения к народу» все противоборствующие стороны. Воззвание махновцев, начало которого мы процитировали, очень длинное и заканчивается весьма характерными строками:

«Путь к освобождению трудящихся лежит через объединение трудящихся всего мира!

Да здравствует Интернационал!

Да здравствует единая семья трудящихся всего мира!

Да здравствует свободная безвластная, анархич. коммуна...»

Вряд ли эти слова могли заинтересовать подлинных трудящихся Украины. Они вообще понятия не имели, что такое «Интернационал». Знаменитый Чапаев, герой кинофильма, так ответил на вопрос уральских селян, за кого он, за большевиков или коммунистов: «Я за Третий Интернационал!» И тем самым умело ушел от вопроса, ибо, что такое «Интернационал», не ведал ни сам начдив, ни тем паче — его слушатели... Непонятно было, что такое «коммуна», тем более «анархическая», и что такое «безвластные

советы». Как это власть, но без власти?.. Словом, анархистские провинциальные теоретики, окружавшие лихого батьку, никакого общего языка с массами не находили, их слушали только потому, что они выступали от имени популярного народного вожака.

Подписано обращение было так:

«Гуляйпольская группа анархистов «НАБАТ».

Исполком Военно-Революц. Совета Гуляйпольского района.

Батько МАХНО

ВЕРЕТЕЛЬНИКОВ».

Последнее имя принадлежало тогдашнему руководителю местного Гуляйпольского совета.

Вот с тех пор и до конца дней махновщины навис над ней черный анархистский флаг, а все это широкое народное движение стало именоваться анархистским. Внешне похоже, и поверхностная логика легко приводит к такому выводу. Ну а на самом деле? Анархистская теория, как и почти все идеологии крайне революционного толка, была сугубо умозрительной, далеко отстоящей от подлинных интересов трудящихся, которых анархисты якобы собирались «освободить». Махновские хлопцы, с оружием в руках пытавшиеся отстоять свои родные села и городки от немецких, петлюровских, белых, а потом и красных насильников, к этим теориям всерьез не относились, не знали их даже. Но в накаленных условиях Гражданской войны, когда каждый миг грозил смертью, хлопцы твердо понимали одно: их батько против красных с их «продразверст-

кой» и против белых с их «реквизициями». Оба заковыченных слова, отродясь им незнакомые, украинские селяне и ремесленники (русские, греческие, немецкие, еврейские, всякие иные) дружно переводили как обычный грабеж. И по сути были правы. А потому держались твердо за батьку, который со своими вольными отрядами худо-бедно их оборонял от всяческих угнетателей. И относились к нему с истинно российским благодушием: мол, пусть малость чудит, но наш...

Действительно, Нестора Махно и его войско единодушно поддержало большинство тружеников от Екатеринослава до Донбасса и Азовского моря. Уже 23 января 1919-го состоялся первый съезд представителей местных советов того региона, который дружно осудил петлюровщину и призвал к борьбе с ней. Вскоре положение изменилось, петлюровцы отошли за Киев, а белогвардейцы-деникинцы вторглись в Донбасс.

События быстро развивались, и 12 февраля состоялся второй съезд в Гуляйполе, официальной столице махновщины. Постановили бороться с Деникиным и провести, как сформулировали комиссары Махно, «добровольную мобилизацию». Выражение очень смешное, оно ярко свидетельствует о несоответствии анархистской догмы реальной жизни. «Мобилизация» означает безоговорочный, то есть принудительный, призыв в армию населения, но анархисты (в теории) были против всяческого принуждения, вот и выдумали нелепое словосочетание.

Сколько сошлось необученных хлопцев под знамя «комбрига батьки Махно», не ведали ни красная, ни белая разведка (это по документам известно теперь совершенно точно), ни окружение самого атамана. (Как тут снова не вспомнить Василия Чапаева, его подлинные слова: «Я командовать приехал, а не с бумажками возиться!» Да, народные вожаки «бумажек» не любили, оттого так трудно порой изучать историю их деятельности.)

Итак, к весне 1919-го повстанческая крестьянская армия Махно в общем и целом сложилась. И поскольку с того страшного для России времени махновцы начнут свою долгую и кровавую «войну всех против всех», продлившуюся два с половиной года, понеся жуткие потери и учинив немыслимые кровопролития, есть прямой смысл рассказать о том воинстве.

Любая партизанская армия должна быть очень подвижной. Но если в тесных горных ущельях или в лесной чащобе еще можно как-то отсидеться, то на равнинах только быстрота и смелость оставляют партизанам надежду на успех в действиях против любой регулярной армии. Войско Махно было подвижным, основа тут — тачанки как средство переброски бойцов и простейших видов пехотного вооружения (пулеметы, боеприпасы, гранаты и проч.). Конницы, как рода войск, Махно создать не удалось, отдельные малочисленные группы имели скорее не боевое, а охранное значение. Итак, основа боевых сил Махно — это пехота, посаженная на легкие по-

возки. Бывали у них и пушки, и даже порой захваченные (у красных или у белых) бронепоезда или броневики, но общей картины они не меняли.

Весьма пикантным вопросом для махновцев, официально исповедовавших анархизм, стала «демократия» в войске, прежде всего пресловутая «выборность командного состава». Это была святая святых анархов; судя по воспоминаниям Аршинова-Марина или текстам чудом сохранившихся махновских газет, принцип соблюдался строго — никаких назначений!.. Увы, то был просто вздор, ибо ни одна армия в мире не может вести боевые действия, руководимая «парламентами» — от ротного до полкового. Жизнь потребовала нарушения догм, и это случилось: командиров частей и подразделений назначал сам батько или его приближенные, а кто не слушался, с тем разговор был краткий и решительный.

В своем построении махновская вольница старалась как-то копировать правильное армейское устройство: создавались роты, полки, порой «дивизии», подобия штабов и даже политико-пропагандистских органов. Много внимания, как и у всех противоборствующих сторон в Гражданской, уделялось разведке и контрразведке. Возглавлял эти службы Виктор Белаш, близкий Махно человек и его земляк. Галина Андреевна его хорошо знала, рассказывала, что в качестве агентов он использовал преимущественно молодых женщин и девушек — было их не так много, но данные они добывали весьма важные (подробностей она не приводила).

Как уже говорилось, в 1921-м, накануне полного краха махновщины, Белаш попал в плен к красным. С атаманами батьки в ЧК расправлялись, как правило, быстро и беспощадно, однако на этот раз сделали исключение: Белаша оставили в живых — видимо, обладал ценными сведениями. Впрочем, о его дальнейшей судьбе еще предстоит рассказать.

Никакого «тыла» у махновцев не существовало: оружие, боеприпасы и снаряжение пополнялись только благодаря трофеям, нет никаких данных, чтобы область что-то для них производила. Пестрота вооружения была необычайной: винтовки и пулеметы самых разных стран и систем — немецкие, английские, французские и даже итальянские и японские (ну, основная часть, понятно, российского производства). Подобное обстоятельство заметно ухудшало боевые качества махновцев и тем более затрудняло снабжение боеприпасами. Врачебно-санитарное дело находилось в плачевном состоянии, раненых и больных размещали по хатам, а чаще всего — оставляли на произвол судьбы, порой ужасной, особенно во время переходов или отступлений. Жестокость тут ни при чем, просто другого выхода у кочевой партизанской армии не было. В 1920-м всю страну поразила эпидемия тифа, пострадали от нее и белые, и красные, и прочие, но потери нестройных махновцев оказались поистине страшными.

Да, отсутствие тыловых, санитарных служб и налаженного снабжения приводило к серьез-

ным потерям, но это мало беспокоило самого батьку и его присных — недостатка в молодых, здоровых хлопцах пока не чувствовалось, истощение богатейшей людьми Российской державы сказалось позже. Чудовищный свой порок отряды Махно долго использовали как преимущество, а именно — способность к невероятной по тем временам подвижности и быстроте маневра.

Теперь документально доказано, что переход едва ли не в сотню верст за сутки не являлся для них редкостью, хотя даже моторизованные колонны времен Второй мировой войны с трудом преодолевали такие расстояния за тот же срок. Вот почему Махно и его штабные долго были поистине неуловимы равно для красных и для белых. Потерпев неудачу, они стремительно уходили, бросая имущество (наберем новое!) и своих раненых, хотя и понимая при том, какая несладкая участь их ожидает. Махновщина породила громадные людские потери в тех районах, где пролегалли извилистые пути сурового и беспощадного батьки и его дружин.

Мемуаристы, красные и белые, охотно писали о плохой дисциплине, грабежах и насилиях махновцев, их повальном пьянстве. Да, все это бывало, верно. Вспомним, однако, мемуары Деникина о любезных ему добровольцах или рассказы красного политработника Исаака Бабеля о Первой конной — что же, там не встречаются сцены насилий или попоек? Во время любых военных действий во всякой армии случаются «эксцес-

сы», в период гражданских войн — особенно, а уж в партизанских войсках — тем паче. О пьянстве и разгулах самого Махно написано много, но вот что любопытно: чем далее отстоял автор строк от места событий, тем эти сцены колоритнее и «круче» (вспомним, например, сочинения Алексея Толстого).

Реальные наблюдатели о чем-то подобном весьма редко свидетельствуют. Антонов-Овсеенко, побывавший в ставке Махно в конце апреля 1919-го, подробно описал обед, за которым подавалась лишь «какая-то красная наливка», а хозяин, не моргнув глазом, сказал высокому гостю, что «не любит пить и пьянство преследует». Публиковал свои мемуары Антонов-Овсеенко пятнадцать лет спустя, во всеоружии позднейших фактов, но поправок не сделал. Не сообщал о том и тогдашний член Политбюро Л. Б. Каменев, побывавший чуть позже на Украине и тоже видевшийся с Махно, так сказать, проездом. Они даже расцеловались на прощанье — такую трогательную встречу уготовил Нестор Иванович Льву Борисовичу.

Каменев в сопровождении К. Е. Ворошилова приехал к Махно и его штабу в поезде под охраной отряда бойцов с пулеметами. Секретарь Каменева так описал эту сцену:

«Гуляют на перроне в ожидании батьки, которого ждут из Мариуполя. Наконец комендант станции сообщает: «Батька едет». Локомотив с одним вагоном подходит к перрону, выходит Махно с начальником штаба.

Махно — приземистый мужчина, блондин, бритый. Синие, острые ясные глаза. Взгляд вдаль, на собеседника редко глядит. Слушает, глядя вниз, слегка наклоняя голову к груди, с выражением, будто сейчас бросит всех и уйдет. Одет в бурку, папаху, при сабле и револьвере. Его начштаба — типичный запорожец: физиономия, одяние, шрамы, вооружение — картина украинского XVII века.

Автомобили поданы. От станции до местечка около восьми верст. С комендантом условие — если к шести часам вечера экспедиция не вернется, послать разведку. Неподалеку от местечка окопы, следы боев. Махно показывает дерево, где сам повесил белого полковника.

— Как у вас с антисемитизмом? — спрашивает Каменев.

— Вспышки бывают, но мы с ними жестоко боремся. По дороге сюда на одной из станций вижу, какие-то плакаты расклеены. Читаю: погромного характера. Вызываю коменданта, требую объяснений. Он ухмыляется. Хвастает, что вполне согласен с тем, что сказано в плакате. Я застрелил его.

На главной улице Гуляй-Поля выстроен почетный караул повстанцев. Повстанцы кричат «ура». Серая, грязная улица, за ней площадь... Махно держит повстанцам речь о подвигах Красной Армии, пришедшей к ним на помощь. Говорит о неразрывности судеб повстанцев и российских трудовых братьев. «Большевики нам помогут», — говорит он. Слушают его воору-

женные винтовками парубки и пожилые. Один стоит в строю босой, в рваных штанах, офицерской гимнастерке и австрийской фуражке; другой в великолепных офицерских сапогах, замаслированных донельзя богатых шароварах, рваной рубахе и офицерской папаче. Есть лица строгие, спокойные, вдумчивые, есть зверские челюсти, тупые глаза, безлобые, обезьяньи черепа. Есть острые вздернутые носы, закрученные усики, рты с подушечками по углам. Вокруг войска теснится толпа крестьян. Издали наблюдают несколько евреев. Настоящая Сечь. Последние слова Махно покрываются бурей оваций. После Махно говорит Каменев. От имени Советского правительства и российских рабочих и крестьян приветствует он «доблестных повстанцев», сумевших сбросить с себя чужеземное иго, гнет помещиков и белых генералов...

Пошли в дом Махно обедать. Обстановка вроде квартиры земского врача. Подавала обед старушка-крестьянка. Хозяйничала жена Махно — его личный секретарь, красивая, молодая украинка. Прогуливались по двору. В соседнем доме на террасе сидела еврейская семья и распивала чай. Махно с удовлетворением указал на эту идиллию расовой терпимости, говоря: «Вот как я всех евреев вырезаю». Часам к четырем был созван сход главнейших сотрудников Махно для совещания с экспедицией Каменева...

Каменев начал свой доклад с приветствия и поздравлений с успехом на фронтах. В выражениях, сперва осторожных, затем все более вы-

пуклых, Каменев указал на ряд фактов, дезорганизующих продовольственное, транспортное и военное дело, в которых провинилась бригада. Указывалось на самочинную мобилизацию, произведенную в Гуляйпольском районе военным советом Махно. Говорилось об отсутствии в районе комбедов, о спекуляции и преследовании коммунистов, «которые не меньше вас, товарищи, являются защитниками трудящегося народа и беднейших крестьян». Последние два слова вызвали ропот. Послышались возгласы. Махно был не в силах зажать всем рты. «Хотите крестьян разорить, а потом любить». «Крестьянин без лошадей не крестьянин, зачем лошадей отнимаете?» «Все мы беднейшие крестьяне!» Каменев ярко рассказал ближайшие задачи Советской власти и так увлек аудиторию, что, как дошел до роли ЧК, раздались лишь несколько не очень громких вздохов...»

По поводу загулов грозного батьки приведем еще одно свидетельство — человека в таких вопросах, пожалуй, наиболее сведущего, Галины Андреевны Кузьменко:

— Нестор никогда много не пил и не играл на музыкальных инструментах, как показывали в кино (тот же «Александр Пархоменко». — С. С.). Помню, правда, он как-то крепко выпил, даже шатался пьяный по селу, его хлопцы привели домой, я его потом сильно ругала, а он стыдился. А вот до ранения в ногу хорошо танцевал, любил это очень.

Видимо, этим словам следует больше верить, чем байкам Алексея Толстого: пьянчуга и хули-

ган не смог бы надолго сохранить авторитет среди вооруженной и способной на все вольницы — такого партизаны в конце концов просто бы прихлопнули, нужен он им такой... Хотя всякое случалось, о чем мы еще расскажем.

Напомним, что с конца 1918-го на Юге России немцев сменили вооруженные силы Англии и Франции, а также послушные им контингенты греческих и сербских войск. Об их планах Антонов-Овсеенко узнал из полученного по секретным каналам из Франции (видимо, по линии Коминтерна) красноречивого документа от 11 апреля 1919 года:

«В начале февраля этого года в Париже во главе с Ротшильдом образовалась компания по использованию богатств России в связи с окончательным поражением Германии... В число акционеров вошли видные члены палаты депутатов правого крыла, весьма солидное количество пав выпало и на долю Клемансо (глава французского правительства в ту пору. — С. С.). Были также посланы агенты в южные города России для покупки акций русских банков, в частности была установлена связь с Рябушинским, который стал во главе комиссии, разработавшей план покупки всех земель Крыма, а также план установления сношений с группой английских банкиров, создавших акционерное общество по покупке земель по линии черноморского побережья Кавказа... Ротшильдовская компания очень усиленно начала субсидировать газету Клемансо «Свободный человек», которая сильно подогре-

вала в массах шовинистические идеи, требуя оккупации России как компенсацию за неоплаченные займы» (имеются в виду долги царского правительства. — С. С.).

Понятно без всяких пояснений, какая угроза нависала тогда над нашей родиной. Белогвардейцы-деникинцы знали или подозревали о подобных планах Антанты, относились к ним вполне отрицательно, однако деваться им было некуда, пришлось принимать их скудную, нищенскую помощь: винтовки, снаряды, патроны, обмундирование, ничего уже не стоившие после окончания мировой войны, все это потекло через Новороссийск, пополняя пустые склады Добровольческой, Донской и Кавказской (Кубанской) армий белых. Они несколько окрепли, перешли в решительное наступление.

На подступах к Донбассу численный перевес, причем явный, был на стороне красных и махновцев. Последние в конце марта начали контрнаступление на деникинцев, но значительных побед не добились, бои шли с переменным успехом. Несмотря на это, советская пропаганда поспешила раздуть их «достижения». 3 апреля «Правда» в возвышенном стиле сообщала: «Махно получил задачу разбить добровольцев... которую выполнил блестяще. Добровольцы, лучшие гвардейские силы, разбиты».

Пропаганда любой из сторон в ту пору была совершенно беззастенчивой. Ну кто из читателей коммунистического ЦО мог проверить, что Махно не удалось «разбить» ни одной части доб-

ровольцев, а также то, что среди последних не имелось никаких «гвардейцев»? Но незаслуженная эта слава кружила голову батьке, а тем паче — его простоватым атаманам. Тогда же начались подспудные столкновения махновцев с политкомиссарами Красной армии — столкновения, которые вскоре обернулись для тех и других грозными последствиями.

Советское военно-политическое руководство попыталось прибрать Махно к рукам. Делалось это известным способом — к популярному народному вожаку направлялись комиссары, которые должны были навязать ему нужную волю, повести за собой (вспомним классическую в этом смысле пару: Буденный — Ворошилов). Однако успеха они у рядовых бойцов не имели, а пробиться к душе батьки не смогли. (Сейчас вот поносят Клима Ворошилова во многих изданиях, но ведь человек-то он был отважный, и от пулю не прятался, и умел говорить с вооруженным народом и настоять на своем, а конники Буденного были примерно одного теста с хлопцами Махно.)

Красное командование попыталось даже одолеть махновцев силой. 10 апреля Дыбенко, прямой начальник «комбрига» Махно, послал ему телеграмму: «Всякие съезды... считаются явно контрреволюционными, и организаторы их будут подвергнуты самым решительным мерам вплоть до объявления «вне закона». Тем самым хотели прикрыть махновский независимый Совет. Приказ грозный, но не из тучи гром: Махно

и его атаманы знали, что красным их пока не одолеть — руки коротки. В ответ Гуляйпольский совет принял резолюцию протеста против обвинения в «контрреволюции» (и в самом деле — обвинение глупее глупого).

Итак, для гуляйпольского «Чапаева» своего «Фурманова» не нашлось. Атаманы изгоняли комиссаров-коммунистов, видя в них посягателей на собственную власть, а у степных дорог оврагов много, иные посланцы политотделов сгинули без донесений... Однако прямые обвинения в подобных делах Махно отрицал горячо: настойчиво оправдывался, даже протестовал. Одному из высокопоставленных коммунистов дал такой вот впечатляющий ответ: «Преследование Политкомиссаров? Изгнание их?! Только нам надо бойцов, а не просто болтунов. Никто их не гнал, сами поутикали». Ясно, что подобный «аргумент» был уловкой — как ни оценивать комиссаров времен Гражданской, но в трусости их обвинить, да еще огульно, никак невозможно.

Нельзя не отметить, что куда хуже обходились Повстанцы с работниками ЧК, которые тоже появлялись в их рядах. Тут уж решительно и открыто действовал сам батяко (все-таки комиссары-коммунисты дело другое — они тоже бывшие революционеры, на одних с ним нарах лежали...). В небольшом приазовском городке Бердянске Махно самолично арестовывал работников местного ЧК (что произошло с ними дальше, неизвестно, но до крови дело, видимо, не дошло; обе стороны сдерживались до поры до времени). Случа-

ев подобных набиралось множество, они очень нервировали как красных (мятеж!), так и махновцев (диктатура!).

Тревожась за положение на южном фланге советских войск, в Гуляйполе приехал сам Антонов-Овсеенко. 28 апреля он прибыл со свитой и охраной на станцию Пологи (ближайшую тогда к Гуляйполю). Там, как вспоминал позже «комфронта Украины», его встретили «некоторые комиссары, бежавшие от Махно», они сильно жаловались на своенравного батьку. Но Антонов-Овсеенко принял решение: «Среди переправы коней не перепрягают».

Махно тоже был не прост, встретил советское начальство по высшему уровню: запорожские тройки, оркестр, игравший «Интернационал», парад войск, приветствия... Любопытно впечатление от речи Махно, произведенное на опытного большевистского комиссара: «Голос не сильный и слегка сиплый, говор мягкий — в общем небольшой оратор, но как его слушают!» Действительно, слушали своего батьку хлопцы с огромным вниманием.

В позднейших воспоминаниях недолгого советского «командукра» (так Антонов-Овсеенко именовался на тогдашнем «новоязе») приведена даже портретная зарисовка Махно, из немногих, сохранившихся от тех времен: «Вышел малорослый, моложавый, темноглазый, в папахе набекрень, человек. Остановился в паре шагов, отдал честь: «Комбриг батяко Махно. На фронте держимся успешно. Идет бой за Мариуполь.

От имени революционных повстанцев Екатеринослава приветствую вождя украинских советских войск». Рукопожатие. Махно представляет членов Гуляйпольского исполкома и его штаба».

Да, все как в наше недавнее время: оркестры, парады, льстивые речи... Верят, верят даже и в нынешнюю искусственную эпоху этим маскарадам разные чиновные люди, тем паче верили тогда. Антонов-Овсеенко, считавший себя очень умным, был полностью одурачен малограмотным сыном гуляйпольского батрака. Все сомнения опытного коммунистического деятеля Махно опроверг твердо отчеканенной фразой: «Пока я руковожу повстанцами, антисоветских действий не будет, будет беспощадная борьба с буржуйнными генералами». Видимо, последовало еще рукопожатие, и не одно.

Антонов-Овсеенко уехал из Гуляйполя умиротворенный, вскоре он дал в Харьков соответствующую телеграмму: «Никакого заговора нет. Сам Махно не допустил бы. Район вполне можно организовать, прекрасный материал». Да, знай об этом Нестор и его атаманы, посмеялись бы, как запорожцы на известной картине Ильи Репина. Пятнадцать лет спустя Антонов-Овсеенко скупно признался в «чрезмерной идеализации» Махно. Но поздно было: в том году Нестор уже скончался, а мемуаристу оставалось доживать на советской службе едва-едва...

В преддверии грозных социальных катаклизмов на Украине, в центре которых оказались батько Махно и его вооруженные отряды, самое

время напомнить, что состояли эти отряды в подавляющем большинстве из крестьянской молодежи и отчасти людей среднего возраста, сражавшихся в общем и целом за дело, которое считали правым. Выразалось оно всего лишь в двух словах, весьма старинных, — земля и воля.

Ну, воля — это понятно, никто не любит угнетения и принуждения. Сложнее обстояло дело с землей. И тут неизбежно придется остановиться на так называемом аграрном вопросе — в условиях Восточной Украины он стоял особенно остро. Крестьяне, поддержавшие Махно, дружно хотели передела помещичьих земель, а также столыпинских хуторных хозяйств (их там было, впрочем, не слишком много). Меж тем советское руководство Украины, выполняя волю большевистского Центра, вело противоположную линию. Кратко сказать о том необходимо, иначе дальнейшие события будут не совсем понятны.

С 6 по 10 марта 1919 года в тогдашней столице Советской Украины Харькове проходил III Всеукраинский съезд Советов. Именно на этом съезде была принята резолюция по аграрному вопросу, которая проводила в своей основе идею национализации всей земли.

По изданной и утвержденной правительством в марте 1919 года «Инструкции по распределению земель во временное уравнительное пользование» все помещичьи и кулацкие земли, отличавшиеся высоким уровнем сельскохозяйственного производства (а таких было 99 процентов),

перешли в руки государства, и на этой основе были созданы советские хозяйства. Для крестьян Левобережной Украины, которые к марту месяцу уже фактически социализировали помещичью землю, скот и инвентарь, такое решение было равносильно вторичной экспроприации их собственности, завоеванной кровью в борьбе с гетманщиной и австро-немецкими войсками.

Неудивительно, что крестьяне встретили это решение в штыки и потребовали от своих анархо-коммунистических организаторов соответствующей на него реакции.

10 апреля в Гуляйполе состоялся 3-й съезд Советов махновских уездов, на котором решения Всеукраинского съезда были подвергнуты резкой критике. Положение обострилось, когда во время заседаний в Гуляйполе пришла телеграмма, в которой Дыбенко квалифицировал созванный здесь съезд как контрреволюционный.

В итоге гуляйпольский съезд Советов принял резолюцию, которая фактически отменяла все решения III Всеукраинского съезда:

«Обсудив всесторонне беспристрастно, без давления какой бы то ни было политической партии вопросы по докладу с мест и по текущему моменту и принимая во внимание, что настоящее положение на Украине и в Великороссии характеризуется захватом власти политической партией (коммунистов-большевиков), не останавливающих ни перед какими мерами для удержания и закрепления за собой государственной власти

с центра вооруженной силой, проводящих свою преступную по отношению к социальной революции и трудящимся массам политику, съезд постановляет:

1. Мы, съехавшиеся крестьяне, рабочие и повстанцы, еще раз горячо протестуем против подобного насилия и заявляем, что нас такие приказы не пугают и мы всегда готовы к защите своих народных прав.

2. Съезд признает, что 3-й Всеукраинский съезд Советов не является истинным и свободным выразителем воли трудящихся, а потому считает, что только съезд рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, над волеизъявлением которых не будут чиниться никакие насилия, будет истинным выразителем воли трудового народа.

3. Протестуем против реакционных приемов большевистской власти, проводимых комиссарами и агентами чрезвычайек, расстреливающих рабочих, крестьян и повстанцев под всякими предлогами, что подтверждается имеющимися у нас данными.

4. Чрезвычайные комиссии, предназначенные для борьбы с настоящей контрреволюцией и бандитизмом, превратились в руках большевистской власти в оружие для подавления воли трудящихся и достигли размеров в отдельных отрядах в несколько сот человек разного оружия. Требуем все эти прекрасно вооруженные реальные силы отправить на фронт, распределив их по разным здоровым революционным час-

тям, борющимся с действительной контрреволюцией.

5. Мы требуем немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты...

6. Мы призываем товарищей рабочих, повстанцев и красноармейцев соблюдать в своих рядах революционную дисциплину и прекратить всякую национальную травлю.

7. Мы требуем социализации земли, фабрик и заводов.

8. Мы требуем изменения в корне Продовольственной политики, замены реквизиционного отряда правильной системой товарообмена между городом и деревней и насаждения широкой сети обществ потребителей и кооперативов и полного упразднения частной торговли.

9. Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций и вообще трудового народа.

10. Диктатуры какой бы то ни было партии категорически не признаем. Левым социалистическим партиям предоставляем свободно существовать только лишь как проповедникам путей к социализму, но права выборов путей оставляем за собой.

Долой комиссародержавие!

Долой чрезвычайки, современные охранки, долой борьбу партий и политических групп за власть, долой однобокие большевистские Сове-

ты! Да здравствуют свободно избранные Советы трудящихся крестьян и рабочих!

Почетный председатель съезда *Батько Махно*.

Почетный член съезда *Щусь*.

Тов. председателя *Коган*.

Секретарь *Маврода*.

Бесспорным в противостоянии двух Советов было по крайней мере одно: если в Харькове делегаты голосовали под диктовку местных и московских коммунистов, то в Гуляйполе они уже точно выражали настроения большинства тамошнего селянства. По сути, махновцы не подчинились Всеукраинской Советской власти. Это еще не было формальным объявлением войны, но дело к ней явно шло.

Однако неизбежное столкновение пока не произошло из-за событий, совершенно неожиданных для обеих сторон. В начале мая 1919-го на Украине вспыхнул мятеж красного командира Николая Григорьева.

Надо сказать, что мятежи в частях и соединениях Красной армии в годы Гражданской войны случались довольно часто — григорьевский был, пожалуй, из них самый крупный. Природа этих мятежей легко и точно объяснима. Красная армия состояла процентов на девяносто из мобилизованной крестьянской молодежи. Естественно, что она привносила в армию настроения деревенской родни и односельчан в целом. Возврат царя и помещиков? Никогда! А вот продрозверстка... а вот комиссары... да от них житья нет!

Разумеется, политработники шумно и настойчиво разъясняли красноармейцам про козни кулаков и необходимость продразверстки для пролетариата. Им даже верили, но было одно несоответствие: в родной деревне никаких «кулаков» никогда не водилось, все жили хоть и по-разному, но своим трудом; а в соседнем уездном городе пролетарии с кирпичного завода бедствовали еще горше и никакой «продразверстки» почему-то не получали.

Не бездействовали и чекисты при особых отделах, наиболее резвых смутьянов загодя изымали, а особенно злостных без милости расстреливали перед строем. Тем не менее мятежи происходили на различных фронтах, значит, это было возможно.

Главное условие успеха тут — готовность к выступлению лиц начальствующего состава, прежде всего — командира. Вот почему к ним были приставлены комиссары и чекисты особых отделов. Однако с помощью верных людей последних можно было обмануть. Именно так сложилось у Григорьева, хотя никаких подробностей на этот счет, тем паче имен, источники не сохранили. Одна скромная научная статья — вот и все, что написано о том значительном событии.

Личность Григорьева в высшей степени типична для времен всех революций и гражданских войн — честолюбивый авантюрист, лишенный всяких моральных основ, неудержимо рвущийся к власти.

К сожалению, достоверного о нем известно мало: немолодой по тогдашним понятиям (за сорок), самого простого происхождения, то ли кацап, то ли хохол, а скорее — из смешанного населения Новороссии, он закончил Первую мировую войну в младшем офицерском чине. Служил сперва в войсках Центральной рады, затем у Скоропадского, потом у петлюровцев. Кондотьер Гражданской войны, он вел за собой разномастное воинство, все более и более распаляясь легкими победами. Если у Махно имелась четкая социальная опора, то у этого — никакой, о чем ясно свидетельствуют его метания. 2 февраля 1919-го в районе Александровска Григорьев опять круто развернул руль и перешел со своим отрядом на сторону Красной армии.

Его обласкали (прежде всего Антонов-Овсеенко), и вот итог: недавний петлюровец получил звание советского комбрига, а через два месяца, 25 апреля, стал начальником 6-й украинской дивизии. Порядок в его «дивизии» был куда хуже, чем в махновской «бригаде», но поначалу везло ему больше: в последних числах апреля расхристанное воинство Григорьева заняло Николаев, Херсон и Одессу. Поясним: эти приморские города поспешно оставили французские и иные интервенты, раздираемые собственными политическими распрями, «взять» их не представляло особенного воинского подвига. Грабежи и насилия в тех местах не шли ни в какое сравнение с недавними деяниями махновцев в Екатеринославе, уже потому хотя бы, что батько боролся

с погромщиками, а Григорьев, как всякий беспринципный политикан, им потакал. И, по сути, он шел на поводу у своего воинства, хоть полагал, что управляет событиями, а не тащится за ними.

Верховное советское военно-политическое руководство Григорьеву, конечно, не доверяло (как Махно, Думенко, Миронову и им подобным). Однако с силой приходится считаться, а еще лучше — использовать ее в собственных интересах. Весной 1919-го в Венгрии произошла коммунистическая революция, и в Москве вызрела мысль направить буйных григорьевцев против Румынии (она тогда вела войну с Советской Венгрией). Сохранились свидетельства, что Григорьева уговаривали, обещая что угодно — звания, награды, и даже намекали на богатые имения, которые сделаются добычей победителя... Но тот чрезвычайно переоценил свои силы: 7 мая он объявил себя «атаманом Херсонщины и Таврии» и порвал с Советами, ему захотелось стать... он сам, видимо, не знал — кем именно, однако метил в своих мечтах, надо полагать, весьма высоко.

Антонов-Овсеенко попытался и Махно увлечь походом на помощь красной Венгрии и даже «прорывом в Европу», причем разговор происходил, как особо отметил потом большевистский деятель, «с глаза на глаз». Махно вроде бы горячо и охотно поддакнул, но потом и пальцем не пошевелил для исполнения такого сомнительного предложения. Он ясно понимал, где и в чем его опора, от родных мест не ушел.

Главный удар Григорьев нацелил на Харьков, столицу Советской Украины. Силы у него имелись немалые, примерно двадцать тысяч штыков, конница и артиллерия. Однако на пути к Харькову стоял Махно со своим войском, а главное — со своим огромным авторитетом. А это в тех краях стоило куда больше пулеметных тачанок. Положение обострилось...

Для Григорьева все было ясно, надо привлечь популярного батьку в союзники, а там... посмотрим. Совсем иное дело — Махно, опиравшийся на силы, с которыми ему приходилось считаться. Прimitивный Григорьев, недавний петлюровец, сделал ставку на украинский национализм — ставку явно неудачную, учитывая пестрое население Восточной Украины. Кроме того, он отрицал советскую власть не только как власть коммунистов, но и как народовластие, что явно папахивало военной диктатурой. Наконец, Григорьев, потакая самым низменным чувствам украинского простонародья, возбуждал русофобию и антисемитизм в их самом грубом виде. Всего этого Махно и его окружение принять не могли.

Итак, уже в самом начале мятежа стало очевидно: Григорьев был заинтересован в поддержке махновцев, но они ему такой поддержки оказывать не собирались, хотя сперва и выжидали, наблюдая за ходом событий. Григорьев шел напролом, терять ему было нечего. Он направлял к Махно гонцов, отбивал многочисленные телеграммы; красное командование перехватывало

их, но одна дошла, очень выразительная: «Батько! Чего ты смотришь на коммунистов? Бей их. Атаман Григорьев».

Осмотрительного батьку такие призывы оставляли равнодушным, он никак не отвечал. Более того, уже в первый день мятежа (дата в документе отсутствует) он дал телеграмму в столицу Советской Украины с текстом своего обращения к личному составу бригады: «Предпринять самые энергичные меры к сохранению фронта... Честь и достоинство революционера требуют от нас оставаться верными революции и народу, а распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут заставить нас открыть фронт для кадетов и белогвардейцев, стремящихся поработить народ...» Отметим важнейшее: отмежевываясь от незадачливого авантюриста, Махно ставит его в один ряд с «большевиками» — те и другие, мол, чужды подлинной народной «революции». То была, без сомнения, продуманная политическая стратегия. Нет, куда было заносчивому атаману тягаться с народным батькой!

Григорьев сделал своей опорой Елизаветград (ныне Кировоград, а до 1934-го носил он имя Григория Зиновьева) — небольшой городок, но удобный транспортный узел. Атаман намеревался идти оттуда на Екатеринослав, имея промежуточной целью Киев. Лозунги у него были простейшие и куда как неудачные: «Украина для украинцев», «Свобода торговли» и прочее.

Конечно, махновцам очень подходило еще одно требование Григорьева: «Долой ЧК». Подоб-

ные настроения тревожили советское руководство. Политкомиссар, прикомандированный к штабу дивизии Дыбенко, докладывал: «Красная Армия, состоящая в большинстве случаев из середняков, присоединяется к этому лозунгу. Случаи разгона ЧК на фронте, как всем известно, бывают очень часты». Махно у себя в войсках поступал так же, но на сторону обреченного выскочки он, как осторожный политик, все равно не стал.

Махновский штаб вскоре издал и широко распространил прокламацию «Кто такой Григорьев?», где последний объявлялся «предателем», «хищником» и «врагом народа». При этом опять предусмотрительно намекалось, что «партия коммунистов-большевиков является не меньшим врагом труда»... Однако «коммунистов-большевиков» это вполне устроило — не до жиру, быть бы живу: 9 мая григорьевцы расстреляли в Елизаветграде 30 партийных работников. Вскоре подобные казни в районе мятежа продолжались и расширились.

Разумеется, авантюрист Григорьев выиграть в долгосрочной военно-политической борьбе не мог. Уже во второй половине мая сводные части советских войск под командованием Климента Ворошилова и Александра Пархоменко рассеяли григорьевцев, мятеж был подавлен, а сам атаман с кучкой приближенных скрылся в украинских степях.

Григорьевский мятеж чрезвычайно ослабил боеспособность красных войск на Украине, чем

не замедлили воспользоваться белогвардейциденикинцы. Силы их были относительно малочисленны (на начало 1919-го — не более 100 тысяч, включая тыловые, резервные и учебные части), к тому же распылены на огромном пространстве от Кавказских гор до Волги и Донбасса. Но то были хорошо организованные и умелые войска, руководимые опытными и решительными командирами. На нанесение главного удара по линии Ростов — Харьков направлялась Добровольческая армия, состоявшая из отборных дивизий — Корниловской, Марковской, Дроздовской, названных по имени погибших к тому времени генералов, а также конный корпус Шкуро из кубанских и терских казаков, отменных кавалеристов.

19 мая Добровольческая армия внезапно и решительно атаковала и быстро опрокинула «бригаду» Махно. Слабо сколоченная, она попятилась, потом потеряла управление, распалась и обратилась в паническое бегство. Махно со своим штабом и несколькими верными отрядами поспешно отступил, предоставив своих хлопцев печальной судьбе: казаки Шкуро пощады им не давали... К концу мая уже весь красный Украинский фронт полностью развалился.

Тут нужно оговориться: Нестор Махно никак не может быть обвинен в трусости и малодушии, свою отвагу он прилюдно доказывал неоднократно. Нельзя считать, будто он оставался равнодушен к участи своих хлопцев, — нет, он был истинным революционером в том смысле, что

благо трудового народа всегда искренне почитал высшей целью. Но дело-то в том, что революционная нравственность предполагала заботу о «массах», а совсем не о каждом отдельном человеке. А раз так, то все очень просто: ранен, брошен на дороге, погиб от удара штыка в живот?.. Ну, жаль, конечно, зато погиб ты за правое дело, а мы за тебя отомстим. И мстили. А в ответ мстили им. И так длилось до почти полного истощения всех народных сил России.

«Армия» махновцев развалилась, превратившись в бегущие толпы, но белоказаков было слишком мало, чтобы перебить всех. Сам Махно, его штаб и атаманы, анархи-«комиссары» отступили без промедления, ушли из-под удара в глубь степного бездорожья. Махно быстро сообразил своим цепким практическим умом, что большая армия — это, конечно, хорошо, но надобно иметь армию хоть и малую, но «свою», надежную. Так появилась и долго просуществовала, часто меняясь составом, так называемая «батькова сотня» — отряд отборных хлопцев, конных или на пулеметных тачанках. Они были хорошо вооружены, сплочены, подтянуты и готовы защитить своего батьку от кого угодно. А в Гражданской войне врагов много, с разных сторон, в том числе и со своей собственной...

Советское командование, оказавшееся на Украине, по сути, без сил, настойчиво требовало от Махно отступить на север, в направлении Харькова, где еще можно было построить оборону от продвигавшихся вперед победоносных

белогвардейцев. Как всегда, применялись кнут и пряник. Начали, по-видимому, с пряника. Существует легенда, многократно запечатленная в бульварной литературе, нашей и зарубежной, что комбрига Махно наградили орденом Красного Знамени. Никаких документальных подтверждений (или опровержений) до сих пор не обнаружено. В свое время я спросил о том Галину Андреевну, она ответила безоговорочно:

— Нестор был, действительно, награжден орденом Красного Знамени, когда это случилось, я не помню, но сам орден помню очень хорошо, он был на длинном винте, его полагалось носить, проколов верхнюю одежду, но Нестор не надевал его никогда. Хранился он у меня, а во время бегства мы побросали все вещи, видимо, среди них и орден.

Когда-нибудь мы выясним истину в открывшихся наконец-то архивах. Но вот о кнуте уже сейчас известно достоверно. Махно, еще раз подчеркиваем, понимал, что как только он отрвется от своей социальной опоры — крестьянства Левобережной Украины, то станет бессильным заложником красных. Он не пошел на север, нарушив тем самым боевой приказ. 29 мая махновцы передали красным телеграмму, что они решили «создать самостоятельную повстанческую армию, поручить руководство этой армией т. Махно».

В условиях крайней военной опасности следовало бы проявить терпение, пойти на компромиссы, но верховное советское командование,

руководимое жестким и нервным Л. Д. Троцким, ответило с примитивной прямолинейностью: в тот же день Реввоенсовет Южного фронта обрушил на голову Махно все гражданские проклятия, которые сулили ему понятно какую судьбу.

О всевластном Председателе Реввоенсовета республики Льве Давидовиче Троцком необходимо сказать хоть кратко, личность весьма колоритная. В те дни ему было только тридцать девять, отличался он крепким здоровьем и необычайной подвижностью. Например, Ленин в 1917-м выезжал из Петрограда только в пригороды, а перекочевав в Москву, дальше ближайшего Подмосковья не выбирался. Зато Троцкий объездил чуть ли не всю страну, кроме Сибири и Дальнего Востока. Для этого у него имелся особый поезд, бывший царский, с отрядом вооруженной вплоть до пулеметов охраны и — отметим предусмотрительность бывшего журналиста! — типографией. Именно там печатались «походные» приказы Троцкого, его воззвания к войскам и населению, листовки и прочее.

Троцкий очень заботился о своем месте в истории, ценил себя высоко и был чрезвычайно честолюбив. Документы, составленные им в поездках, тщательно сохранялись потом в архиве. Более того. Уже с 1923 года по решению высших партийных инстанций началось издание двух собраний сочинений — Ленина и Троцкого. Последнее, впрочем, завершить не успели, герой его вступил в борьбу со Сталиным и был низвергнут. Но за время Гражданской материалы

удалось опубликовать. Делалось это добротными специалистами, с комментариями, так что до сих пор они представляют собой ценнейший исторический источник. Итак, вот один из упомянутых документов.

«ПРИКАЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕВВОЕНСОВЕТА
РЕСПУБЛИКИ И НАРКОМВОЕНМОРА №108
8 ИЮНЯ 1919 г.

Прочеть во всех полках, ротах, эскадронах, командах.

Конец махновщине!

Кто является виновником наших последних неудач на Южном фронте, в особенности в Донецком бассейне?

Махновцы и махновщина.

На словах эта братва сражается со всем миром и побеждает всех врагов, но когда дело доходит до боя, махновские командиры бесстыдно покидали вверенные им позиции и бессмысленно откатывались назад на многие десятки верст...

Махновцы предательски обнажили правый фланг Донецкого фронта и тем самым нанесли тяжелый удар ближайшей армии.

Мало того, махновцы принялись разлагать соседние части: из штаба Махно рассыпались агитаторы по соседним полкам с призывом не подчиняться установленному Советской властью командованию, а переходить на махновское положение, т. е. в ряды бесшабашной, разнузданной, небоеспособной махновской партизанщины.

Гуляйпольские заправилы пошли еще дальше. Они назначили на 15-е июня съезд воинских ча-

стей и крестьян пяти уездов для открытой борьбы против Советской власти и того порядка, какой установлен в Красной Армии.

Терпеть дальше подобное издевательство со стороны зарвавшейся банды стало невозможным. Если бы дать махновцам осуществить их план, мы имели бы новое Григорьевское восстание из Гуляйпольского гнезда.

Ввиду этого центральная военная власть категорически воспретила съезд и направила надежные честные воинские части для наведения порядка в районе махновщины.

Правда, немало еще осталось шкурников и громил, которые в разных частях называют себя махновцами и стремятся проникнуть поближе к Гуляй-Полю: там нет дисциплины, там нет обязанности честно сражаться с врагами рабочего народа, стало быть, для труса и бездельника — рай земной.

Но после устранения Махно от военного дела махновщине будет положен конец суровой рукой...

Рабочему классу и крестьянству нужна полная, решительная и скорая победа над белогвардейской армией помещиков и капиталистов. Эту победу нам дадут стройные регулярные красные полки, спаянные железной внутренней дисциплиной и готовые беззаветно бороться и умирать за счастье трудового народа.

При поддержке всех сознательных рабочих и честных трудовых крестьян мы такую армию создадим.

Долой шкурников и мародеров!
Долой трусов и громил!
Долой григорьевцев и махновцев!

Да здравствует честная рабочая и крестьянская
Красная Армия!

Председатель РВСР *Л. Троцкий*».

Троцкий, несомненно, был сильным администратором, как сейчас сказали бы — управленцем, что признавали даже его противники. Но, как часто бывает в жизни, порой его сила обращалась слабостью. Махновскую повстанческую вольницу, возглавляемую смелым и самостоятельным предводителем, такого рода приказы только раздражали и злили. Назвать их «трусами и бездельниками»? Да пошел ты, товарищ Троцкий... А разгромить или хотя бы разоружить повстанцев, на это у красного командования еще не хватало сил.

Троцкий явно нервничал и опережал события, выдавая тем самым свои планы в отношении Махно. Предупрежденный о возможном аресте, он неожиданно для чекистов ушел со своей охраной в направлении к Пологам и Александровску, а это значит, что решения красного командования о ликвидации Махно в кратчайший срок не могли быть выполнены. Впрочем, промашка была исправлена: уже 12 июня 1919 года органы ВЧК арестовали нескольких членов махновского штаба Военно-революционного совета, от имени которых созывался тот самый экстренный съезд в Гуляйполе.

17 июня по приговору Ревтрибунала, заседавшего в Харькове под председательством видного

партийного деятеля Георгия Пятакова, были расстреляны: начальник штаба махновцев Озеров, члены штаба Михалев-Павленко и Бурбыга, члены Военревсовета Олейник, Коробко, Костин, Полунин, Добролюбов. Быстро и просто. (Возможно, Пятаков вспоминал об этом в роковом для себя январе 1937 года.)

Таков был конец первой попытки союза «левых» сил на Украине в 1919 году. Красное руководство сочетало подрывную деятельность в махновских рядах с попыткой нанести им решающий военный удар. Это удалось лишь отчасти. Случившееся пошло на пользу лишь самому свирепому врагу обеих враждующих сторон — деникинским белогвардейцам.

На этот раз Махно легко удалось ускользнуть: в пустынных степях нынешней Кировоградской области ни для красных, ни для белых он был недосягаем. Весь июнь со своими хлопцами укрывался среди малолюдных хуторов. Тем временем Добровольческая армия заняла Донбасс, а 25 июня овладела Харьковом. Наступление белых шло хоть и успешно, но тоже являлось авантюрой, никакой прочной власти над основной махновской территорией — Екатеринославщиной — они не имели, слишком малочисленны были их гарнизоны. И тут-то батько столкнулся лицом к лицу с атаманом Григорьевым. Итог был очевиден: если за Махно стояли мощные силы украинского селянства, то Григорьев с малой кучкой своих присных уже никого не представлял, кроме самого себя. Встреча их двоих и ее исход оказались одной из самых выразительных картин кровавой Гражданской войны.

В двадцатых числах июля 1919 года (точная дата неизвестна) в селе Сеитово, что неподалеку от Александрии, железнодорожной станции между

Кременчугом и Елизаветградом, махновцы столкнулись с остатками григорьевцев. Для Нестора все было ясно: от разбитого атамана надо освободиться, чтобы его прошлые грехи не легли тенью на возглавляемое им революционное движение.

В своих мемуарах парадный историограф махновского движения Аршинов-Марин описал встречу двух атаманов в самых возвышенных тонах. Махно, дескать, «решил публично и революционно разоблачить Григорьева» и вступил с ним в переговоры лишь для того, «чтобы иметь к нему свободный доступ». Последние два слова — типичный отрывок из речи адвоката, оправдывающего любой ценой убийцу. Но другой анархист И. Тепер, чем-то обиженный Махно и опубликовавший свои воспоминания в Киеве в 1924 году, объяснялся куда проще и откровеннее. У Махно был свой «обер-палач», небезызвестный в литературе Левка Задов (Зиньковский), из одесских уголовников, которые вообще охотно рядились в ту пору в «идейных анархистов». Так вот Левка тогда же хладнокровно объяснял Теперу: «Он (Григорьев) мешал, и батько приказал его снять». Ну, что такое «снять» на блатном жаргоне, понятно и без «перевода». Так оно примерно и произошло на самом деле.

Фотографий Григорьева не сохранилось ни единой, но Галина Кузьменко видела его и оставила краткую портретную зарисовку, присовокупив некоторые любопытные подробности:

— Григорьев был низкорослый (не выше Махно), коренастый, плотный, весь в ремнях, уве-

шан оружием. В селах, где стояли григорьевцы, убивали евреев. Это очень не нравилось всем нам и Нестору в частности.

...Примерно год спустя после того самого «свидания» одного из махновских приближенных, а именно Чубенко, взяли в плен красные. Его допросили в ЧК, потом, естественно, «пустили в расход», но он успел поведать кое-что интересное. В 1927 году в книге советского историка М. Кубанина был опубликован отрывок показаний, сохранившихся в архивах Украинского ГПУ, тогда еще отчасти доступных.

Итак, 27 июля на митинге, где собрались махновцы, местные крестьяне и отряд григорьевцев, Чубенко произнес речь, в которой обозвал атамана Григорьева «контрреволюционером», «царским слугой» и т. п. После этого Григорьев и Махно со своими приближенными направились в хату, где и произошли окончательные «переговоры».

Чубенко показал: «...зайдя в помещение сельсовета, зашел за стол, вынул из кармана револьвер «Библей» и поставил его на боевой взвод. Это я сделал так, чтобы Григорьев не заметил, и, стоя за столом, держал в руке револьвер. Когда зашли все остальные, то Григорьев стал около стола против меня, Махно рядом с ним с правой стороны, Каретников сзади Махно; с левой стороны Григорьева стали Чалый, Траян, Лепетечко и телохранитель Григорьева. Григорьев был вооружен двумя револьверами системы «Парабеллум»; один у него был в кобуре около пояса, а другой привязан ремешком к поясу и заткнут за

голенище. Григорьев, обращаясь ко мне, сказал: «Ну, сударь, дайте объяснение, на основании чего вы говорили это крестьянам». Я ему стал по порядку рассказывать, на основании чего я говорил... потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина... Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в него в упор и попал выше левой брови. Григорьев крикнул: «Ой, батя, батя!» Махно крикнул: «Бей атамана!» Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил».

Все остальные григорьевцы были разоружены, а двое приближенных атамана убиты камнями. Однако впоследствии и махновцы и анархисты из «Набата» трубили на весь мир о «революционности» гуляйпольского батяки, который, мол, отомстил Григорьеву за измену трудовому народу.. Обе стороны тут были обоюдно хороши.

Да, сцена впечатляет, это бесспорно. Но приглядимся к тогдашней политической реальности. Вот, скажем, хорошо описанный в нашей историографии случай с левым эсером М. Муравьевым, который в июне 1918 года был назначен командующим советским Восточным фронтом, а уже в июле в Симбирске поднял антисоветский мятеж. Тогда же комиссар И. Варейкис заманил его на пароход, якобы для переговоров, и в перестрелке мятежника убили. Двадцать лет спустя убили без суда и самого Варейкиса: в эпоху Гражданской войны подобные истории были не ис-

ключением, а правилом: кому уж как повезет... Да взять хотя бы того же Григорьева: орган украинских коммунистов «Наш голос» печатно объявил 27 мая, что по приказу Харьковского военного округа за Григорьева (живого или мертвого — не уточнено) будет выдано 100 тысяч рублей. Да, вот так — как в рассказах из пиратской жизни.

В ту пору на Южной Украине происходило поистине немыслимое переплетение противоборствующих сил — этакий слоеный пирог, но только пропахший порохом и орудийной гарью. Наступающие белогвардейцы перемешались с отступающими разгровленными красными частями и махновцами, отходящими на запад. Прибавим еще разношерстных партизан, вообще никому не подчинявшихся, и тогда картина будет полной.

Обо всем этом точно и даже живописно рассказывал в своих мемуарах невысокого звания красный командир Ф. Анулов. Наблюдал он те драматические события не из штабного вагона, а на проселочной дороге, где каждый шаг грозил ему гибелью. Он вспоминал пережитые события вскоре после случившегося, а это значит, что они не покрылись еще «хрестоматийным глянцем». Например, называл имена, которые вскоре исчезли из официальной историографии. А главное — не приукрашивал событий, своей роли в них.

Итак, предоставим слово добросовестному и бесхитростному мемуаристу и напомним: на тогдашнем календаре — август 1919 года.

«Красный «мешок» все больше и больше замыкался с севера, нож все ближе и ближе приставлялся к горлу частей Красной армии, оперировавших на юго-западе Украины.

Потрепанная под Екатеринославом 58 дивизия отходит и задерживается в районе гор. Николаева. Части дивизии группируются в кулак, с целью нанесения удара по тылам продвигающихся к Киеву добровольческих войск. Удар этот намечался в общем направлении на ст. Знаменка — гор. Кременчуг. В строю 58 дивизии для этого удара — 15 000 штыков.

Что касается 45 дивизии, то она продолжает удерживать петлюровские войска с запада. В Одессе и на берегу Черного моря расположены, кроме того, части вновь формируемой 47 дивизии. Это составляло все, если не считать курсантов и нескольких отрядов, что заперлось белыми в «мешок».

58 дивизией командовал Федько. 45 — Якир. 47 — Логофет.

В штабе Одесского округа предполагали, в случае потери связи с 12 армией, образовать из запертых в «мешок» трех дивизий южную группу войск, во главе и под командованием начдива 45 тов. Якира.

Но тут случается беда. 13 августа 1919 года в частях 58 дивизии, сосредоточенной в районе Новый Буг, вспыхивает военный бунт, под махновскими лозунгами и черным анархистским знаменем.

Дело в том, что Махно со своими соратниками, прогнанный со ст. Помошная, двинулся

к югу, тайно пробрался в части 58 дивизии и объявил советской власти на Украине войну. В своей агитации Махно и его агенты указывали на то, что «коммунисты изменили делу революции», что они «бросают рідну Україну на произвол судьбы», что они «предатели и трусы».

Махновская агитация в частях 58 дивизии имела успех. Небольшая группа махновцев быстро овладела политическими настроениями красных бойцов. Собрав вокруг себя боевое ядро, махновцы неожиданно налетают на штаб 58 дивизии, арестовывают командиров и комиссаров и объявляют войну как Деникину, так и советской власти.

Восставшие части 58 дивизии, по указанию махновского штаба, снимаются с занимаемого ими боевого участка и двигаются по направлению к ст. Помошная.

В отряде красных войск, занявшем ст. Помошная, до 1000 штыков. У Махно — почти вся 58 дивизия. Соотношение сил явно не в пользу красных.

Что делать? Продолжать ли отряду боевые операции под Елизаветградом, или стянуть отряд к станции Помошная для встречи Махно, или же совсем отходить к району расположения 45 дивизии?

Иду на телеграф. Говорю по телеграфу с образованным при 45 дивизии реввоенсоветом южной группы войск 12 армии. У телеграфа — Затонский.

— Во что бы то ни стало, — говорит Затонский, — остановите перешедших на сторону Махно красноармейцев 58 дивизии и верните их в ряды Красной армии.

— Легко сказать...

— Разъясните им гибельность затеянной авантюры, — продолжает Затонский.

Неожиданно в провод включается с соседней станции мой непосредственный начальник тов. Княгницкий.

— Дайте пробный артиллерийский выстрел по приближающимся махновцам, — передает Княгницкий по телеграфу.

В это же время приходит красноармеец и докладывает мне, что в штаб отряда прибыла махновская делегация.

Иду в штабной вагон. В махновской делегации — три лица, как видно из состава командиров махновской армии.

Перво-наперво они показывают членские билеты коммунистической партии Украины.

— Мы тоже коммунисты, — говорят делегаты. — Только настоящие. Мы не бежим с Украины, как те... — и они показали пальцем на юг.

— Мы предлагаем вам совместную борьбу против белых — вот цель нашего прихода, — говорят махновские делегаты.

— Мы вас трогать не будем. Мы только вам покажем, как надо воевать против Деникина. Учитесь...

Делегация ушла. Комиссар отряда товарищ Недашковский требует отхода в южном направлении. Затонский требует стоять на месте и повлиять на восставших бойцов 58 дивизии. Княгницкий приказывает дать пробный выстрел...

А к этому времени Махно и его агенты свое дело уже сделали. В частях красного отряда побывали махновские агитаторы и овладели настроениями бойцов. Махновцы обещали и Украину освободить от добровольческой армии, и советскую власть установить, и «настоящих» коммунистов посадить в правители. Словом, было обещано все, чего хотели в то время красноармейские головушки под влиянием кулацкой агитации.

В результате отряд перешел на сторону Махно. От штаба отряда это было скрыто. Финал приближался...

Недашковский продолжал настаивать на отходе. Решаю отправить штабной эшелон к Балте. Сам остаюсь с отрядом. Со мной добровольно остается комсомолец Яковлев.

Вместе с ним идем к группе комсостава отряда, стоящей на платформе станции Помошная. Настроение подавленное. Все чувствуют неминуемую катастрофу.

— Махно налетит, как шквал, — говорит один из командиров.

Ему никто не отвечает. Все переживают тревогу молча. Все следят за отходом штабного состава.

Но что это? Штабной эшелон останавливается на пути.

На мотоцикле еду на бронепоезд. Взбираюсь на вышку. Моим глазам открывается действительная картина действительного положения вещей.

С юга в обход отряду двигались конные массы 58 дивизии, перешедшие к Махно. Их несколько

тысяч (примерно шесть). На открытых позициях, наводкой на станцию стоит махновская артиллерия.

Считаю: одна, другая, третья батарея... Да их несколько... Всего насчитал 48 орудий. Пехота на тачанках. Походной кишке ее не видно конца.

На бронепоезд взбирается Недашковский. Он из штабного состава. Сейчас узнаю причину остановки эшелона.

Недашковский радостно сообщает мне о том, что встреченные им первые эскадроны махновской конницы заверили его, что они сторонники советской власти и что они не намерены нанести отряду вреда.

Вспоминаю задачу Затонского. Авось действительно удастся уговорить спровоцированных бойцов 58 дивизии. Попытка — не пытка.

Тут же Недашковский мне сообщает, что путь на Балту разобран. Схожу с бронепоезда и направляюсь к штабному составу.

В пути ко мне подъезжают три кавалериста. Лица незнакомые. Наверное, думаю, махновцы.

— Отдай наган! — повелительно говорит один из них, подъезжая вплотную ко мне.

— Я начальник отряда, — заявляю я им.

— Нам все равно, — отвечают они.

Ударом приклада винтовки в спину я сброшен на землю. Конники спешиваются. Снимают с меня наган. Боль в спине — невероятная...

Пролежав немного в беспмятстве, я с трудом встал и поплелся к штабу отряда.

У штабного состава гляжу — толпа вооруженных бойцов. Подхожу к вагону политотдела. В это время ко мне подходит с ног до головы вооруженный махновец.

Из комсостава, думаю я, глядя на его уверенную поступь и офицерскую выправку.

— Кто такой? — повелительно спрашивает махновец, подходя ко мне.

— Командир отряда, — отвечаю я.

— А-а, тебя-то мне и надо. — Махновец вынимает из деревянной кобуры маузер.

— Марш вперед! — приказывает он.

— Товарищ Калашников, давайте я его прикончу, — говорит кто-то, стоящий позади меня.

— Погоди, — отвечает ему Калашников.

Калашников, думаю я. Да это правая рука Махно. Значит — попался...

Подходим к вагону, вокруг которого столпилась толпа вооруженных махновцев. Какой-то низкорослый человек, одетый в гусарскую форму, сидел на ступеньке вагона и, к моему ужасу... перебирал бумаги из моей походной корзинки.

Ведь там партийный билет, подумал я.

— Вот, батько Махно, командира привел, — обращаясь к низкорослому гусару, сказал Калашников.

Махно поднял голову. Лицо его было крайне возбуждено. Глаза воспалены. Губы запеклись. Серые зрачки глаз бегали с одного предмета на другой. Движения — нервные и порывистые...

Так это сам Махно, с удивлением подумал я...

— Это ты написал приказ, что идут махновские бандиты? — задает мне враждебно вопрос Махно.

Я молчу. Серые глаза «батьки Махно» расширились. Загораются. Встает. Протягивает руку. Всё кругом моментально смолкает. Махно начинает речь, обращенную ко мне:

— Вы узурпаторы, душители воли народной... Вы бежите от Деникина. Я же его разобью в пух и в прах... Да, не будь я батько Махно, если не побью всю белогвардейскую сволочь...

Речь его была отрывиста, нервна и бессвязна. Однако говорил Махно с большим подъемом. Толпе его речь явно нравилась. Он обещал все, что жаждала, к чему стремилась украинская масса. Когда он кончил, толпа дико прокричала несколько раз «ура»...

Отрывок этот неплохо передает то страшное время, когда жизнь любого человека зависела от каприза случая, для героя воспоминаний — от настроения батьки Махно. А он мог запросто отправить пленного красного командира «в расход». И не потому, что свиреп был, нет, а потому, что «подешевел человек за революцию», — мы уже цитировали эти слова классика. Махно хотя бы великодушие мог проявить, и поступал так неоднократно, что объективно отмечено в самых разнообразных источниках. Нет сомнений, товарищ Троцкий и разговаривать бы с пленным махновским командиром не стал...

Итак, в начале августа деникинские войска перешли Днепр, а 18-го заняли крупный промы-

шленный город и порт Николаев. Огромные обозы беженцев двинулись от Днепровских порогов на северо-запад. Двинулись, влекомые слухами о страшных расстрелах и поголовных казнях — слухами явно преувеличенными, но в эпоху народных потрясений очень понятными. Махно и его отряды возглавили это стихийное шествие, а самое важное — составили его арьергард, который оказывал какое-то сопротивление деникинским конным частям, хоть и очень малочисленным, но настойчивым в преследовании тех, кого их генералы почитали врагами.

Жуткое это шествие бегущего народа, многократно происходившее на всех пространствах бывшего государства Российского, еще ждет своего художника, который сумеет его описать. Да, «Железный поток» А. Серафимовича реалистичен, но суховат. Зато поистине гениальны сцены бегства казачьих семей в «Тихом Доне»: «В проулке образовался затор. Так плотно стиснулись повозки, что потребовалось выпрягать быков и лошадей, на руках выносить арбы к мосту. Хряпали, ломались дышла и оглобли, зло взвизгивали кони, быки, облепленные слепнями, не слушая хозяйских окриков, лезли на плетни. Ругань, крик, шелканье кнутов, бабьи причитания еще долго звучали около моста».

Люди бежали, бросая дома и все нажитое тяжелым и честным трудом, лишь бы спасти себя и своих близких. Кровавая пелена опускалась над Россией.

...Огромный табор, растекшийся на много верст по степным украинским дорогам, продолжал движение. В безумном и перепутанном том мире махновцы пересекли путь советских частей, поспешно отступающих из Крыма и Одессы. Расстроенные эти части, утомленные долгим отступлением, шли, ведомые Ионой Якиром. Двдцатитрехлетний сын провизора, он не имел никакого военного образования и опыта, но волею революционных переменчивых судеб стал комдивом, а летом 1919-го выводил разбитые соединения красных к Киеву. Они напоролись на отступающих махновцев. Сохранились достоверные сообщения тогдашнего подпольного Екатеринославского губкома большевиков, что 17 августа остатки красных были махновцами разоружены, а некоторые комиссары и командиры тут же расстреляны: жестокость Гражданской войны нарастала. Многие источники свидетельствуют, что немалая часть красноармейцев добровольно влилась в махновские ряды.

К середине сентября махновцы и беженцы достигли района Умани — недалеко от Винницы, тогдашней «столицы» Петлюры. Оба лагеря имели старые кровавые счеты, но с трех сторон их окружали самые главные, самые непримиримые враги — деникинцы и Красная армия. Пришлось пойти на переговоры — в данный момент тем и другим это было выгодно: петлюровцы слабы, а махновский походный табор смертельно устал, нужно хоть отдышаться, а там... Галина Кузьменко хорошо запомнила эти напряженные дни:

— На переговоры с Петлюрой послали Шпота, нарочно яркого украинца, говорившего литературным украинским языком; договорились о перемирии, дабы не проливать украинской крови, раненых, больных и ослабевших оставили на попечение петлюровцев под их честное слово.

Нет, действительно, истинный народный самородок был Нестор Махно! Раз пошловатому националисту Петлюре приятна игра в «украинскую кровь», пожалуйста, мы, дескать, тоже хохлы, а не кацапы. Но Махно-то был умнее и дальновиднее спесивого политикана из бывших недоучившихся бухгалтеров: одновременно с введением переговоров он издал (успел! в тех-то условиях!) прокламацию «Кто такой Петлюра?». В ней утверждалось, что «головной атаман» является «врагом трудового народа» и хочет «установить порядок, угодный буржуазии»... Это была классическая «революционная пропаганда»: для своих одно, для чужих — иное. Итак, «чужим» (петлюровцам) обещали все, что угодно, своих же предупреждали: погодите... скоро мы их... сами понимаете...

Переговоры прошли, как известно, на станции Жмеринка (южнее Винницы, на петлюровской, так сказать, территории). Махно уступать умел, когда ему это ничего не стоило. Немного лет спустя Аршинов-Марин утверждал в своих воспоминаниях с необычной для него прямоотой и откровенностью: «Конечно, и Махно, и все остальные в армии видели, что нейтралитет этот

фикция», но «важно было выиграть время». Раскаившийся позже перед советской властью анархист Тепер, очевидец событий, рассказывал, что Махно собирался даже убить Петлюру (по их самобытному лексикону — «украсть»), но ему это не удалось. Словом, совсем по Бакунину: высшая цель оправдывает любые средства.

К вечеру 25 сентября деникинские части подошли непосредственно к огромному и нестройному махновскому табору. То были конные полки — 1-й Симферопольский и 2-й Лабинский. Очень поредевшие и уставшие, они как части регулярной армии представляли собой все же грозную силу для рыхлых партизанских объединений. Уже давно они преследовали бегущих махновцев, не раз наносили им поражения и, как бывает в таких случаях, презирали противника (это, учит опыт истории, опасно прежде всего для самих презирающих). Конечно, если бы перед ними бежали обычные толпы нестройных войск, то... Но отступавших вели боевые и смелые атаманы, а их батько отличался необычайным командирским талантом.

Что махновцам оставалось делать? Бежать куда, кругом враги, пощады ждать не приходится, смерть ожидает за каждым кустом, в каждом овраге. Множество людей, даже боевых, в подобных случаях смятенно поднимают руки вверх и предаются судьбе. Но не таков был Махно. Положение кажется безвыходным? Люди теряют веру? Вот-вот разбегутся? Значит, вперед! Опрокинуть противника! Превратить поражение в по-

беду есть наивысшее достижение военного или политического руководителя!

И вот в ночь на 26 сентября 1919 года махновские отряды неожиданно напали на белогвардейцев и опрокинули их. Разгром был полный: к утру оба вражеских полка были рассеяны и сами превратились в бегущих.

После этого обескураживающего поражения белых под Перегоновкой (возле Умани) генерал Я.А. Слащев докладывал по инстанции: «Главная масса противника около 6 тысяч из банд Махно и красных — это головорезы... Элемент в боевом отношении отличный, конница так просто вызывает восхищение... огромное количество артиллерии и пулеметов, артиллерийским огнем они часто просто забивают, деморализуя наши части, этим вызываются большие потери... все это усиливается блестящими действиями махновской конницы». Лестная оценка, ничего не возразишь! И принадлежит она одному из самых известных и опытных белогвардейских военачальников.

Ну, о боевых особенностях махновцев говорилось: быстрота, решительность, отвага. Основная же слабость деникинских белогвардейцев состояла в том (перефразируем известное выражение), что узок был круг этих контрреволюционеров. Деникин, одаренный военный, патриот и безусловно честный гражданин, полагался лишь на собственные силы и, к несчастью для него, имел таких же близоруких помощников. Армия — и всё, никаких попыток союза или вре-

менных уступок, с таким политическим кредо победить было трудно. И получилось, что мощная в боевом отношении Добровольческая армия, грозные казачьи полки, бронепоезда, руководимые отважными и умелыми командирами, — все эти силы тоненькой цепочкой растянулись вдоль фронта с многочисленными врагами (красными, махновцами, петлюровцами, зелеными, кубанскими самостийными, кавказскими националистами).

А в тылу? Там у деникинских генералов и губернаторов не имелось никакой политической опоры, только маломощные комендатуры да ненавистная всем деникинская «контрразведка» — учреждение хоть и военное, но по существу являвшееся старой жандармерией, политической полицией. По свирепости она мало чем отличалась от известной ВЧК. Зато чекисты хозяйничали по всей красной России, а их деникинские «коллеги» едва-едва управлялись лишь в крупных городах. В селах же, где проживало тогда большинство населения, о контрразведке и не слыхали.

Военная слабость и Деникина, и Колчака объяснялась узостью и плохой разработкой их социальной программы. По сути, ее не было вовсе. Туманные обещания про будущий созыв Учредительного собрания никого особенно не трогали, даже то, первое, разогнанное большевиками в январе 1918-го, уже успели позабыть. Лозунг белогвардейцев «За единую, великую, нераздельную Россию!» был, несомненно, романтиче-

ски красив, но и только, к повседневным нуждам подавляющего большинства населения — крестьян и трудящихся горожан — он отношения не имел и оставался для них малопонятной абстракцией, хотя слова такого они и не ведали.

Важнейшим вопросом был тогда, естественно, вопрос земельный, а деникинское куцее правительство относило его решение до созыва Учредительного собрания, что в тех накаленных условиях воспринималось как классическое «после дождичка в четверг». Наследник Деникина генерал Врангель, хоть и носил не очень симпатично звучащую для русского уха фамилию, оказался более тверд и решителен. При нем был разработан аграрный закон, продолжавший линию Столыпина, но и он особого доверия у украинских селян не вызвал. Столыпинских хуторян они жаловали примерно так же, как и старых помещиков.

В правовом отношении лидеры Белого движения опирались на Свод законов Российской империи (мол, другой прием потом, после победы). Легко себе представить, как такие законы воспринимал бывший каторжанин Махно, да разве только он один? Очень остро встал в революционную эпоху вопрос национальный. Напомним еще раз, что Восточная Украина отличалась этнической пестротой. Деникинские, а потом врангелевские белогвардейцы придерживались тут политики сугубо великодержавной. Ясно, как к этому относились махновские повстанцы, даже рядовые.

В подобных условиях белогвардейским деятелям или их представителям очень трудно было

«говорить с народом». Нам удалось найти редкое свидетельство на этот счет. В начале 60-х годов в Париже вышел двухтомник «Марковцы в боях и походах за Россию» — мемуары составившихся белогвардейцев, офицеров и немногих рядовых известного полка, названного по имени знаменитого белого героя — генерала С.Л. Маркова, скончавшегося от ран еще в июне 1918-го. В книге очень много любопытнейших подробностей. Вот офицер-марковец спрашивает агитатора, только что явившегося после «беседы с народом» из украинского села:

«— Говорили ли вы об Учредительном собрании?»

— К черту его. Я не говорил, и меня не спрашивали.

— Была ли речь о земле?

— Что-то говорилось немного, но больше о спокойной работе на земле.

— Говорили о помещиках?

— Слава Богу, об этом ни слова... Такой вопрос был бы убийственным для меня».

Легко себе представить, как отнеслись бы махновские хлопцы к «агитации» этого или подобного белогвардейского оратора. Но отметим бесспорное. Чапаеву и Котовскому, Буденному и Пархоменко не раз приходилось обращаться к толпе раздраженных и колеблющихся мужиков. И их выслушивали, даже порой прислушивались, ибо считали «своими». Как и Нестора Махно, когда он держал речь перед украинскими селянами или красноармейцами. А белогвардей-

ский агитатор был для них лишь знакомым барчуком, переодетым в армейский мундир.

Договорим уж до конца о тогдашних ораторах. Троцкий часто и умело выступал на красноармейских митингах, но народ там собирался дисциплинированный, косился на своих командиров и комиссаров, враждебных выкриков или чего-то подобного себе не позволял. Ленин же после ранения вообще просил слова только на партийных заседаниях или совпрофактивах. Такая уж у него была связь с «рабочими и крестьянами»...

Прорвав тонкую цепь деникинских войск, Махно со своими подвижными отрядами начал стремительный рейд по Южной Украине. Громить слабые белогвардейские части — задача нетрудная; потом историки установили, что даже в Екатеринославе, крупнейшем центре края, никаких войсковых частей белых не имелось. Ясно, что решительному Махно не составило большого усилия взять с ходу Кривой Рог, Никополь, переправиться через осенний Днепр и снова оказаться в Гуляйполе. Здесь Махно не остановился на отдых и, уж конечно, не загулял, не запил, что приписывали ему потом бульварные писаки, а стремительно двинулся дальше.

Скорость продвижения махновцев прямо пропорционально соответствовала росту их сил. К народному вожаку, победителю деникинцев, которые вели неодолимое, как казалось многим, наступление на Москву, с восторгом присоединялось несметное число селянской молодежи.

Кстати, ружья тогда были в каждой хате. По данным советской разведки, в ту пору махновцы имели 28 тысяч штыков и сабель при 50 орудиях и 200 пулеметах — грозная сила, хоть и плохо сколоченная. 23 октября отряды Махно заняли Мариуполь — это было не только смелое, но и стратегически правильное решение: в ста километрах по прямой степной дороге находилась Таганрог — ставка генерала Деникина.

Возникла серьезная угроза белогвардейскому командованию Юга России, которое всегда недооценивало силу местных партизан и повстанцев. Один из приближенных генерала поведал позднее в эмигрантской книге, что Деникину предлагали даже покинуть ставку, но тот совету не внял, и правильно сделал. Однако пришлось принимать серьезные меры — из скурых резервов белые направили против Махно несколько конных и пехотных частей, сам Деникин с огорчением рассказывал об этом в своих мемуарах: «Положение складывалось грозным и требовало мер исключительных». Против Махно направили Терскую и Чеченскую конные бригады, бригаду донцов, три пехотных полка и некоторые другие мелкие части под общим командованием генерала Слащева (и это — подчеркнем! — во время острейших столкновений белых с красными!).

Ясно, что регулярные войска Белой гвардии наголову превосходили нестройных партизан, силы их оказались неравными, хотя и многочисленными. Части генерала Слащева отбили Ма-

риуполь, вдребезги разнесли махновские отряды и даже отбросили их за Днепр, захватив, как свидетельствовал один из очевидцев, до 200 оставленных ачанок.

Военной силы у Махно от этого не убавилось, его отряды постоянно пополнялись молодыми добровольцами, а вот у Деникина дело обстояло как раз наоборот: разгромленные красными под Воронежем, белые войска начали стремительно откатываться к Черному морю.

Красное командование понимало, какую выгоду приносят махновцы в борьбе с главным своим вооруженным противником — Белой гвардией, — и высоко оценивало их возможности. В начале октября 1919-го авторитетный член Политбюро Иосиф Сталин, много занимавшийся военными вопросами (в пику своему сопернику Троцкому), был назначен комиссаром (членом Реввоенсовета) Южного фронта, который нес основную тяжесть борьбы с добровольцами. Ознакомившись с положением дел, Сталин предложил нанести удар по Деникину через Донбасс, исходя, в частности, из того, что это оставит Добровольческую армию «на съедение Махно».

Бои между Махно и слабеющими белогвардейцами шли с переменным успехом, пока махновцы в ночь на 9 ноября вновь не взяли Екатеринослав — в победное сражение их вел сам батько. То было, несомненно, одно из крупнейших военных достижений Махно, ставших венцом его славы. Людская молва по всей Украине

разнесла весть о Несторе Ивановиче как о победителе Деникина.

Вскоре имя Нестора Махно, народного заступника, боевого вождя трудящихся, защищавшего их и от белых, и от красных, от всех насильников вообще, разлетелось далеко за пределы украинских степей и зазвучало на бескрайних просторах потрясенной России. И это при том немаловажном обстоятельстве, что тогдашние слабые телеграф и газеты находились в руках либо красных, либо белых, где о Махно если и упоминали, то сугубо отрицательно и даже злобно-карикатурно.

Махно недолго довелось продержаться на вершине славы. Слишком могучи, опытны и дальновидны были его многочисленные противники. Слишком неустойчивы и расплывены — общественные силы, его поддерживавшие. И наконец, не хватило политического опыта и организованности ни самому Махно, ни тем паче его окружению. В этих условиях неизбежное крушение батьки становилось лишь вопросом времени.

Начало 1920 года принесло огромное, можно даже сказать — определяющее, изменение в ход Гражданской войны. Белое движение терпело сокрушительное военно-политическое поражение. В феврале в Иркутске был расстрелян адмирал Колчак, красные войска почти без сопротивления приближались к Тихому океану. Английские, французские, американские и японские интервенты, еще недавно располагавшиеся в столице Сибири Омске, убралась восвояси. В марте денкикинские добровольцы и казаки в панике бежали на судах из Новороссийска. Кавказ стал советским. В Крыму еще засели остатки белых войск под командованием генерала Врангеля, но всем, в том числе и им самим, было ясно, что без решающей иностранной помощи «поход на Москву» невыносим.

Итак, для Махно обстановка сложилась примерно такая же, как год назад — на исходе 1918-го: белые с красными дрались где-то в стороне, петлюровцы наступать не пытались, поэтому огромное, густонаселенное пространство

вновь оказалось под властью махновских атаманов. Местные интеллигенты иронически называли тогдашний свой край «Махновией», ее «столицей» на некоторое время стал Екатеринослав.

Минувший бурный год не прошел даром для сметливого Нестора Махно, да и атаманы его вместе с «комиссарами» из числа анархов поднабрались кое-какого политического опыта. Несколько месяцев, не испытывая серьезного внешнего давления, правил батько в своей «Махновии», поэтому чрезвычайно важно приглядеться к осуществлявшемуся там «гражданскому строительству».

В советской исторической литературе немало писалось о классовой природе махновщины — о воздействии кулаков, середняков и прочем (в своей известной прежней статье и мне отчасти пришлось разделить этот грех). Подобные построения умозрительны, рождены марксистской догмой, никаких реальных данных отыскать тут нельзя. В этом смысле совершенно точно сказал на Всеукраинской партконференции (1920) один из видных коммунистических деятелей Яков Яковлев (острота обстановки вынуждала к откровенности): «В махновском движении трудно отличить, где начинается бедняк, где кончается кулак. Это было массовое крестьянское движение». Тут ничего не возразишь — все верно.

Вожак восставшего вооруженного народа, Махно диктаторскими замашками явно не обла-

дал, это бесспорно. Конечно, он был крут, отправить человека на расстрел ему не стоило ничего, но... такое уж настало времечко. Вспыльчив бывал, гневлив, нервы его явно подводили. Вот, скажем, рабочие депутаты города Александровска резко оспорили какое-то решение махновцев. В ответ их предводитель за своей подписью публикует в газете повстанцев «Путь к свободе» грозное письмо, называя этих рабочих «ублюдками буржуазии», а в другом месте даже «прислужниками Деникина» (1 ноября 1919 г.). Обвинения хуже нет, и что же? Убили бедных работяг? Да ничуть не бывало, вернулись домой, восвояси. При товарище Троцком такие вольности даром бы не прошли и при генерале Слащеве тоже: один всех непокорных велел бы расстрелять, другой — повесить... Чем оба они и занимались, многократно и в разных местах.

Незадолго до случая с депутатами Александровска, 27 октября 1919 года, махновское командование созвало съезд делегатов — предводителей повстанческих частей, селян окрестных волостей и рабочих близлежащих заводов. Пытались управлять собранием главари-анархи вроде Аршинова-Марина и «дяди Волина», но худо-бедно какое-то народоправство все же соблюдалось. Съезд принял решение о мобилизации в махновскую «армию» мужчин от 19 до 39 лет и о создании в крае «вольных безвластных советов». Значения второго из этих трех слов, повторяем, никто из махновцев точно не

знал, зато первое воспринималось положительно, ибо на деле все уже поняли, что представляют собой советы при большевистских ревкомах, белогвардейских и петлюровских коммандантах.

Разумеется, народоправство в «Махновии» было далеко от совершенства, куда уж! При батюшке тоже, по примеру большевиков и некоторых иных левых партий, образовался свой «революционный военный совет». Входили в него, помимо старших наставников Махно, Аршинова-Марина и Волина, анархи самого бунтарского толка И. Тепер, И. Эмигрант (Готман), Я. Алый (Суховольский), А. Барон (Полевой) и другие; по свидетельству Галины Кузьменко, почти весь махновский «реввоенсовет» состоял из евреев. В свою очередь Тепер жаловался позже, что через жену Махно на него, дескать, оказывали дурное влияние «украинские националисты». Это явное преувеличение, Галина Андреевна была и осталась до конца дней своих украинской патриоткой, но без всяких крайностей; кстати, с мужем и дочерью они говорили по-русски.

«Реввоенсовет» издавал газеты, выпускал листовки, устраивал митинги и проч. Никаких особых властных привилегий он не имел, а на авторитет батюшки его члены и не думали покушаться. Анархизм по-прежнему оставался лишь внешней приметой, махновцы отстаивали независимость областей, им подвластных, являя образец некой новой пугачевщины со своими «генералами» в лице атаманов батюшки. Как бы то ни было,

но, по свидетельству мемуариста М. Гутмана, печатавшегося в эмиграции и резко отрицательно относившегося к Махно, в Екатеринославе бабкины хлопцы вели себя куда пристойнее, чем недавно занимавшие город казаки Шкуро. Этому следует верить, ибо в «Махновии» открыто действовали многие политические партии, свободно существовали профсоюзы, даже местные большевики начали выпускать вполне легальную газету «Звезда» (правда, вышло лишь несколько номеров, но и сама «Махновия» просуществовала недолго).

Конечно, власть всякой военщины, а партизанской тем более, для людей не сахар. Сам Нестор Махно, не будучи злодеем или тем паче изувером, невольно порой поощрял произвол и насилие. Известно, например, из бесспорных источников, что начальнику Екатеринославского гарнизона махновцев он выдал охранную грамоту следующего своеобразного содержания: «Знаю Скальдицкого как честного человека. Всякий, кто ему не верит, — подлец. Батько Махно». Наладить нормальную гражданскую жизнь махновцы были, конечно, не способны. Приведем лишь одно описание, довольно красочное. Очевидец рассказывает о сцене, которую он наблюдал в небольшом городке Бердянске, входившем тогда в «Махновию»:

«На площадке против комендатуры собралось человек 80—100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос, и объявил: — Братва! Мой по-

мощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку. — Он показал золотой портсигар. — Что ему за это полагается? Из толпы два-три голоса негромко крикнули: — Расстрелять... Это подхватили и остальные махновцы, как, очевидно, привычное решение. Комендант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнира. Народный суд окончился, а махновцы, только что оравшие «расстрелять», довольно громко заявляли: «Ишь, сволочи, не поделили»; комендант же, опустив портсигар в карман брюк, отправился выполнять свои обязанности». Так порой осуществлялось махновское «народное правотворчество».

Заняв тот или иной город, махновцы считали необходимым разрушить тюрьмы, так как «свободному народу они не нужны». Аршинов-Марин подробно рассказал о подобных событиях, которые иногда превращались в настоящие театральные действия. Тюрьмы обычно взрывались, но перед тем находившиеся в них уголовники отпускались на свободу, часто пополняя собою махновские отряды. Гораздо хуже приходилось вооруженным противникам махновщины. К ним применялась только одна мера наказания — смерть. В Екатеринославе махновцы уничтожали не только пленных офицеров белой армии, но и членов их семей. Расстрелы происходили на берегу Днепра, трупы бросали в воду. В этом принимал непосредственное участие и сам батько,

а его «обер-палач» Задов собственноручно душил людей.

Еще хуже обстояло дело в «Махновии» с жизнью хозяйственной: помимо общих причин — разрухи, распада привычных экономических связей и т. п. — здесь сыграл роль убогий анархистский догматизм, вредный, как и всякий иной. Разрешалось хождение всех видов денежных знаков, от царских до советских и деникинских. Анархистские идеологи страшно гордились этой мерой, как архиреволюционной. Не надо быть финансистом, чтобы понять: подобное привело к полному хаосу денежного обращения. В коллекции автора есть купюра поры Временного правительства («керенка») достоинством в пять рублей, на которой резиновым штампом отпечатано: «Гоп, кума, не журись, у Махно гроши завелись». Если бы от махновской «экономической политики» осталась только эта ассигнация, добавлять уже ничего было бы не надо, все и так понятно.

Однако добавим. Один из деятелей профсоюзов Екатеринослава вспоминал, как в ноябре 1919-го к ним на заседание явился некий махновский атаман (имя его в источнике не названо) и произнес буквально следующее: «У вас есть заводы. Мы освободили вас от золотопогонников, теперь устраивайтесь сами. На заводах есть железо, есть проволока, канаты, ремни; продавайте это или меняйте на хлеб. Мы вам мешать не будем, наше дело воевать». Пояснять тут что-либо тоже нет необходимости...

Как всякие популисты, махновцы заботились о «простом народе». Они конфисковали все ценности банков, ломбардов, кредитных обществ, а «реввоенсовет» оказывал денежную помощь неимущим. Очевидец рассказал, что к местам ее выдачи выстраивались тысячные толпы, решение принималось предельно просто, то есть по наитию раздающего, но суммы бывали порой немалые — до 1000 рублей, а фунт хлеба стоил тогда на местном рынке 5–6 рублей. Зато яростно боролись с «золотопогонниками», а нескольких молодых людей, замеченных на улицах Екатеринослава в офицерских сапогах и галифе, убили без всяких разбирательств. Махновский съезд «безвластных советов» постановил, что правосудие должно быть «живым, свободным, творческим актом общежития». То есть законов не надо, будем судить «по совести»; к чему это приводило, рассказывать не надо. Увы, подобное творилось тогда на всей Руси повсеместно.

Между тем красные почти без боев занимали Украину вслед за бегущими белогвардейцами. И вот в самом начале 1920 года вновь состоялась встреча Нестора Махно и его воинства с наступающими красными частями: на землю Екатеринославщины вступила 14-я армия советского Южного фронта.

И опять встреча рядовых красноармейцев с повстанческими хлопцами оказалась дружественной, даже убежденный антикоммунист Аршинов-Марин признал позже, что она была «теплая, товарищеская», обе стороны проводили

совместные митинги и т. п. Немалое число бывших махновцев влилось в части Красной армии, есть сведения, что целыми отрядами иногда переходили, особенно в бригаду популярного на Украине Григория Котовского. Все это понятно и естественно: трудовые низы России и Украины дружно не принимали белогвардейских реставраторов и наивно полагали, что сейчас, после их падения, начинается наконец мирная и свободная жизнь, которую им давно обещали.

Но не тут-то было... Красным дальнейшие события были ясны изначально. Еще 7 декабря 1919 года Троцкий выступил на VII Всероссийском съезде Советов. В настоящее время, откровенно объяснял он, махновцы «представляют опасность для Деникина», но, предупреждал грозно, «завтра, после освобождения Украины (то есть установления там власти ревкомов и комбедов. — С. С.), махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства».

Махно и его атаманы тоже не имели никаких сомнений относительно будущих взаимоотношений с коммунистической властью. Их заявления по этому поводу скудные источники не сохранили, но действия были выразительны и однозначны: в январе 1920 года батяко и его штаб, «комиссары», а также наиболее сильные и сплоченные отряды разноликой «армии» отступили из городов в обширные степи вокруг Гуляйполя. Обе стороны ожидали обострения событий, и оно последовало незамедлительно.

Получив соответствующие директивы от Троцкого, реввоенсовет 14-й армии (командарм И. Уборевич, комиссары Г. Орджоникидзе, М. Рухимович) отдал приказ «товарищу Махно» со всеми его частями передвинуться на советско-польский фронт по маршруту Александрия—Черкассы—Чернигов—Ковель. Ну, всем понимающим было ясно: Махно и его гвардию собирались оторвать от близкой социальной среды, а там... там посмотрим.

В 1929 году один из комбригов 14-й советской армии Ф. Я. Левинзон опубликовал запись переговоров по прямому проводу между командармом Иеронимом Уборевичем и начдивом Ионной Якиром. Разговор, состоявшийся в январе 1920 года, шел весьма откровенный:

«Уборевич: Соответствующее отношение Махно к этому приказу дает нам возможность иметь определенный материал для нашего дальнейшего поведения.

Якир: Я лично, зная Махно, полагаю, что он ни в коем случае не согласится.

Уборевич: Приказ является известным политическим маневром, и только, мы меньше всего надеемся на положительные результаты в смысле его исполнения Махно».

Да, прекрасно знали отдавшие приказ, что он для Махно невыполним, отлично понимали, к каким кровавым последствиям это приведет, но... в пору междоусобицы политика не ведает нравственности. Примерно так же принимались тогда политические решения в Бресте и Версале,

в Москве и Гуляйполе, и не важно, были то генералы в орденах, дипломаты во фраках, комиссары в скромных гимнастерках или атаманы в косматых папах.

Набравшийся политического опыта Нестор Махно с ответом не спешил. Его усиленно заманивали на переговоры к красным, но только опетый дурень согласился бы на них прибыть.

Между махновцами и красноармейскими частями вскоре начались столкновения, и весьма кровавые. Об одном таком драматическом событии известно из своеобразного источника. В самом начале 1921 года вышел скромный журнал «Красный командир», редкостные экземпляры которого сохранились до наших дней. Там помещена краткая заметка без подписи «Печальная годовщина». Содержание ее весьма красноречиво:

«Год тому назад, 19 декабря, питерские курсанты, а с ними и вся пролетарская Россия понесли тяжелую утрату. В эту ночь на хуторе Левуцком (Екатеринославской губ.) во время предательского ночного налета махновских банд был зверски перебит штаб бригады петроградских курсантов, отправленных на Южный фронт против Врангеля и Махно.

Обстоятельства трагической гибели штаба рисуются в следующем виде: бригада курсантов, замыкая кольцо, окружившее разбитые 17 декабря главные силы Махно, в ночь на 19 декабря, при страшной вьюге совершала переход. Прибыв в назначенные места, части бригады и ее штаб стали располагаться на отдых. Все были

утомлены тяжелым ночным переходом и не приняли достаточных мер охраны, не учли того обстоятельства, что непогода может способствовать разбойному налету Махно.

Так и случилось. Отступавшие банды махновцев напали почти одновременно на штаб бригады и на обоз, не успевший еще закончить переход. Части, охранявшие штаб, были захвачены врасплох и обезоружены. После чего бандиты учинили зверскую расправу над чинами штаба... (Далее перечислены имена двенадцати командиров. — С. С.)

Вся эта кровавая вакханалия продолжалась не более получаса. Звери натешились над захваченными жертвами, но бежать им не удалось. Подоспевшие части настигли убийц и нанесли им тяжелое поражение, освободив всех взятых в плен курсантов.

6 января тела убитых прибыли в Петроград, и весь питерский пролетариат с глубокой скорбью провожал 15 красных гробов до братской могилы Александро-Невской лавры».

Взаимная жестокость сторон уже превысила, казалось, все пределы. Многие махновские командиры колебались, опасаясь нового разрастания военных действий. Уж слишком велико было превосходство красных войск, всей огромной Советской России, где большевики одержали победу над своими главнейшими противниками. Сам Нестор Махно в начале 1920-го тяжело заболел тифом, страшная эпидемия которого буквально косила тогда население страны. Об этих

событиях поведал много лет спустя В. Белаш. Как рассказал мне уже в 70-х годах его сын, чекисты отпустили отца, он работал потом на скромных должностях, а в начале 30-х написал воспоминания, которые были опубликованы, и то частично, уже в начале 90-х в Киеве. Мемуары эти заслуживают доверия и к тому же касаются сюжетов, которые ни в каких дошедших до нас документах отражения не нашли.

«Начдив Красной Армии 3-го января 1920 года в Александровске вручил Военревсовету махновцев приказ председателя РВСР Троцкого. Махновцам предлагалось выступить на польский фронт, очистив занимаемый район. В приказе видно было стремление красного командования ликвидировать махновщину. В результате горячих споров в самом штабме (штабе. — С. С.) махновской армии и Совете было выдвинуто контрпредложение — подписание военного договора и предоставление независимости Екатеринославской и Таврической губерниям.

Эти идеи анархо-культурники пропагандировали среди красных полков, стоящих в Александровске, критикуя при этом Советскую власть. Батальон китайцев перешел на сторону махновского штабме, который с двумя корпусами выступил на Гуляй-Поле, оставив на произвол судьбы все лазареты, снабжение и бронепоезда. 5 января штабме занял Гуляй-Поле и начал готовиться к обороне от нападения Красной Армии. Но усталость, апатия и тиф продолжали косить полки. 6-го января, когда Красная Армия зани-

мала г. Мариуполь, в Гуляй-Поле состоялось общее заседание комсостава, штарма и Военревсовета. Было решено: предоставить повстанцам месячный отпуск, усилить формирование новых частей и стремиться с Совправительством заключить военный союз на предмет дальнейшей борьбы с белогвардейцами и Польшей, отстаивая независимость Таврии и Екатеринославщины. 1-й корпус расходился по домам в Гуляйпольском районе, а 2-й ушел в Бердянский и Мариупольский уезды...

Со стороны Екатеринослава в Никополь вошел один советский полк, он занял город и начал разоружать тифозных махновцев. Ему достались бронепоезд Лонцова и три состава снарядов без какого бы то ни было сопротивления. В самом же городе находилось 15 с лишним тысяч тифозных повстанцев. Наши командиры подвергались расстрелу, будь они больные или здоровые. Такое положение заставило меня бежать из города. Со мною была группа из 7-ми человек...

Наш путь лежал через села Знамянка, Днепровка, Попово, Копани, Вербовое, Петропавловка и Пологи. На наших глазах на Крым двигались красные части. Они занимались чисткой района от махновщины, обезоруживая группы тифозных повстанцев, расстреливая многих командиров. Было жутко смотреть на эту кровавую картину и хотелось крикнуть: «Остановитесь, безрассудные, махновцы с вами!»

Нас укрывали крестьяне, и мы 19 января добрались в Гуляй-Поле благополучно. Здесь стоял

штарм. Махно болел тифом и уехал с охраной (15 человек) в Дибривки. Положение было аховское, ибо армия окончательно была парализована и разбрелась по домам. Штарм остался в единственном числе. Военревсовет тоже разъехался по домам, а частью попал в плен к красным. Культпросвета уже не существовало. Вообще, махновщина почти прекратила свое существование.

Вечером 19 января со стороны Полог один красный батальон 42-й дивизии повел наступление и без боя занял Гуляй-Поле, захватив последние 8 орудий и тифозных махновцев. Среди пленных был двоюродный брат Махно — Григорий и А. Лепетченко, которые тут же были расстреляны. Штаб законспирировался, а я уехал в Новоспасовку.

— Гонения не помогут. Наивно думать, что репрессиями можно разрешить все расхождения между селом и городом, Красной Армией и махновцами, — говорил Куриленко, накануне приехавший с польского фронта. С июля 1919 года он отсутствовал в махновщине, отступив с Украины на север вместе с Красной Армией. Со своим полком он был влит в бригаду «червоных козаков». Приехав в отпуск, Куриленко 15 февраля 1920 года разыскал нас на Николаевских хуторах. Он продолжал:

— Троцкий идет к победе над украинским повстанчеством. Везде, где я проезжал, — Киевщину, Черниговщину, Полтавщину, Екатеринославщину, — всюду проливается невинная кровь. Красная Армия вместо прямой задачи — пресле-

дования отступающего Деникина сейчас занята повстанчеством. Я думаю, что она своими действиями заново организует его: это неизбежно. Создается положение, при котором террор и насилие над махновцами и населением только увеличат сопротивление. Историей доказано, что идеи, которые власти стремятся подавить грубой силой штыка, а не добрым словом, обыкновенно делаются более близкими народной массе, более популярными. Народ к ним тяготеет и готов на страдания. В настоящее время, когда окончательно не сломлена белогвардейщина, когда махновское повстанчество перед Советами покорно сложило оружие, борьба с последним во имя торжества партийных принципов есть контрреволюция. Поэтому мы должны во что бы то ни стало предотвратить кровопролитие в районе: надо писать воззвание.

— Воззвание мы уже писали, осуждая выступление гуляйпольцев, — возразил Куриленко член бердянской группы анархистов Миша. — Но на следующий же день был арестован Уралов.

Действительно, Уралов, матрос из рабочих, махновский командир, анархо-коммунист, с бердянской группой анархистов выпустил воззвание, осуждая Махно за выступление против коммунистов. Однако Чека арестовала его и только месяц спустя по настоянию рабочих выпустила.

Бондарец упрекал Куриленко в советской службе. В защиту его выступил Миронов — начштаба 2-го Азовского корпуса, бывший коммунист, донской казак, брат Филиппа Миронова.

командующего 2-й Конной армией красных. Он успокаивал:

— Товарищи, пожалейте измученных тифом повстанцев, не поднимайте завирюхи. Большевики сами осознали, что террором социализма невозможно достигнуть, и мы видим, что в уезде репрессии начали ослабевать. Надо повстанцев сохранить для более подходящего времени: мы еще покажем себя! Упрекать в советской службе не следует, ибо это не порок. Чем больше наших товарищей будет на этой службе, тем легче нам удастся изнутри двинуть 3-ю анархическую революцию.

— Это мечта деревенского собственника, — вспыхнул Долженко. — Это крестьянское кустарничество и отживший метод борьбы. Взорвать Советскую власть — значит продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни. В конце 1919 года нам достаточно надоело фразерство синдикализма. Эта идея показала себя обратной стороной, и пролетарские массы нас бросили на съедение зарвавшихся красных командиров. Мало того. Штарм и Военревсовет показали абсолютное банкротство в деле организации индустриального пролетариата и социализации богатств в свободных городах. А величайший в мире помпадур, этот батько, со своими гуляйпольцами, что они делали? Тогда перед нами стал вопрос жизни и смерти. Что сделал штаб для того, чтобы предотвратить кровопролитие? Вместо концентрации армейских корпусов, представлявших военную силу, с которой крас-

ное командование должно было считаться и неизбежно бы подписало союзный договор, предоставив нам независимую территорию, шторм эту силу раздробил... Он не мог отстоять независимое существование армии, и масса была разочарована. Теперь она скрывается, и вряд ли гуляй-польцы смогут ее разбудить, конечно, если им не помогут своим террором большевики.

— Бряцать оружием или входить во властнические организации с целью взорвать их изнутри было бы весьма позорно и недостойно. С ними надо примириться раз и навсегда, — продолжал убеждать Долженко. — Священной обязанностью теперь надо считать вопрос организации свободных коммун в советских условиях. В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно можно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести обычное бремя государственных налогов, подчиняясь власти... Надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны оружие сдать в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях. Стремиться к власти было бы не анархическим актом, а восставать против нее изнутри или извне, значит, надо стать махровым контрреволюционером.

— Да, ты, Иван, совсем без ума, — вспыхнул Вдовиченко. — У тебя, видно, повышенная температура, к врачу надо съездить?! Как можно ор-

ганизовать коммуну, когда носа не показывай, когда за тобой, как за зайцем, охотятся красные стрелки. Одно дело — говорить, другое — делать! Бряцать оружием сейчас нехорошо. Но что нам делать, когда нас лишают самого дорогого — жизни... нас убивают! По-моему, село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление.

Сидящие в хате крестьяне поддерживали Вдовиченко и готовы были предоставить в его распоряжение и сыновей, и лошадей. Они говорили:

— Чого ви кинули гвинтівки, чого на їх дивитися?

Но верх был на стороне Долженко, было решено сидеть в подполье, ожидая, пока выяснится положение на деникинском фронте, откуда слышалась орудийная канонада.

16 февраля прибыл разведчик от Павловского. Он рассказал, что 4-й Крымский корпус рассыпался по домам, после того как красные части начали обезоруживать полки, а командиров расстреливать.

— Вечером 8 января мы заняли Мелитополь, — вспоминал разведчик. — Слащев во все лопатки драпал на Сальково. Павловский подходил к Перекопу и Николаеву. Вдруг 12 января прибыли красные дивизии и набросились на наш 15-й полк. Мы с Володиным оторопели и с конной разведкой бежали к Павловскому. Кроме 15-го полка погибли еще два: 16-й пехотный Чайки и Крымский конный. В Чаплинке мы встретились с Павловским и не знали, что делать. Из шторма не по-

ступало никаких сведений и распоряжений, и места его пребывания никто не знал. Тут же мы решили ударить на Перекоп и уйти в Крым. 20-го января мы заняли Перекоп и Армянский базар, где противника почти не было. Продержались там до 23 января. Пришли красные под командою Саблина и начали нас обезоруживать, а из Крыма Слащев начал напирать. И мы — кто куда. Володин с сотней конницы пробился через Слащева и ушел с Прочаном (командир сотни) в Крымские горы, а мы с Павловским и двумя полками пробились к Днепру. Вот, теперь они сидят в плавнях, а меня послали к вам. Что делать?

Мы были на распутье... и так тянулись долгие, долгие месяцы».

Эти строки, написанные откровенно и бесхитростно, еще раз подтверждают старую истину, что массовое народное движение чрезвычайно зависимо от личности своего предводителя. Как правило, крах всего движения заканчивается (или совпадает) с гибелью его вожака. Вспомним хотя бы хорошо всем знакомые восстания Степана Разина или Емельяна Пугачева. Как повязали их предатели, спасавшие свою шкуру, так и «скукожились» восстания, хотя силы еще оставались, социальные причины мятежа не были устранены, а очаги сопротивления еще долго тлели. Видно из отрывка, как и махновские атаманы растерялись без своего батьки.

Однако Нестор, надежно укрытый преданными людьми и заботливо опекаемый женой и близкими, оправился от тяжелой болезни и вновь взял

бразды правления в свои руки. Да, военное поражение было сильным, но не решающим. Народное недовольство красной продрозверсткой и всей большевистской политикой не спадало, сочувствующей крестьянской молодежи было предовольно, а батько — вот он, живой и здоровый и опять призывает народ на борьбу. Красные нас окружили? Ничего, и немцы здесь побывали, и петлюровцы, и беляки, но укатали же они с тех мест... А мы красным комиссарам и продотрядам спуска как не давали, так и не дадим.

Время с февраля по осень 1920 года махновцы провели в бесконечных скитаниях по Левобережью и постоянных жестоких стычках с советскими боевыми частями, тыловыми подразделениями и местными органами Советов, особенно беспощадно борясь с продотрядами и их опорой на местах — комбедами (на Украине они именовались «комнезамами», то есть «комитетами незаможных селян»). Пересказывать здесь подробности тяжело и исторически совершенно неинтересно: то махновцы уничтожают мелкий отряд красных, то отряд последних — махновцев. Но следует процитировать обширный и ни разу полностью у нас не публиковавшийся документ, а именно — дневник Галины Андреевны Кузьменко.

Дневник этот, написанный на украинском языке, был захвачен красными в одной из мелких стычек с махновцами весной 1920 года и тогда же частично опубликован в советской печати. Сперва он приписывался некой Феодоре Гаенко, называемой женой Махно, позже — Галине

Кузьменко. В чем тут дело, почему возникла такая разногласица? Это был один из первых вопросов, с которым я обратился к вдове батьки, и получил от нее обстоятельную справку.

— Нестор очень хотел, чтобы история движения (так, и только так именовала Галина Андреевна махновщину. — С. С.) была записана. При штабе был один гимназист, которого специально держали для ведения дневника, потом эти материалы отдали Аршинову (возможно, он положил их в основу своей книги. — С. С.). Я тоже вела дневник, тетрадь одолжила у Фени Гаенко, она была молодая женщина, любовница Льва Задова, на первой странице тетради ее рукой была написана ее фамилия, а всю тетрадь записала я. Как-то мы с Феней ехали по дороге в повозке, когда — не помню, но было холодно, я была в шапке, появились красные кавалеристы, нас не тронули, но выпрягли лошадей, оставив нам своих, загнанных. Чемодан с вещами был на другой повозке, его забрали, а там лежал дневник. Потом в какой-то советской газете появилась статья о дневнике жены Махно Феодоры Гаенко. Аршинов сердито опровергал, но на самом-то деле дневник вела я.

Дневник Галины Кузьменко в переводе с украинского передал автору Илья Альтман, тогда сотрудник Центрального архива Октябрьской революции, за что еще раз выражаю ему сердечную признательность. Документ пролежал в наглухо запертом хранилище семьдесят лет. Это редчайшее свидетельство тех страшных времен, ибо

дневников тогда не вели — не до того было, да и писем не писали — почта не действовала. Вот почему полагаем необходимым воспроизвести его полностью, без сокращений и правок (исключены лишь три страницы, где подробно рассказано, как Галина Андреевна вымокла в дороге и как потом сушилась). Дневник, точнее — одна его сохранившаяся тетрадь, охватывает короткий срок: с 19 февраля по 28 марта 1920 года (видимо, как раз в конце марта чемодан Галины Кузьменко и захватили красные). Всего тридцать семь дней, но какие! Итак, вот оно, подлинное свидетельство той поры:

«19 февраля нового стиля 1920 года. Сегодня утром выехали из с. Гусарки. Часов в одиннадцать утра приехали в с. Конские Роздоры. Тут наши хлопцы обезоружили человек 40 «красных». Из этого же села к нашему отряду присоединилось несколько хлопцев. Стояли тут недолго, часа три, после чего переехали в Федоровку.

20–21 февраля. Переночевали в Федоровке на старой квартире. Утром послали разведку в Гуляй-Поле. После обеда выехали из Федоровки. По дороге встретили своего посланца, который известил, что в Гуляй-Поле стоит человек 200–300 красноармейцев. Наши решили ночью сделать налет и обезоружить красных. Вечером мы прибыли в с. Шагарово, где и остановились на несколько часов. Отсюда снова была послана разведка, которая должна была выяснить расположение как начальников, так и войск (красных). Часов в 12 ночи выехали из Шагарово на

Гуляй-Поле. По дороге нас известили о расположении вражеского войска. Быстро мы выехали в с. Гуляй-Поле и разместились на околице, а все пригодные к бою хлопцы пошли сразу к центру, а потом и дальше обезоруживать непрощенных гостей. Красноармейцы не очень протестовали и быстро сдавали оружие, командиры же защищались до последнего, пока их не убивали на месте. До утра почти $\frac{3}{4}$ 6-го полка было обезоруженными и до которых дошла наконец очередь утром, сразу начали храбро отстреливаться, но, быстро узнав, что их товарищи уже обезоружены, и сами сдали оружие. Очень замерзли и устали наши хлопцы, пока покончили с этим делом, но наградою за этот труд и мучения у каждого повстанца было сознание того, что и маленькой кучке людей, слабых физически, но сильных духом, вдохновенных одной великой идеей, можно делать большие дела. Таким образом, 70–75 наших хлопцев за несколько часов одолели 450–500 врагов, убили почти всех командиров, забрали много винтовок, патронов, пулеметов, двуколок, коней и прочего.

Покончив с этим делом, хлопцы разошлись кто куда — кто пошел спать, кто домой, кто к знакомым. Мы с Нестором тоже поехали в центр. Кое-что купили, кое-кого навестили и вернулись на свою квартиру. Начали собираться обедать, когда вдруг влетает в хату Гаврюша и говорит, чтобы скорее запрягли лошадей, потому что с горы по пологовской дороге спускается вражеская кавале-

рия. Быстро все собрались и выехали. В центре остались Савелий Махно, Воробьев и Скоромный. Когда выезжали из села, в центре была жуткая перестрелка. Часа через два мы были уже в Санжаровке. Тут постояли часа три и вечером переехали в Вилоговку, где и переночевали.

22 февраля. Встали, позавтракали и выехали через Успеновку на Дибривку. Успеновские хлопцы обещали приехать к нам в Дибривку. В Дибривке встретились с товарищем Петренко, который уже начал со своими хлопцами работу и начал хвастать, как обезоруживали небольшие части, которые заезжали в Большую Михайловку. Встреча была очень радостная. Петренко сразу заявил, что идет с нами. Переночевали в Дибривке. 23-го я ночью угорела, целый день чувствовала себя плохо. Утром, часов в 10, наши хлопцы схватили двух большевистских агентов, которых расстреляли. После обеда выехали на Гавриловку. В Гавриловке захватили двух агентов, которые забирали скот, а также одного инженерера, который приехал устраивать ревкомы и исполкомы, а также выяснить, кто воюет с Петлюрою, с Махно и с Деникиным. Тут мы переночевали. Был митинг.

24 февраля. Кажется, сегодня выедем отсюда. Тут остается Феня. Убито двое. Из Гуляй-Поля приехали члены Культ-Просветкомиссии, которые не успели выехать одновременно с нами, и рассказывают, что коммунисты убили старого Коростылева и была перестрелка между Савкой Тыхенко и другими большевиками. Ходят слухи,

что Савка убит. После обеда выехали из Гавриловки через Андреевку на Комарь. Тут был митинг. Греки страшно хотели видеть батьку, но он отказался выйти. Они постояли возле квартиры и разошлись. Тут на квартире учительницы «цокотухи» переночевали.

24 февраля. Сегодня Феня оставила нас. Нестор сказал: «Вот Феня осталась — и жалко». Мне тоже жалко, что она осталась. Но для нее это лучше. Как выяснилось, она нужна была только мне, и то не всегда, остальным же она была обузой, и они в большинстве относились к ней враждебно. Я в таком положении не хотела бы быть, не хочу, чтобы была в нем и она. Оставила нас — и хорошо сделала. А я?!.. А мысль была остаться где-нибудь вместе с ней. Была... А почему же я не осталась? Или и правда испугалась того, что меня уже в Гавриловке видели и знают люди? Нет! Или, может, потому, что Нестор сказал сгоряча: «Если останешься, то не считай больше меня своим мужем»? Тоже нет! Напротив, тут-то непременно бы осталась... Может быть, то, что Нестор пообещал мне сменить обстоятельства? Все не так! Так что же? Что? ... Да известно что. Апатия, безразличие ко всему на свете, физическое и духовное бессилие... Эх... какое занудство, какая гадость! Не хватило духу довести мысль до чувства.

25 февраля. Выехали из Комаря на Большой Янисель. Тут встретили двух хлопцев. Все выжидают, пока коммунисты сильно допекут. Постояли в Большом Яниселе недолго, ибо получили

известия, что туда идут коммунисты в численном большинстве. После обеда переехали в Майорское. Тут поймали трех агентов по сбору хлеба и прочего. Они расстреляны. Сегодня приезжий гуляйпольский житель подтвердил слухи про то, что Савку и еще какого-то хлопца, который был с ним, убили коммунисты. В Яниселе узнали, что Лашкевич и Кожин арестованы красными.

26 февраля. Переночевали в Майорском. Стоим пока тут. После обеда выехали через Кременчуг на Святодуховку.

27 февраля. Ночевали в Святодуховке. Часов в 10 утра выехали на Туркеневку. Остановились в школе Лупая. Принимали очень радушно. Только пообедали — слышим в селе стрельбу. Выскочили во двор. Выяснилось, что человек 25 кавалеристов ворвались в село со стороны Успеновки и начали стрелять по нашим. Вмиг все наши поднялись на ноги и застрочили по ним из пулемета, а человек 10 кавалеристов погнались за ними. Выбежали из села на гору и быстро исчезли за холмом. Вдруг через несколько минут на вершине показалась цепь пехоты, а между пехотой — кавалерия. Быстро на небосклоне стало появляться все больше и больше войска, которое рассыпалось в цепь и начало идти на Туркеневку. Выделилось человек 30 кавалеристов и двинулось левым флангом в обход. Наши хлопцы, увидев это, быстро возвратились. Мы стояли часа полтора и наблюдали за вражеской цепью. Она сначала шла, потом остановилась, постояла и стала неохотно собираться в кучу. Было видно,

что большой охоты наступать фронтом на село не было. Много наших хлопцев были за то, чтобы дать бой, но многие были и против. Врагов было значительно больше, да и в нашу задачу не входило давать пока бои красным, если для этого не было жгучей необходимости. Мы выехали из села. Когда они увидели, что мы оставили село, снова цепью начали наступать. Мы вечером приехали в Шагарово, накормили лошадей и ночью выехали через Гуляй-Поле, Варваровку на Башаул. Ужасно утомили лошадей и сами утомились. Дорога очень трудная — снег намок и почти половина его уже растаяла. Ни санками, ни тачанкою ехать невозможно.

28 февраля. Сегодня встали поздно, потому что вчера поздно и утомленными легли. Вчера вернулись хлопцы, которые оставались в Гуляй-Поле. Сегодня приехали к нам Данилов, Зеленский и еще несколько своих старых хлопцев. Ночуем в Башауле.

29 февраля. На улице непогода. Вода из снега, грязь, туман. Ехать будет очень трудно. Пока еще стоим на месте. Позавтракали и выехали на Воздвиженку. Навестила Рыбальских.

1 марта. Получили известие, что в Рождественке (5 верст) кавалерия и обоз. Ночью приезжали оттуда разведчики и побили одного дядьку за то, что тот на вопрос: «Кто в селе и сколько?», дал ответ: «Не знаю».

Позавтракав, выехали на Варваровку. Когда выезжали из села, увидели дедку с обрезом, который вышел для того, чтобы убить жену Коль-

чиенко, которая ехала с отрядом. Дедка этот был отцом Кольчиенко, у него живет первая жена последнего с тремя детьми. Обиженный поступком сына, старенький отец вместе со своей опозоренной невесткой решили, что во всем виновата «она» и что пусть лучше погибнет «она», чем погибнут четверо. Подъехали к дедку хлопцы и говорят: «Отдай, дед, обрез». — «Берите, — говорит, — я и без обреза ее, подлюку, убью». Хлопцы, смеясь, проехали. Проехал другим переулком и сын с кавалерией, и «она» на тачанке, а дедка постоял, потоптался на месте, посмотрел нам вслед и поплелся назад в село.

В Варваровке узнали, что в Гуляй-Поле коммунисты. Будучи с разведкой впереди, встретили о. Стефана, который рассказал, что командир полка тот самый, который был тогда, когда мы обезоруживали 6-ой полк, и который тогда успел скрыться. Постояли в Варваровке около часа и двинулись на Гуляй-Поле. Приблизившись к селу, узнали, что красные делают обыски и коекого арестовывают. Дальше узнали, что они быстро выезжают. Выслано было вперед два пулемета и человек 10–12 кавалеристов, которые и погнались за красными. Мы все выехали в село и разместились в своем «уголке». Скоро приехали хлопцы из погони и сообщили, что ранен и пленен командир Федюхин, много красноармейцев ранено, многие разбежались по полю и человек 75 гонят пленных. Батьке захотелось видеть командира, и он послал за ним, но посланец быстро вернулся и сообщил, что хлопцы не

имели возможности возиться с ним, раненым, и по его просьбе пристрелили его. Пленных же, предупредив, чтобы в третий раз не попадались, ибо живыми не отпустят, — распустили.

Из документов выяснилось, что Федюхин после обнаружения своего 6-го полка сформировал снова «карательный отряд», которому поручено было «производить обыски и реквизиции», а также производить аресты подозрительных лиц в районе махновских банд. Постояли в Гуляй-Поле часа 2 и вечером выехали на Новоселку.

2 марта. Переночевали и целый день простояли в Новоселке. Отдохнули немного и кони, и люди. Коммунистов близко не слышно. Часов в 10 утра сегодня поднялись было все на ноги из-за того, что внезапно поднялась стрельба. Как потом выяснилось, это наши неосторожно пробовали пулемет, так что пули ложились у нас во дворе.

Вчера с гуляйпольского лазарета вышло хлопцев 8 и поехали с нами. Сестры милосердия тоже покинули лазарет, где остались только красные, и тоже стали просить, чтобы мы их взяли с собой. Хлопцы взяли их. Ночью сегодня хлопцы взяли миллиона два денег, и сегодня всем выдано по 100 рублей.

Ночуем здесь.

3 марта. Позавтракав, выехали на Конские Роздоры. Проезжая через Федоровку, узнали, что сегодня там были 6 кавалеристов, которые попросили приготовить 50 пудов ячменя и несколько печеных караваев, а также сказали, чтобы сегодня федоровцы ждали Махно.

Прибывши в Роздоры, узнали, что тут красные отомстили невинным роздорцам за то, что нами было убито тут пять коммунистов, — они расстреляли председателя, старосту, писаря и трех партизан. В волость была брошена бомба. Хозяйку, у которой мы остановились, избили красные, и все имущество в доме пограблено. Ночевать остановились тут. На дворе ненастье. Сейчас идет дождь. Дорога теперь очень трудная.

4 марта. Печальный сегодня день. Встали под выстрелы из винтовок. Быстро собрались и приготовились. Ночью с Полог приехали красные и стали на рассвете наступать. Еще ночью враги захватили двух наших кавалеристов и арестовали человек 20 местных повстанцев. Товарищ Середа с пулеметом, как и всегда, первый вклинился своею тачанкой во вражеский стан. От него не отставал и второй пулеметчик, т. Литвиненко. Кавалерия наша еще не успела подскочить, как силы красных из пулеметов и винтовок застрочили по вырвавшимся вперед махновцам. На этот раз нашим героям не повезло: вражеская пуля попадает Литвиненко прямо в лоб, вторая пуля тяжело ранит Середу, третья убивает коня в тачанке, четвертая пронизывает плечо кучера. Тут только прискакала наша кавалерия, подошла пехота и вынудила врага показать пятки. Наши взяли три пулемета, человек 20 убили эстонцев и поляков, многих ранили и отбили арестованных махновцев. Далеко за врагами не гнались. Скоро собрались вместе и простояли еще часа два, и выехали в Федоровку. С нами выеха-

ли человек 25 роздорцев. Смерть т. Литвиненко произвела на многих тяжелое впечатление — давно уже наш отряд не имел такой утраты, как сегодня.

5 марта. Все тихо и спокойно сегодня. На улице светит солнышко, и вместе с ветерком здорово сушит. Снег почти уже растаял — остался только по балкам и по лощинам, а на пригорках уже просохло и выбивается из земли молоденькая травка. Озимые в степи начинают зеленеть. Вчера видела на поле мышь, которая уже вылезла из земли, почуяв весну.

Проведали раненого Середу. Он поправится, только ему нужен покой. Его и кучера мы оставляем тут. Навестил нас Иваненко, известив про то, что Капельгородский арестован.

Приехал Голик с Гуляй-Поля, напечатал обращения к крестьянам и рабочим. В Гуляй-Поле и окрестностях сейчас никого нет.

6 марта. Позавтракав, выехали с Федоровки на Новоселку. Остановились на старой квартире. Хозяин тут очень симпатичный человек. Сегодня он нагнал самогон и угостил нас. Нестор выпил и вел себя относительно меня очень нахально.

7 марта. Часов в 8 утра выехали на Шагарово, оттуда на Гуляй-Поле. Дорога невозможная. Шестеро лошадей не в силах тянуть одну тачанку. Еще с Новоселки «батя» начал пить. В Варваровке совсем напился как он, так и его помощник Каретник. Еще в Шагарово «батя» начал уже дурить — бессовестно ругался на всю улицу, верещал как ненормальный, ругался и в хате при

малых детях и при женщинах. Наконец сел верхом на лошадку и поехал на Гуляй-Поле. По дороге чуть не упал в грязь. Каретник уже начал дурить по-своему — пришел к пулеметам и начал стрелять то с одного пулемета, то с другого. Засвистели пули низко над хатами. Поднялась паника. Тогда быстро выяснилось, что такую стрельбу поднял сдуру пьяный Каретник.

Приехали в Гуляй-Поле. Тут под пьяную команду батяки начали вытворять нечто невозможное. Кавалеристы начали бить нагайками и прикладами всех бывших партизан, каких только встречали на улице.

Сегодня воскресенье, день ясный, теплый, людей на улице много. Все вышли, смотрят на приехавших, а приехавшие как бешеная дикая орда мечутся на конях, налетают на невинных людей, ни с того ни с сего начинают бить, гонимая: «Это тебе за то, что не берешь винтовку!..» Двум хлопцам разбили головы, загнали по плечи одного хлопца в речку, в которой еще плавает лед. Люди испугались, разбежались. Стали ворчать тихонько гуляйпольцы по углам, а открыто бояться высказывать свое недовольство против махновцев — страх напал на всех... Да и правда, как забитым, запуганным, замученным, обобраным, обессиленным всякими властями крестьянам протестовать против насилия пьяных махновцев — их сейчас сила, их и воля.

12 марта. Дни стояли в Гуляй-Поле. Сюда приехал Тарановский. Приехали сюда еще человек 35 хлопцев с лошадьми, только седла есть не

у всех. 10 марта вечером по Пологовской дороге показалась кавалерия. Выехали им навстречу и обстреляли. Со стороны кавалеристов не было ни одного выстрела. Приехавших взяли в плен. Выяснилось, что это 23 человека красных, присланных из Таганрога мобилизовать лошадей. Их обезоружили и отпустили. 11 марта вечером был спектакль, посвященный памяти Т. Г. Шевченко. Наших там было много. Все прошло хорошо.

Все эти дни много пили. Скандалили много. Выпивши, батька становился очень разговорчивым и заинтересованным «чистотой и святостью повстанческого движения». Сегодня приехали в Успеновку.

13 марта. Стоим в Успеновке. Батька и сегодня выпил, разговаривает очень много. Бродит пьяный по улице с гармошкой и танцует. Очень привлекательная картина. После каждого слова матерится. Наговорившись и натанцевавшись, заснул.

Один усепеновский дядька пожаловался в штаб на бывшего повстанца, который побил девушку — племянницу дядьки и его сына. Дело в том, что эта девушка когда-то встречалась с повстанцем. Во время его отсутствия полюбила другого хлопца, с которым встречается и сейчас. Вернувшийся домой повстанец снова начал приставать к этой девушке, а когда она ему отказала, побил ее, а потом и ее двоюродного брата. Через некоторое время повстанец поздно вечером подошел к хате побитого хлопца и стал звать его во двор, чтобы «помириться». Из хаты никто не вышел и попросили прийти мириться днем. Повстанец

настаивал на своем и пообещал бросить в окно бомбу. Тогда дядька — отец хлопца — выстрелил в повстанца и ранил его. Теперь повстанец обещает, что после выздоровления он убьет дядьку. Наши выслушали все это и отослали всех по домам, предупредив повстанца, что если он будет мстить, то с ним в следующий приезд расправятся. В частной беседе про это дело Нестор оправдал повстанца.

14 марта. Сегодня переехали в Большую Михайловку. Убили тут одного коммуниста. Переехали в Гавриловку. Выезжая 15 марта из Б. Михайловки, убили в лесу михайловского повстанца за грабежи и насилия, которые он чинил в своем селе. В Гавриловке взяли с собой Феню и поехали в Андреевку, где и заночевали.

16 марта. Утром выехали на Комарь. Только выехали за село, как получили известие, что в Мариентале есть отряд кадетов, который убил одного нашего хлопца и обстрелял остальных, которые приехали туда обменять лошадей. Наши решили сразу же пойти на этот хутор и побить кадетов. Конные сразу же отделились и пошли в обход. По правому флангу ехала и я с хлопцами. Подъезжая к хутору, увидели, как с хутора выскочили несколько конных и пеших, которые бросились бежать. Быстро вошли в хутор и начали обстреливать хаты. Убегавших догоняли и убивали на месте. Кто-то с краю поджег солому. В несколько хат бросили бомбы. Быстро со всем было покончено. Выяснилось, что тут отряда никакого не было, а была местная вооружен-

ная организация, которая и убила нашего казака. За это необдуманное убийство дорого заплатил Мариенталь — почти все мужчины за исключением очень старых и очень молодых были убиты, говорят, что есть погибшие женщины; примерно час наши хлопцы ощущали себя в хуторе хозяевами, забрали много лошадей и прочего. Выезжая с хутора, в степи, в бурьяне нашли двоих, которые спрятались тут с винтовками. Их порубали. Приехали в Комарь. Тут греки выдали нам одного немца, который, скрываясь, пересек речку и спрятался у них. Его тоже доби́ли.

На улице было солнечно, тепло и сухо. Пообедав, наши все пошли погулять к реке. На берегу лежал убитый. Возле него собралось много людей. Когда мы появились на берегу, внимание людей было обращено на нас. Мы подошли к лодкам. Тут люди часто ездили на другой берег и не давали воде замерзнуть, в то время как с обоих боков неширокой водяной дорожки был лед. Мы сели на лодку и переехали на тот берег. Постояв там немного, вернулись назад. Под берегом подурили немного, обрызгали кое-кого водой и пошли домой. Тут мы узнали, что верст за 20 от нас в с. Андреевке Бахмутской волости есть карательный отряд большевистский. Назавтра решили помериться с ним силами.

17 марта. Утром выехали на Богатырь и дальше на Андреевку. В Андреевке действительно была 3-я рота 22-го карательного полка. Когда, выехав из Богатыря, переезжали речку Волчью, на той стороне возле мельницы на холме заметили дво-

их кавалеристов, которые, заметив нас, очень быстро подались на Андреевку.

Наша кавалерия с батькой во главе рванулась вперед. Когда мы подъехали к селу, то сразу поднялась стрельба. Застрочил и пулемет. Кавалерия бросилась в село, пехота осталась далеко сзади. Вскоре нам сказали, что наши захватили в плен человек 40. Мы въехали в село и на дороге увидели кучку людей, которые сидели, а некоторые и стояли, и раздевались. Вокруг них крутились на лошадях и пешие наши хлопцы.

Это были пленные. Их раздевали до расстрела. Когда они разделись, им приказали завязывать друг другу руки. Все они были великороссы, молодые здоровые парни. Отъехав немного, мы остановились. По дороге под забором лежал труп. Тут на углу стоял селянин с бричкою, запряженной четверкою, на которой был взятый у красных пулемет. Тут же стояла еще одна подвода с винтовками. Вокруг крутились наши хлопцы и собралось много селян. Селяне смотрели, как сначала пленных раздевали, а потом стали выводить по одному и расстреливать. Расстреляв таким образом нескольких, остальных выставили в ряд и резанули из пулемета. Один бросился бежать. Его догнали и зарубили.

Селяне стояли и смотрели. Смотрели и радовались. Они рассказывали, как эти дни отряд хозьяйничал в их селе. Пьяные разъезжают по селам, требуют, чтобы им готовили лучшие блюда, бьют нагайками селян, бьют и говорить не дают. Постояв тут немного, поехали в центр. Тут было

много селян. Им раздали листовки и провели митинг.

Остановились по дворам на один-два часа покормить очень уставших лошадей. Только мы немного перекусили, смотрим — ведут хлопцы нам во двор маленького серенького коня-стригунца. Это возвратились хлопцы, которые погнались было за убежавшими, перебили их, убили и командира, а его конька привели нам показать. Постояв немного и покормив лошадей, двинулись на Богатырь ночевать...

18 марта. Провели тут митинг. Арестовали по доносу 3-х человек, но греки стали их горячо отстаивать, и мы их освободили. Оставили тут т. Огаркина для организации и выехали на Большой Янисель. Тут встретили т. Лашкевича. Встреча была очень радостная. Все с ним целовались, обнимались, расспрашивали. Рассказывали ему, как нам жилось, расспрашивали его, как он бежал от коммунистов. Первая радость от встречи прошла. Начали говорить о деле. Дело в том, что, оставляя рождественскими праздниками с. Гулай-Поле, т. Лашкевич вывез с собой 4,5 миллиона общих денег. Его про них спросили. Он замялся, говорит, что я вам расскажу, куда дел их. А тем временем к штабу стали подходить бывшие партизаны-греки и с возмущением рассказывать, какую разгульную жизнь вел Лашкевич, швыряя деньги, как сам хотел, устраивал балы, вечеринки, делал богатые подарки любовницам, платил им по 200 000 за «визит» и так далее.

Была создана комиссия, которая бы расследовала это дело и потребовала у Лашкевича отчет. Расследование и допрос т. Лашкевича показали, что из 4,5 миллионов у него осталось только сто пять тысяч рублей. Сделав отчет, т. Лашкевич пригласил нас всех к себе поесть новое для нас греческое блюдо чир-чири, или чебуреки. Я и Феня пошли. Нестор рано лег спать и отказался. Наши хлопцы тоже отказались. Мы пришли и застали там Старика и Буданова. Познакомились с хозяином, очень симпатичным греком. Выпили по чарке, попробовали чир-чири, которые нам очень понравились, и разошлись. Лашкевич нас провожал до дома и нес тарелку с чебуреками для бабки. У нас дома еще поиграли в «дурачка» и разошлись.

19 марта. Сегодня хлопцы пошли к Лашкевичу за оставшимися деньгами и тут же хотели его арестовать. Однако он показался им таким жалким, что они решили его пока не трогать.

Нестор, Буданов, Петренко и остальные поехали в с. Времевку, которая тут поблизости, провести митинг. На улице было ясно, тепло. Мы все вышли на улицу. Вскоре пришел и Лашкевич. Он подошел сразу к хлопцам. Те холодно с ним поздоровались и неохотно отвечали на его вопросы. Он перешел на эту сторону улицы, к нам. Поздоровался. Спросил, где хлопцы. Пообещал мне достать документ и помочь устроиться с квартирой тут же, в Яниселе. Я поддакивала и давала ему поручения, зная, что этот человек будет через полчаса-час расстрелян. Он

вежливо извинился и отошел от нас. Собрался идти домой. Его позвал Василевский, взял под руку, повел. Его арестовали и приставили патруль. Скоро приехал батька и прочие. В центре собрались люди. Лашкевичу связали руки и вывели на площадь расстреливать. Гаврик, сказавши ему за что, прицелился и взвел курок. Осечка. Второй раз — тоже осечка. Лашкевич бросился удирать. Стоявшие тут же повстанцы дали по нему залп, второй. Он бежит. Тогда погнался за ним Лепетченко и пулями из нагана сбил его. Когда он упал, а Лепетченко подошел, чтобы пустить ему последнюю пулю в голову, он повел глазами на него и сказал: «Зато пожил...»

Через несколько минут привели еще одного повстанца, который быстро разбогател, и тут же на улице расстреляли. После этого был проведен митинг, где пояснили и про казнь этих двоих. Селяне остались довольными. Кое-кто из селян высказался: «Видно, что тут закон есть, вот чужого все-таки не трогай...» Вечером я попросилась с хлопцами и переехала в с. Времевку, где и думаю остаться на некоторое время.

20 марта. Сегодня на новой квартире. Начинаем с Феней оседлую жизнь. Чистимся, моемся, латаемся целый день. Перед обедом вышли погулять. Пошли на речку. Ужасно потянуло к своим. Мелькнула мысль, что они еще в Яниселе. Как-то грустно и тяжело стало на душе...

Вернулись домой. Вдруг смотрим — из-под прошлогодних листьев пробился и расцвел голубенький цветочек, а там второй, третий. Мы на-

чали собирать эти первые весенние цветочки (у нас их называют брандушами) — предвестники скорого тепла и солнышка. Сразу сделалось как-то легче на душе и веселее на сердце. Нарвали цветов, вернулись домой... Сегодняшний день показался очень длинным.

21 марта. Встали поздно. На улице ненастье: ветер и дождь целый день. Немного почитали, немного пописали, потом проговорили час с хозяевами. Выходит, что селяне знают, что я тут осталась.

22 марта. Ненастье. На душе пусто и грустно. Настали для меня тихие, серые, однообразные дни. Полное спокойствие души и тела, как и хотелось.

23 марта. Хорошая погода. Солнышко светит и уже немножко греет. Было бы совсем тепло, если бы не дул страшный ветер. Перед обедом пошли побегали по берегу, погуляли. Нарвали снова цветочков.

Хозяин, у которого мы живем, очень тревожится — сегодня он услышал, что в Павловке стоят коммунисты, которые забирают у селян хлеб и прочее. Янисельцы и времевцы очень встревожены и напуганы этим известием. Не сегодня-завтра нужно и сюда ждать страшных гостей, которые придут грабить добытое тяжелым трудом крестьянское добро. Павловцы послали двух мужиков в погоню за батькой Махно, чтобы пришел со своим отрядом и помог селянам прогнать русских грабителей и насильников.

Учитывая, что Янисель, Времевка и Нескучное знают про то, что я тут осталась и что комму-

нисты быстро могут быть здесь, хозяин советует нам выехать отсюда. На завтра на утро мы это дело и отложили.

24 марта. Сегодня утром выехали одной подводой с села, за селом пересели на другую подводу в направлении Кременчика, дорогою же решили поехать в Успеновку, а потом на хутор Широкий к учительнице Лизе. Так и сделали. Лошадок в подводе было запряжено две, и те худенькие и маленькие, как жеребята. Еле они нас тянули. А дорога трудная, да и неблизкая — верст 40 будет. Заехал наш ездовой к одному хуторянину, своему знакомому, подпряг третью лошадку, и поехали потихоньку. Было облачно, и словно бы собирался дождь, дул холодный ветерок. Ехали часов шесть с лишним. Закутанным в платки, одетым в белые крестьянские кожухи, нам было дорогой тепло и весело. Весело было и оттого, что мы лишились своего боязливого хозяина, который боялся за нас и особенно ночью себе и нам нагонял такой паники, что сон совсем бежал с глаз и ночь оборачивалась в бескрайнюю пытку, пытку страха прихода коммунистов. Весело было и оттого, что мы так хорошо скрыли следы направления, куда поехали, весело было и оттого, что наши кони так плохо бегут, и оттого, что постромок у пристяжной лошадки разорвался, и оттого, что в своих кожухах мы так были похожи на крестьянских тетушек, что нас, наконец, и свои не узнали бы, — словом, от всего нам было весело, и мы почти всю дорогу смеялись. Да и возчик наш был веселый парень, и,

как только мы замолкали, обязательно что-нибудь выкинет и снова рассмешит.

Под самым хутором Широким встретили Лизу, которая ехала в Успеновку. Она перешла на нашу подводу, и мы приехали в школу. На квартире у нее застали кавардак ужасный и холод. Сразу же мы взялись все трое наводить порядок. Эта подметает, та моет, эта топит.. Хорошо, весело стало мне, и я начала скакать, как ребенок. Вечером Лиза выпросила у крестьянок подушки, матрас, мы поужинали, постелились на полу и легли. Говорили часов до 12 ночи. Кое-кто задремал, когда Феня встает и решительно заявляет, что в хате угар и что у нее сильно болит голова. Я тоже поднялась и почувствовала, что и с моей головой не все в порядке. Мы все встали, открыли форточку и дверь, а сами вышли во двор. Погуляв на дворе около часу и проветрив комнату, снова улеглись.

25 марта. Встали часов в десять все здоровые. Только в нашей комнате было очень холодно. Лиза поехала в Успеновку, а мы с Феней начали хозяйничать. После обеда приехала Лиза. В Успеновке говорят, что в Гуляй-Поле махновцы и что в Жеребке коммунисты выгнали селян копать окопы. Целый вечер ждали к себе Павлушу Лепетченко, который обещал вечером прийти, но его не было.

26 марта. Вчера долго с вечера разговаривали и проснулись сегодня часов в 8. На улице тучи, накрапывает дождик, вставать не хочется. Провалились в постели до 10. После обеда начался

дождь. Мы с Феней прибрали в хате, а Лиза все бегаёт по хутору и выпрашивает у селян то хлеба, то ведро для воды, то солому... вечером читали, говорили...

27 марта. Сегодня тоже встали поздно. Распределили работу по дому между собой. Лиза у нас главным образом по продовольственным делам. Феня прибирает в комнатах, а я топлю печь. Позавтракав, мы с Лизой пошли гулять. Вышли на улицу и увидели на холме усадьбу. Пришли, всё там облазили, наломали в садике зеленых веточек, нашли в одном хлеве пару голубиных гнездышек, побывали на всех чердаках, обследовали все комнаты, погреба, садики, словом, — всё, что там было. Домой пришли уставшие, голодные. Застали Феню с тремя молодухами, поговорили про то, про се. Мы с ними немножко посмеялись, одной я погадала на картах, предупредив, что буду врать. Так-сяк пообедали. После обеда у меня сильно разболелась голова. Пролежала до вечера. Вечером возле школы собралась девчата и парни. Сильно жалела, что не могла к ним выйти.

28 марта. Воскресенье. Сегодня воскресенье. Мы были еще в постели, как уже какой-то мальчик принес нам завтрак. Мы встали. Характерно, что все хуторяне едят постно, нам же, зная, что мы едим скоромно, какая-то хозяйка напекла скоромных на яйцах блинов, наварила яиц и прислала. Сели мы завтракать, когда одна молодуха принесла нам свеженьких бубликов. Позавтракав и прибравшись везде, вышли мы

к воротам. К нам подошли парни и мужчины. Поговорили с ними про то, про это. Один мужчина ехал в Успеновку, с ним села и Лиза. Погуляли мы с мужчинами часа два, замерзли и пошли в хату».

Приведенный нами дневник, повторяем, — редкостный документ той лютой поры, а потому присмотримся к его автору.

В то время Галине Андреевне было двадцать три года — совсем молодая женщина. И в откровенных, сугубо личных записях ее смешаны трагические сцены расстрела с любованием цветами или полевой мышкой, что выглянула из норки ранней весной. Иногда кажется, что тут и проглядывает некий обобщенный образ махновщины. Галина Андреевна с присущей ей твердостью отрицала свое участие в каких-либо жестокостях. Возможно, так оно и было. Однако она не могла не видеть всех этих жутких картин и ведь не отворачивалась от них, не убегала от ужаса куда глаза глядят, в особенности — от своего супруга и его свирепых атаманов...

У нас есть удивительная возможность сопоставить данные дневника Галины Кузьменко и другого совпадающего по месту и времени написания документа. В руки красных попали краткие записи одного из начальников маховской контрразведки Л. Голика (никаких подробностей о нем история, к сожалению, не сохранила). Он вел их в блокноте с 8 февраля по 3 мая 1920 года, то есть тогда же, когда и Кузьменко. Заметки суховаты, ибо носят сугубо деловой,

а не дневниковый характер. Мы публикуем ниже отрывок, точно соответствующий по хронологии дневнику супруги Махно, а именно с 19 февраля по 28 марта. Прибавили лишь пару дней, но ради их особого колорита. Сопоставление этих документов совершенно точно подтверждает подлинность описаний обоих.

«19 февраля. На рассвете бросились на Пологи и отбили на платформах 12 орудий, ударили с пулеметов по полку, стоящему по крестьянским хатам. Отняли 10 пулеметов. Все было хорошо, но вдруг подвернулись знакомые. Махно напился, а тем временем подошел бронепоезд и ударил картечью. Мы бежали... Вечером прибыли в Гузаровку, где к нам пристало 20 хлопцев. Тем же вечером выехали на Конские Роздоры и обезоружили 40 красноармейцев: несколько присоединилось, остальных распустили. Стояли три часа, а затем тронулись в Федоровку.

20 февраля. В Воскресенке красные на днях расстреляли 12 махновцев и сожгли 2 хаты. Дерменжи удрал и сегодня с 15 хлопцами прибыл к нам. Говорят, что в Цареконстантиновке много арестованных, надо было бы освободить. Но разве батьке это можно вдолбить? Он настаивает занять Гуляй-Поле и хочет взять деньги. Вышли из Федоровки на Шагарово. Отряд подрастает: имеем 70 конных при 10 пулеметных тачанках.

21 февраля. Налетели на Гуляй-Поле и взяли 500 пленных, два пулемета и несколько снарядов. Красноармейцы переходят на нашу сторону, но штаб из боязни воздержался их принимать.

Из армейской кассы взяли два миллиона денег и раздали повстанцам по 500 рублей, а командирам по 1000. Стояли 3—4 часа. Вдруг из Полог подошла красная конница и вышибла нас из Гуляй-Поля. Савва (Махно. — С. С.), М. Скоромный и Воробьев не успели выбежать: судьба их неизвестна.

22 февраля. Через Успеновку поехали в Дибривку, где встретили Петренко. Бедный, больной, слабый, зарос рыжей бородой. Он плакал и сам рубил двух пленных продармейцев. Днем провели митинг, но махновцы не вступали в отряд, и было видно, что от нас прячутся.

23 февраля. Вечером приехали в Гавриловку, где взяли одного красного инженера и двух продармейцев: их тут же зарубили. Забудько вылез из подполья и с пятью хлопцами пристал к отряду. М. Буданов и Попов митинговали и сами расклеивали листовки.

24 февраля. Из Гуляй-Поля приехали некоторые анархисты и говорят, что красные расстреляли Коростылева. Выехали через Андриановку на Комарь.

25 февраля. Утром выехали в Б. Янисель, где убили одного продкомиссара и двух красноармейцев. Ударили в набат и провели митинг. Греки не хотят воевать. После обеда переехали в Майорское, а затем в Святодуховку. Захватили одного большевика — организатора ревкома. Петренко его зарубил.

26 февраля. В Святодуховке провели митинг. После Махно напился и сдуру разбрасывал крес-

тянам деньги, а в штабе дрался с Каретниковым. Хотел расстрелять Попова за то, что тот ухаживал за Галиной. Его связали и уложили на тачанку.

27 февраля. В 10 часов утра выехали на Туркеневку. По пути встретились с красными и, обстреляв их с пулеметов, ушли в Шагарово. Махно протрезвел и настаивал ехать в Гуляй-Поле. Штаб согласился, и мы ночью выехали на Бочаны. Мы в Башауле. Пришел В. Данилов и Зеленский, говорят, что в Гуляй-Поле большевики производят аресты. Махно торжествует. Он говорит: «А, стервы, не хотели воевать, так и на выручку не пойдем. Пусть сволочей расстреливают».

28, 29 февраля. Стояли в Воздвиженке и митинговали. Здесь на днях 6-й полк расстрелял 8 махновцев, взял заложников и вышел на Гуляй-Поле. Воздвиженцы и рождественцы начинают шевелиться. 20 человек сразу поступило в отряд.

1 марта. В 12 часов вышли на деревню Варваровку. По дороге остановили поезд, в котором обезоружили красную роту. Командиры пришли, они проявили героизм, учинив расправу с пленными. Их было 120 человек во главе с коммунистами, которых крестьяне избивали палками, кололи вилами и расстреливали по одному и группами. Пленные, со связанными назад руками и догола раздетые, расстреливались из пулемета С. Каретниковым, Калашниковым и Поповым. Под вечер мы снова вернулись в село Богатырь. Проезжая мостик, Махно чуть не свалился в реку: испугавшаяся лошадь прыгнула в воду, увлекая с моста тройку. Галина успела вы-

скочить, поташив с тачанки батька. Кучер купался. Тачанка и одна лошадь погибли.

17, 18 марта. В селе Богатырь митинговали и оставили в нем тов. Огаркова для организации отряда. Сами поехали в Б. Янисель. Здесь работал Буданов и скрывался Лашкевич, который транжирил армейские деньги как только хотел. Будучи начгарнизонам Екатеринослава, он получил от буржуазии 5¹/₂ млн. рублей контрибуции и не сдал их в армейскую кассу. Они были пропиты. В течение двух месяцев он сидел в Яниселе, устраивая вечеринки. Когда мы потребовали отчета, он сказал: «Я виноват». Было совещание командиров, которое вынесло Лашкевичу смертный приговор. Мои ребята постановление привели в исполнение: Лашкевич расстрелян и труп его брошен на улице. В селе Времевка расстреляли махновца, который, обогатившись при снабжении в Екатеринославе, сидел дома и не хотел уходить с нами.

23–28 марта. Стояли в селах Всесвятском и Павловском. Здесь разбили 2-ю роту 22-го полка и расстреляли 4-х махновцев, которые не желали с нами уходить.

29 марта — 1 апреля. Проходили Владимировку, Константиновскую и расстреляли 5 махновцев за отказ поступать в отряд.

2 апреля. Заняли село Марьевку и расстреляли председателя ревкома и трех продармейцев, а также одного махновца, ставшего милиционером. Стояли до 8 апреля и митинговали. Бывшие махновцы не хотели вступать к нам в отряд, и Махно на них кричал и ругался».

Долго, с марта по сентябрь, метался Нестор Махно по украинским степям, ускользя от погони, теряя хлопцев в боях с такими же усталыми и разрозненными частями красных. Но «чужих» хлопцев, вроде бы таких же, простых, как они сами, махновцы не жалели.

Приведем отрывки из сводки штаба Украинского фронта за лето 1920 года. Это не только добавление к страшным подробностям, изложенным Голиком и Кузьменко, но и подтверждение их свидетельств с другой, так сказать, стороны:

«5 июня. На станции Зайцево прервана телефонная и телеграфная связь, разграблен поезд, убиты коммунисты.

8 июня. На станции Васильевка взорван железнодорожный мост.

13 июля. На станции Гришино разграблен склад, убиты коммунисты.

26 июля. В Константиноградском уезде за два дня убито 84 коммуниста.

12 августа. В Зинькове убито 20 членов КП(б)У и семь работников сельских и рабочих организаций.

16 августа. В Миргороде разграблены склады, убиты красноармейцы».

Не удавалось теперь Нестору создать на Левобережье своей «Махновии», непрерывно кочевали его отряды, но уже не наступая, а по большей части уклоняясь от боев. В газете «Вольный повстанец» публиковались сводки махновского штаба за лето 1920-го (приведены украинским коммунистом Д. Лебедем в советской печати

еще в 1921 году). Поражает протяженность двух описанных рейдов, один — в 1200 верст, второй — аж в 1500, причем скорость передвижения поразительна, ее можно достичь только на легких тачанках, когда часто меняют лошадей (меняют насильно, отбирая у всех, кто попадает на пути). Но еще более характерно иное: в эту пору Махно уже обходит города и крупные транспортные узлы, а ведь еще совсем недавно легко захватывал их.

Множилась и взаимная жестокость — красные захваченных махновцев тут же пристреливали, те рубили не только командиров и рядовых красноармейцев, но и простых советских служащих, многие из которых никакого отношения к политике не имели. Особенно круто обходились с комбедчиками, в источниках осталось личное распоряжение самого батьки: «Рекомендую немедленно упразднить комитеты незаможных селян, ибо это есть грязь». Да, комбедчики сами были не голубки, тоже за оружие хватались частенько, но важно подчеркнуть иное — кровопролитию, казалось, не предвиделось конца.

С начала осени 1920-го обстановка на Левобережной Украине вдруг вновь резко изменилась. Пользуясь тем, что главные силы красных были отвлечены на советско-польский фронт, остатки белых армий сумели в Крыму укрепиться. Деникин передал власть генералу Врангелю. Тот суровыми мерами навел порядок в расстроенных войсках, которые теперь назывались Русской армией, принял ряд узаконений, несколько смягчавших жесткость действий прежних «добровольцев». Врангель начал наступление в Северной Таврии. Белые, благодаря лучшим боевым качествам, нанесли поражение советским частям, быстро заняли левый берег по нижнему течению Днепра и вышли на рубеж Александровск — Бердянск.

Махно и его атаманы выжидали. Ослабленные полугодовыми преследованиями красных, они рады были передышке и не спешили с решением. Как обычно, при любой благоприятной возможности Нестор держался со своими отрядами вблизи Гуляйполя. Аршинов-Марин утверждал,

что в ставку Махно прибыл некий посланец Врангеля с предложением о сотрудничестве, ибо Русская армия идет исключительно против коммунистов с целью помочь народу избавиться «от коммуны и комиссаров». Письмо якобы подписал начальник штаба Врангеля генерал Шатилов, приводятся дата и место подписания: «18 июня (1 июля) 1920 г., г. Мелитополь». Советский историк М. Кубанин, допущенный в 20-х годах к архивам ГПУ, ссылается на сохранившуюся фотокопию мандата врангелевского офицера на переговорах с Махно. О том же событии свидетельствовала и Галина Кузьменко. Все три источника единодушно утверждают, что несчастного посланца махновцы расстреляли и громогласно возвестили об этом.

Видимо, он действительно побывал в Гуляйполе — более осмотрительная, чем у Деникина, политика врангелевцев подобное соглашение предполагала. К тому же многие бывшие «добровольцы» и казаки по собственному опыту знали боевую силу быстрых тачанок и влияние Нестора Махно на местных селян. Так не разумнее ли приобрести в его лице союзника, нежели врага? Ясно и то, что батько и его соратники не могли пойти на союз с Врангелем: «обновленная» белогвардейщина была для трудящихся столь же неприемлема, как и прежняя, «добровольческая», в те накаленные времена оттенки программ плохо различались.

Связанный духовной близостью с селянством и городскими низами Левобережья, Махно ни-

как не мог принять посулы белогвардейцев, какими бы заманчивыми они ни казались. Учитывая все это, ему было выгодно публично отмежеваться от барона Врангеля, а лучший тут способ — принародно убить посла и потом же похвастаться этим. Способ жестокий и безнравственный, но Махно не первый и не последний, кто прибегал к нему в те времена.

Однако возможность соглашения Махно — Врангель чрезвычайно встревожила третью сторону — советскую. Угроза эта, осуществившись она на деле, серьезно изменила бы всю расстановку сил на Юге России. В августе 1920-го в центральной, а особенно украинской советской печати появились сообщения о тайном союзе махновцев с крымскими белогвардейцами. Верили в Москве таким сведениям или нет, не важно: публикации подобного рода бросали тень на популярного среди украинского селянства батьку.

В середине сентября, после поражения советских армий под Варшавой, врангелевские войска усилили наступление: 19-го они заняли Александровск, а 22-го — узловую станцию Синельниково, поблизости от самого Екатеринослава. Махновцы оказались под угрозой прямого удара, а командование Красной армии могло ожидать в ближайшее время развала всего своего Южного фронта. Эти обстоятельства и предопределили дальнейший ход событий.

Как сообщал осведомленный Я. Яковлев, 20 сентября в ставку Махно прибыл уполномоченный реввоенсовета Южного фронта В. Иванов (кто

он такой, установить не удалось. Возможно, в документах было указано не имя, а кличка). Есть свидетельство, что сам батько проявлял некоторые колебания относительно союза с красными, а С. Каретников и бывший левый эсер Д. Попов прямо выступили против. Но деваться было некуда, махновцы сочли необходимым подписать соглашение с правительством Советской Украины. Сделали это в Харькове виднейшие атаманы В. Куриленко и Д. Попов (сам батько благоразумно оставался в степи со своими верными хлопцами).

По тому договору предусматривались амнистия всем махновцам и анархам, находившимся в советских тюрьмах и лагерях, возможность издания газет, участия анархистских групп на выборах в местные Советы. Главное же состояло в ином — отряд повстанцев включался в состав красных войск, наступавших против Врангеля. С советской стороны соглашение подписали М. Фрунзе, С. Гусев (Драбкин) и бывший венгерский военнопленный Бела Кун. Особо оговаривалось, что махновцы не должны принимать дезертиров из Красной армии в свои ряды (охотников-то находилось немало...).

Положение для советской стороны осложнялось и тем, что на польском фронте Красная армия тоже вынуждена была отступать. По этому поводу в штабе махновцев шли оживленные разговоры, которые выявили различные точки зрения. Постепенно крепло мнение той части штаба, которая стояла за заключение нового согла-

шения с советской властью для общей борьбы против врангелевцев. Последние захватили значительную часть махновского района, включая Гуляйполе. В конце сентября начштаба повстанческой армии В. Белаш по телеграфу связался с Харьковом и предложил правительству советской республики перемирие. Предложение было принято. 29 сентября махновцы как союзники красных вошли в Старобельск, где им устроили торжественную встречу.

К разбросанным по Украине своим отрядам штаб Махно обратился с приказом: «...совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) пришел к заключению, что, оставаясь в настоящее время безучастным зрителем, украинские повстанцы помогли бы воцарению на Украине либо исторического врага — польского пана, либо опять царской власти, возглавляемой германским бароном. Как одно, так и другое смерти подобно для селянства Украины. Учитывая вышесказанное, совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) принял решение — временно до разгрома наследующих внешних врагов и панских наймитов идти в союзе рука об руку с советской Красной Армией; для использования этого постановления совет революционных повстанцев Украины (махновцев) предлагает всем без исключения отдельным группам и отрядам (повстанцев), действующим на Украине:

1) Прекратить всякие враждебные действия против Советвласти и Красной Армии, равно

как и против каких бы то ни было советских учреждений и их работников.

2) Все живые и здоровые силы вольного повстанчества Украины влить в ряды Красной Армии, войдя в подчинение и под командование командиров последней...

Совет революционно-повстанческой армии Украины (махновцев) признал, что повстанцы, оставшиеся после прочтения настоящего извещения пассивными или продолжающие враждебные действия или нападения на советских работников и чинов Красной Армии, будут считаться как изменники повстанческому делу...»

16 октября в Харькове были подписаны условия предварительного военно-политического соглашения между правительством УССР и революционно-повстанческой армией. В тот же день махновцы прибыли на фронт, где должны были действовать против частей армии генерала А. П. Кутепова, авангарда врангелевских войск.

В ту же пору в Харькове начала издаваться газета «Голос махновца», красные части перестали теснить отряды батькиных атаманов, но главное — после 16 октября в Северную Таврию выступил сильный и хорошо вооруженный по тем временам отряд Махно. Он находился под командованием старого друга батьки Каретника и состоял из конного подразделения во главе с другим его верным сподвижником Марченко, а также пехотно-пулеметной группы на тачанках — всего, как свидетельствовали очевидцы, около 3500 бойцов. Махно, естественно, вместе

с советскими частями не пошел. Сообщили красным: болеет, мол, батько...

И красные, и махновцы понимали, что соглашение их — до поры. Последние с присущей им политической простотой об этом заявили откровенно. В своей походной газете «Путь к свободе» Нестор Махно без обиняков напечатал 13 октября: «Вокруг перемирия создались какие-то недо-разумения, неясности, неточности; говорят о том, что, мол, Махно раскаялся в прежних действиях, признал Советскую власть и т. д. Мы всегда были и будем идейными непримиримыми врагами партии коммунистов-большевиков», а потому не следует путать «военный контакт» с «признанием Советской власти, чего не могло быть и не будет». Ясно, что советская разведка быстрехонько доложила об этом Троцкому, а он и его ближайшее окружение стали дожидаться подходящего часа, чтобы расправиться с непокорным батькой. Вскоре этот час настал.

Партийные власти Украины загодя приняли соответствующие решения, опередив простых махновцев, более склонных к рубке, нежели к политическим интригам. Цитируем примечательный документ:

«ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ
ПОЛИТБЮРО ЦК КП(б) УКРАИНЫ
29 сентября 1920 г.

Слушали: О переговорах с Махно.

Постановили:

а) Поручить Оргбюро совместно с Реввоенсоветом Юго-Западного фронта Манцевым и За-

кордотом наметить представителя при Махно.

б) Дать подпольной организации директивы оказывать содействие Махно, обращая главное внимание на усиление в его отрядах дисциплины, революционной спайки.

в) Наши отряды, не вливаясь в отряды Махно, входят по мере надобности в оперативный контакт.

г) Сформулировать директивы поручить т. Косиору.

д) Соглашения не оглашать, ограничиваясь сообщением после перехода Махно в тыл Врангеля.

е) Против освобождения анархистов принципиально не возражать, что поручить т. Манцеву.
Секретарь ЦК С. Косиор».

Коротко и откровенно: нож за голенищем. Поясним: Станислав Косиор был с мая 1919 по декабрь 1920 года главой украинских коммунистов, а В. Н. Манцев — с конца 1919-го руководителем ВЧК Украины, «Закордот» — это закордонный (заграничный) отдел ВЧК. Добавим, Косиор и Манцев дни свои закончили до срока...

В последних числах октября Красная армия (вместе с махновским отрядом) выбила врангелевские войска из Северной Таврии. Готовился решающий штурм крымских перешейков. 5 ноября командующий Южным фронтом М. В. Фрунзе отдал приказ, согласно которому махновцы должны были наступать в составе 6-й советской армии. Те выполнили приказ и успешно перешли холодный Сиваш, а потом устремились в Крым.

Следует признать, что махновцы проявили достаточно воинское умение и боевой дух.

За ними пристально наблюдали. Можно было без труда заметить, как махновские хлопцы частенько пополняли свои седельные сумки или тачанки барахлишком из богатейших крымских дворцов. Это охотно смаковалось потом в советской печати, однако не стоит забывать, что красные кавалеристы тоже порой подобным не брезговали.

Советскому военно-политическому руководству представился удобный случай нанести сокрушающий удар по неуловимым отрядам батьки. Уже 23 ноября (недели не прошло после занятия Крыма!) Фрунзе отдал приказ включить «все части армии Махно в состав 4-й армии», что означало, по сути, их расформирование. Правда, было добавлено, что советское командование «до 26 ноября будет ждать ответа от т. Махно». Из Гуляйполя ответа к указанному сроку не поступило (да и неизвестно, попал ли туда приказ и отсылался ли он вообще), а махновские командиры отказались выполнять самоубийственное для них решение, зная, что их ожидает потом...

Они не ошибались. В день подписания приказа, 23 ноября, Фрунзе дал телеграмму В. И. Ленину. С откровенностью, которую вполне можно назвать циничной, командующий заверял главу Советского государства, что уничтожение недавних братьев по оружию вполне разработано и пройдет успешно. Вот текст этого примечательного документа, который подтверждает,

к сожалению, что по степени коварства тогдашние коммунисты далеко превосходили всех своих противников.

«В ночь с 25-го на 26-е должна начаться ликвидация остатков партизанщины. Одновременно с настоящей телеграммой мной высылается подготовительный приказ. Включенный в его текст приказ командарму Повстанческой будет передан последнему вечером 25 ноября. В общем, работа начинается ранее намеченного мной срока (29—30 ноября). К этому времени я рассчитывал такую группировку сил, которая обеспечила бы сокрушающий удар, к сожалению, с одной стороны, под давлением из Харькова, с другой — самой обстановкой операция развертывается раньше. Полагаю, что и при этих условиях она все же должна оказаться успешной.

Все инструкции начотрядам мною даны лично в Мелитополе и Синельникове. Для исключения подозрений начальнику тыла 4-й армии приказал принять ряд необходимых мер.

Командюж Фрунзе».

Тогда же Фрунзе и член Реввоенсовета Гусев подписали приказ по Южному фронту: «Войскам фронта считать Махно и его отряды врагами Советской республики и революции». Посему предписывалось махновцев разоружить или уничтожить, а далее — «очистить территорию УССР от бандитизма». Это было объявление войны всему махновскому движению, причем довольно вероломное — только что ведь сражались рука об руку.

Махновцы были окружены и в ночь на 27 ноября внезапно атакованы и разгромлены. Каретника убили в бою. Тогда же в Харькове арестовали и вскоре расстреляли представителей батьки. Однако далеко не всех махновцев удалось истребить в Крыму. Отдельные группы конницы и тачанок во главе с Марченко сумели 7 декабря прорваться через Перекоп, теперь уже в обратном направлении, и уйти в степь. Вскоре они прибыли в ставку батьки. «Махно был угрюм, — описывал позже Аршинов-Марин. — Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его».

Советское командование, явно недооценивая военные возможности Махно, а главное — его влияние в крае, решило одним крупным наступлением навести наконец здесь «порядок». И опять ставка делалась только на силу. План предусматривал сосредоточение крупных соединений, включая части Первой конной, и наступление с трех сторон на район Гуляйполя. Однако он не учитывал, что умелые и боевые партизаны легко ускользают от подобных, рассчитанных штабными теоретиками операций, весьма расточительных и только подрывающих силы и боевой дух самих атакующих.

Так и произошло. В середине декабря громоздкое наступление началось. На бумаге предполагалось окружить Махно, прижать его к Азовскому морю и уничтожить. Очень красиво, надо полагать, это выглядело на штабных картах! Однако махновцы, действуя, как всегда, быстро и смело,

прорвали в нескольких местах неповоротливую цепь неприятеля и ушли, затерялись на зимних степных дорогах. Более того, неудавшаяся операция вызвала раздражение у многих красноармейцев, в большинстве своем состоявших из сыновей русских и украинских крестьян, которые тоже страдали от продразверстки, как отцы и матери махновских хлопцев. Усилилось дезертирство в советских войсках, а целая часть Первой конной во главе с Маслаковым (или Маслаком) взбунтовалась и тоже ушла в степи: к Махно они не пристали, но с Советами воевали полгода.

Стычки между махновцами и советскими частями продолжались и в начале 1921 года. Война приняла затяжной, исключительно кровавый характер. Обе стороны несли потери, порой весьма значительные. Так, 3 января махновцы совершили быстрый марш от Умани к Днепру, чтобы перейти замерзшую реку и скрыться от преследования красных войск в Чернолесье. И вдруг, неожиданно для самих себя, они настигли преследователей: авангард махновцев налетел на группу красных конников. Среди них на тачанке ехал знаменитый начдив Первой конной Александр Пархоменко — его и красноармейцев конвоя постреляли или зарубили шашками. Вряд ли махновские хлопцы знали тогда, какого героя Гражданской войны прикончили.

Многие атаманы тоже погибли в бою или попали в плен (то есть все равно погибли, но не в горячке сражения, а в чекистском подвале).

Сам батько 14 марта получил тяжелое ранение разрывной пулей в ногу. С тех пор он до конца жизни сильно хромотал. Весенняя распутица на время прекратила все эти передвижения и стычки.

Меж тем весна 1921 года обещала стать весьма примечательной — Ленин публично отказался от политики «военного коммунизма», гражданам Советской России были возвращены основные хозяйственные свободы и кое-какие гражданские. Еще повсюду свирепствовали бессудные чекистские казни, но все же некая надежда забрезжила над измученной и истерзанной Россией.

Это очень важно иметь в виду при разговоре о последних днях махновщины. Сила и выносливость отдельного человека, общественной группы или даже целого народа имеет свой предел. Так вот, к началу 1921-го, после четырех лет бесконечных потрясений, бесчисленных перемен власти, после митинговых страстей и демагогического краснобайства, после лживых декретов, деклараций, программ и узаконений, у каждого человека и у народа в целом все крепче становилось одно естественное желание — дайте же нам покой! Какой угодно! Не мучьте, не насилуйте нас больше!..

Ленин плохо знал народную жизнь, половину взрослого своего бытия провел вне России, интересы подлинных рабочих и крестьян представлял себе сугубо умозрительно, смотрел на них через искаженные марксистские очки. Однако чутьем, инстинктом выдающегося политика он, безус-

ловно, обладал, что доказал и на II съезде своей тогда еще слабенькой партии, и в апреле 1917-го, и в дни заключения Брестского мира, но главное, весной того самого 1921-го. Он понял (видимо, почувствовал): кто даст народу передышку, покой и отдых хоть на несколько лет, за тем и пойдет изнуренная Россия. Он круто повернул руль и выиграл как политический лидер: коммунисты-догматики резко протестовали, но дело их было обречено, — политика важнее теории.

Конечно, люди уже давно с сомнением относились к обещаниям, поэтому новые декреты поначалу не спешили принять на веру. Но повседневная реальность вроде бы потихоньку подтверждала их истинность.

Посыпались многочисленные амнистии — и из Центра, и от всевозможных местных властей. Вот одна, пожалуй, важная для данного сюжета: V Всеукраинский съезд Советов объявил «амнистию-прощение бандитам, которые добровольно явятся до 15 апреля 1921 года». Потом срок помилования продлили до 15 мая, потом еще и еще. Обо всем этом широко оповещала местная печать.

Действительно, то один, то другой хлопец возвращался в родную хату, и вроде бы ничего. А ведь сколь многим хотелось домой, к мирному труду! Опять же, подчеркнем, многим, но не всем, и это важно иметь в виду при осмыслении последних дней махновщины.

За время многолетних войн накапливается огромное и неистребимое племя вояк, для которых

нет иной жизни, кроме ратной. Им, как гениально выразился Пушкин, «и чужая головушка полушка, и своя шейка копейка». За годы бесконечных насилий, что тянулись в России с 1914-го, а по сути — с 1905-го, родился целый слой таких кондотьеров. Недаром еще триста лет назад, в пору страшной гражданской войны в средневековой Германии, сказано было, как припечатано: «Война кормит войну».

С поздней весны 1921-го к Махно стекалось множество подобных вояк. И тут он сделал однуединственную, пожалуй, военно-политическую ошибку. Не учел того, что теперь политика стала заменять силу, не почувствовал громадной усталости украинского селянства и решил, переоценив свои возможности, пойти штурмом на тогдашнюю столицу Советской Украины — Харьков.

Операция эта, проведенная в середине мая 1921-го, закончилась полной неудачей. (К сожалению, никаких подробностей о ней в источниках не сохранилось.) Дальше — больше. На Полтавщине, в лесистой пойме реки Сулы, махновцы были врасплох застигнуты красными частями и потерпели сокрушительное поражение, случилось это в последних числах июля. Не единожды Нестор Иванович проигрывал, однако каждый раз его войско пополнялось новыми силами. Теперь приток этих сил иссяк. Селяне устали, хлопцы разбегались по хатам. По словам осведомленного в таких делах Д. Лебеда, к осени 1921-го (то есть в основном за летние месяцы) сдалось в общей сложности 30 махновских

командиров и 2443 рядовых. Это очень много. И можно с уверенностью предположить, что «неучтенных» махновцев, бросивших оружие, было не меньше, если не больше. Окружали теперь батьку кучка старых сподвижников да те отчаянные молодцы, которым было нечего ждать и нечего терять.

В 1926 году некий Э. Эсбах, видимо из бывших российских штабных офицеров, опубликовал в специальном военном журнале краткую статью о «последних днях махновщины на Украине», где приведена обстоятельная и по-военному точная схема передвижений Махно и его поредевшей «армии» летом 1921-го. Схема эта впечатляет. Где только не побывали запыленные тачанки Нестора Махно в ту пору! Ну ладно, Украина, но ведь и далее залетали махновцы — в область Войска Донского, которую исколесили изрядно, до Волги добрались! И нигде уже надолго задержаться не смогли, силы таяли, а пополнений становилось все меньше, все меньше...

Известно по сводкам советских военных архивов, что предельно далеко от родной Екатеринославщины Махно находился в августе 1921-го — сперва в районе Хопра (среднее течение Дона), а потом наведался даже в Нижнее Поволжье. Силы у некогда грозного батьки оказались уже ничтожны: по данным советской разведки на 25 июля, в его отряде числилось «150 сабель» при нескольких пулеметах... и это после десятков тысяч конных и пеших войск, артиллерии и многого, многого иного. Итог выразителен, но закономерен.

Нестор Махно пережил махновщину, тем более свою «Махновию». О том, что от него разбегались партизаны, молодые крестьянские хлебоборбы, уже говорилось открыто, как и о том, что к нему стал стекаться всякий сброд. Увы, это правда. И тут опять вспомним «Тихий Дон». В заключительных главах романа описан Чумаков, сподвижник бандита (или повстанца — теперь как угодно можно называть) Якова Фомина. Этот самый Чумаков — лихой казак и опытный вояка; он с дикарской простотой как-то сказал о себе: «Такая уж у меня должность — убивать людей...» Он не кокетничает и не паясничает, просто-напросто убивает людей, что доставляет ему, пожалуй, единственную в жизни радость, — Чумаков не пьет, не насилует женщин, не копит награбленное, лишен честолюбия... Но, убивая, он, видимо, ощущает себя вершителем судеб людских, как раньше бы высказались — человекобогом.

И вот итог развития образа: отряд Фомина разбит, все погибли, спастись чудом удалось одному Чумакову. Он в лесу, где, скрываясь, живут дезертиры. Его знают, готовы принять. Казалось бы, после стольких скитаний с постоянным риском для жизни — ну почему не остаться, не передохнуть? Нет, переночевав в теплой землянке, он поутру уходит в опасную неизвестность, а перед расставанием объявляет опять же безо всякой позы: «Пойду легкую жизнь шукать... Дуже скучно тут у вас...» И ушел. Хотя прекрасно понимал, что «шукать» ему долго не придется, на-

стигнет его где-то пуля, и хорошо еще если в степи, а не в чекистском подвале.

Тут необходимо сказать несколько слов об авторе знаменитого романа. И как ни странно, именно в связи с героем нашей книги. Распространено чудовищное количество всяких слухов и выдумок о Шолохове. И сколько ни опровергают их серьезные специалисты, они по-прежнему в ходу. Скажем лишь об одном таком случае. Якобы Махно взял в плен бойца продовольственного отряда Мишу Шолохова и велел было его расстрелять, но потом-де смилостивился и отпустил молодого паренька... Нам уже неоднократно доводилось объяснять в печати и по телевидению, что это полный вздор. Совершенно точно известно: отряды Махно не появлялись на Верхнем Дону, где проживал тогда с родителями подросток Шолохов, так что «встретиться» они никак не могли. Далее: ни в продотрядах, ни в частях ЧОН пятнадцатилетний в ту пору Михаил не состоял, теперь это точно выяснено. Повторим доводы еще раз, хотя полагаем, что легенда пока не умрет...

Увы, любовь народная изменчива и недолговечна. Теперь, летом 1921 года, земля горела под ногами знаменитого батьки Махно и немногих оставшихся с ним бойцов. Украинские селяне, которые в годы кровавой войны всячески поддерживали его и охотно отдавали в отряды повстанцев своих сыновей, теперь прятались при их появлении, а сыновьям грозили смертными карами, если они уйдут с Махно. Понятно, к вечеру отряд покинет село, наутро появятся красные конники с чекистами, начнут скорую расправу, хорошо еще, если только хату сожгут... А Махно ищи-свищи в широкой степи.

О последних неделях пребывания Махно и махновцев на Украине почти ничего достоверного не известно. По скудным, но безусловно точным сведениям, его в это время окружали именно «чумаковы». Последнее и наложило на всю историю махновского движения и в особенности на образ его вожака неприятную тень. И еще, из всех старых сподвижников около перераненного батьки остался только Левка Задов. Он

и ушел с Махно за кордон, но уже в 1924-м вдруг возвратился в СССР. Был он еще молод — лет тридцати. Вот тут и начинается самое любопытное: махновского «обер-палача» не только не казнили, но даже взяли на штатную должность в Одесское ГПУ. Там он и прослужил до конца 30-х, когда в советских верхах, в том числе и чекистских, принялись убивать всех без разбора. Однако сын Левки Задова Леонид, носивший подлинную фамилию отца — Зиньковский, стал офицером Советской армии и после войны вышел в отставку в звании полковника танковых войск. Никаких данных нет, но можно предположить, что Задов был «внедрен» к Махно «органами» еще в самом начале махновского движения... Ныне, как сообщалось в печати, Лев Задов тоже реабилитирован, а сын недавно издал книгу о том, какой хороший человек был его отец...

В середине лета стало ясно: долго гулять Махно и остаткам его войска не придется. Как всегда, Нестор Иванович не колебался в принятии крутых решений. 13 августа, ведя с собой лишь сотню своих хлопцев, он из родных мест направился к Днепру, а через три дня около Кременчуга переправился через реку на лодках. Даже лошадей сумели перевести, однако много оружия и имущества бросили. Здесь их накрыли красные, учинили запоздалую стрельбу, Махно вновь получил ранение, правда легкое. 19 августа на реке Ингулец махновцев опять нагнала красная кавалерия, удалось отбить атаку, оторваться от

преследования, но путь оставался теперь один — за кордон. Иначе — гибель.

Преследуемые по пятам, махновцы отходили к румынской границе. 22 августа Махно получает новое пулевое ранение — в затылок, скользящее, но довольно болезненное. Его кое-как вынесли из боя. 26-го в стычке с красными уцелевшая махновская сотня опять понесла потери, однако Махно вновь ускользает от преследования. Круто поменяв маршрут, 28 августа переходит Днестр — в Румынию.

Здесь открывается совершенно новая глава в судьбе Нестора Махно и его молодой супруги.

Отряд Махно румыны разоружили, а популярного батьку поспешили изолировать (в боярской Румынии крестьяне тоже не прочь были взбунтоваться. Знаменитого народного вожака власти очень опасались). Но Махно нельзя удержать в клетке, даже если она относительно просторная. Истомленный и израненный, он организует побег, да еще какой! В русской эмигрантской печати сохранилось его красочное описание, цитируем с некоторыми сокращениями:

«Из Бухареста Махно с женой и 17 товарищами в ночь на 3 апреля 1922 года бежал на автомобиле. Потом захватили четыре пароконных подводы, прогнав крестьян. Скрылись в лесу от погони. Одну лошадь освежевали и съели у костра. Жандармы окружили их, один из махновцев выстрелил мимо, остальные сдались. На допросе Махно заявил, что пытался бежать на Украину, желая стать во главе его реорганизованного от-

ряда для новой борьбы против большевиков. Махно выразил сожаление, что предприятие не удалось».

Так ли все было или не совсем, проверить нельзя, других источников пока нет. Отметим для полноты картины, что Галина Андреевна была тогда уже беременна. Как она пережила это жуткое бегство, остается только воображать... Можно с уверенностью предположить, что Левка Задов, единственный из более или менее известных сподвижников Махно, перешедших с ним за кордон, в данном предприятии не участвовал.

Разумеется, советское правительство не могло обойти своим пристальным вниманием лихого повстанческого атамана даже после его перехода за границу и разоружения. Мало ли что вздумает он потом выкинуть... Уж они-то Махно знали хорошо! Вот почему в Москве был составлен в высшей степени интересный для нашего сюжета документ, лишь недавно извлеченный из секретнейших архивов. Публикуем его с сокращениями общих мест, характерных для бумаг того рода.

«НОТА ПРАВИТЕЛЬСТВА УССР
ПРАВИТЕЛЬСТВУ РУМУНИИ
11 НОЯБРЯ 1921 г.

...Мы ждем от вас подтверждения прибытия Махно в Румынию, чтобы предпринять юридические шаги по его поводу. Российское и Украинское правительства готовы будут представить Румынскому правительству документальные данные и даже фотографии.

Только юридические проволочки Румынского правительства в вопросе о бандите Махно, поднятом нами, заставили нас рассмотреть в целом позицию Румынии по отношению к ее международным обязательствам.

...Позиция Румынского правительства по отношению к бандиту Махно приобретает для нас особую важность в связи с документальными данными, полученными нами относительно тех приемов Махно, которые показывают, что со времени своего отступления в Румынию (он) подготавливает одновременно с Петлюрой новые наступления своих банд, состоящих из уголовных преступников, против Украинской республики. Документальные сведения... показывают, что Одесса назначена базой действий Махно для совершения им своих преступных грабежей... Все это находится в связи с планами, которые вырабатываются петлюровскими партизанами на румынской и бессарабской территории.

...Эти действия украинских белогвардейцев в Румынии и Бессарабии заставляют нас обратить более серьезное внимание на бандитов общеуголовного характера как Махно, который мог бы воспользоваться этими обстоятельствами для того, чтобы затеять новые преступления против мирного украинского населения. Российское и Украинское правительства поэтому считают позицию, которую займет в этом вопросе Румынское правительство, крайне важной для характеристики отношений между Россией и Украиной с одной стороны и Румынией с другой».

Боярская, глубоко реакционная в ту пору Румыния была любимым дитятей хищного Версальского мира — свою территорию и население она увеличила тогда в два с лишним раза. За счет соседей, разумеется, в том числе и Советской России, от которой румыны, пользуясь нашей тогдашней военной слабостью, отторгли Бессарабию. Советское правительство не признавало этот захват и протестовало, но тщетно. Только в 1940 году Бессарабия вновь отошла к СССР, а тогда даже дипломатических отношений между странами не существовало. Данная нота была направлена «просто так». Тем не менее тон документа весьма решительный...

Нестор Иванович Махно всю жизнь скитался у себя на родине, такая же судьба ожидала его и за рубежом.

Об этом снова рассказ Галины Андреевны, но записанный не на пленку, а по памяти, конспективно. К сожалению, так получилось по некоторым бытовым обстоятельствам. Вот почему излагаю его своими словами, однако за суть и смысл ручаюсь.

Махно, Галине Андреевне и, напоминая, «нескольким товарищам» (число их, конечно же, сокращалось) удалось убежать из Румынии в Польшу, где внутренняя обстановка была весьма острой: советское правительство после проигранной войны 1920-го отдало полякам громадные пространства, исконно населенные украинцами. В Варшаве правили в то время польские националисты, и нетрудно догадаться, какие

чувства испытывали к новоявленной столице украинские селяне. Поляки (точнее, их правители) отлично понимали, какого опасного для себя противника они изловили: Махно, его хлопцев и молодую жену, находящуюся на последних месяцах беременности, заключили в концлагерь (бледную копию уже созданных тогда советских Соловков. — С. С.).

Здесь Махно (или некто из его окружения) связался как-то с советскими спецслужбами при посольстве СССР в Варшаве. Больше об этом ничего достоверного не известно, однако Галина Кузьменко твердо запомнила следующее: ее, как беременную, легко выпускали из лагеря «на волю». Конечно, обыскивали при этом, но Махно писал краткие послания на кусочке ткани, а она зашивала их в подкладку платья и выносила за проволоку, кому-то передавала. Ясно, что польская контрразведка это заметила, Галину Андреевну, Махно, кого-то еще арестовали и поместили в варшавскую тюрьму.

Обвинение звучало весьма грозно: попытка заговора против польского государства — якобы Махно обещал поднять восстание украинских селян против Польши. А поскольку те варшавское националистическое правительство ненавидели, у Нестора Махно шансы на успех имелись.

И вот в тюрьме, где порядки оставались куда мягче, чем в тогдашних советских заведениях того же рода или тем паче в позднейшей Воркуте, Галина Андреевна произвела на свет единственную дочь Елену. Произошло это 30 октября 1922 года.

Дальше опять придется довериться сообщениям эмигрантской печати (польские источники того времени нам пока неизвестны). Очень осведомленная русская газета «Сегодня», издававшаяся в Риге, в номере от 1 декабря 1923 года передавала подробности процесса над Махно в Варшаве. 27 ноября предстали перед судом Нестор Иванович, его супруга и двое оставшихся с батюшкой махновцев — Хмара и Домешенко (кто они такие, мы не знаем). В обвинительном акте утверждалось, что Кузьменко связалась с советской миссией и передала письмо Махно с обещаниями поднять восстание украинских селян в Галиции. Письмо попало в руки контрразведки (второе бюро польского Генерального штаба. — С. С.). На процессе Махно говорил по-русски, но сказал, что он украинец и в 1910-м был приговорен Одесским военно-окружным судом к смертной казни, имеет ребенка.

Через пять дней, 6 декабря та же газета опубликовала информацию под заголовком: «Сенсационный процесс. Письмо из Варшавы». Не приводя подробностей, корреспондент подытожил: суд признал обвинение «фантастичным» и постановил освободить всех обвиняемых из-под стражи. После процесса польские власти выслали Махно и его жену в Восточную Пруссию. Галине Кузьменко с грудным младенцем удалось через Берлин как-то пробиться в Париж (по-видимому, помогли старые анархистские связи мужа), но самого Махно местные власти посадили в тюремную крепость в городе Данциге (ныне польский Гданьск).

Позже на Западе писали, что Махно якобы предъявили обвинение в преследовании немецких колонистов на Украине в годы Гражданской войны.

Итак, двадцатисемилетняя Галина Кузьменко оказалась в Париже без всяких средств к существованию. Заметим, что в ту пору русских эмигрантов (любых политических оттенков) встречали на Западе равнодушно или даже враждебно. Им не выдавали гражданских документов и не предоставляли права на труд. Конечно, состоятельные люди устраивались, но их было немного, а куда деваться полунищей беженке с Украины? Чуть-чуть, по ее словам, помогали местные анархи, но они и сами были куда как небогаты.

Через некоторое время в Париж перебрался и Нестор Махно. Было тогда ему только тридцать пять, но за плечами — каторга, три ранения, тюрьмы в чужих странах и бесконечное нервное и физическое изнурение. Как он выбрался из данцигской крепости, не ясно, Галина Андреевна кратко сообщила лишь (муж — по законам революционной конспирации — о подробностях ей, очевидно, не рассказывал), что побег был классическим, «будто в книгах»: простыня, разорванная на веревки, перепиленная решетка и что-то еще в том же роде.

Теперь два слова о западных источниках, проливающих свет на эмигрантскую жизнь Нестора и Галины. Летом 1990-го со мной связался работавший в московских архивах профессор из

Дюссельдорфского университета Дитмар Дальман. Оказалось, он уже давно изучает махновское движение и в 1986-м издал о нем книгу (в русском переводе «Земля и свобода»). Книгу я вскоре получил и прочел, очень позавидовал немецкому коллеге: многие источники (пресса, в том числе махновская, воспоминания, труды западных историков и т. п.) мне были по-прежнему недоступны. С душевной болью читал я перечисление полдюжины исследований о Махно, вышедших на Западе с 1969 по 1982-й — Париж, Лондон, Милан...

Уважаемый коллега Дальман сообщил некоторые, неизвестные мне до тех пор, подробности эмигрантской судьбы Нестора. Во Францию он прибыл из Данцига «в середине июля 1924 года». Вскоре с помощью Волина и другого именитого анархиста, выходца из России, Александра Беркмана связался с анархами Запада и даже Латинской Америки. Аршинов-Марин составил от имени Махно текст «Организационной платформы», где повторяется все знакомое и давнее: революция... классовая борьба... Читателю изложение этого и подобных «манифестов» покажется очень скучным.

В заключение хочу выразить благодарность немецкому коллеге за его столь нужный и полезный для меня труд, а также за то, что он неоднократно ссылается на мою давнюю статью.

Остановимся еще на одной западной публикации. Впрочем, «западная» она лишь отчасти: автор ее — бывший советский гражданин П. Лит-

винов, внук известного ленинско-сталинского наркома. Свою пространную статью о Махно он опубликовал в Голландии в 1987 году (Международное обозрение социальной истории, т. 32). Меня он назвал «официальным историком» (вот уж непонятно почему!) и, естественно, оспорил некоторые положения моей давней работы. Пусть, но статья-то оказалась куда как слаба, и не потому даже, что новых интересных материалов не содержит, — она отмечена какой-то исторической апологией Махно и его «движения». Даже Аршинов-Марин писал о своем соратнике сдержаннее. Есть и ошибки, даже комичные. Например, он толкует о «борьбе с Врангелем» в «конце января — начале февраля 1920 года», хотя даже из учебников известно, что тогда во главе белых оставался еще Деникин, а Врангель пребывал в Константинополе. Ну, ладно уж... Главное в ином — Литвинов, не стесняясь, пишет, что в разгроме Деникина, а потом и Врангеля заслуга Махно «была решающей». Утверждение, согласитесь, все-таки абсурдное.

...Поселились Нестор с Галиной и крошечной Леной в Париже. Французского они, разумеется, не знали, профессий не имели (преподавать украинский язык тут было некому, а для работы учительницей русского языка Галине Андреевне требовалось представить диплом — она же, напомним, очень рано покинула Университет Святого Владимира, ныне Киевский). И началась мученическая жизнь, как у великого множества иных российских эмигрантов, а насчи-

тывалось их к 20-м годам, ни много ни мало, около двух миллионов — целая европейская страна! Однако это были пустяки в сравнении с теми страданиями, которые впоследствии пришлось испытать жене и дочери Махно на своей родине.

А пока чем-то помогали местные организации анархов — русских, французских, даже американских, подлинных, так сказать принципиальных, интернационалистов. Об этих связях Галина Андреевна говорила очень скупно, что понятно — беседы наши шли в 68-м году. Время не либеральное, а она, повторяем, не была реабилитирована, потому, естественно, находилась под «наблюдением». Однако косвенно о них можно судить по ее подробному рассказу о деле и судьбе бывшего российского гражданина Шварцбарда. Напомним эту когда-то очень громкую историю.

25 мая 1926 года в Париже на улице этот российский еврей-эмигрант застрелил Симона Петлюру, бывшего предводителя украинских националистов, считая его главным виновником еврейских погромов на Украине. В Советской Энциклопедии 1931 года издания он назван «еврейским националистом». Галина Андреевна рассказала же мне вот что:

— Убийца Петлюры Шварцбард был анархист и знаком с Махно, болел туберкулезом, часовых дел мастер. Он входил в еврейскую анархистскую группу, собирались по праздникам в кафе, Махно и я это кафе посещали, там же и познако-

мились с ним. Он был из русских евреев и хорошо говорил по-русски. После убийства еврейская общественность, даже не анархистская, ему очень помогла. Защищал его знаменитый адвокат Торез (он, кстати, помогал мне уладить конфликты с французской полицией). После оправдания он вернулся к профессии часовщика. Махно все это не понравилось, он говорил, что сам Петлюра, безусловно, не был погромщиком, а если его отряды этим и занимались, то сам Петлюра это вряд ли бы одобрил. Махно писал об этом либо в «Деле труда», либо в «Рассвете» (анархистские издания в Париже. — С. С.). Знакомы они лично не были, Махно не любил Петлюру. До войны Шварцбард дожил, дальнейшая судьба его мне неизвестна.

Нестор и Галина жили во Франции очень бедно, подрабатывали как могли. Нестор Махно был и декоратором на киностудии, и сапожником, даже плел из разноцветных веревок модные тогда в Париже домашние тапочки. Ну, выпустил небольшую книжку своих воспоминаний (написанных, видимо, под диктовку «дяди Волина»), однако ни денег, ни славы не приобрел. Не говорила мне прямо Галина Андреевна, даже не намекала, но имею основания предполагать, что семья их распалась. Жили они врозь, Елена воспитывалась в семьях знакомых анархов, училась во французской школе, украинского языка не знала вовсе, русский быстро забыла.

Галина Андреевна тоже пыталась как-то устроиться. Перепробовала множество занятий, нигде

закрепиться не удалось, перебивалась кое-как (все это я передаю с ее слов). Только раз ей ненадолго повезло — с марта по октябрь 1928 года она работала в «Союзе украинских граждан во Франции», небольшой организации левого толка. Пытались издавать газету на украинском языке. Работа очень нравилась Галине Андреевне, она неоднократно возвращалась в своих воспоминаниях к этому сюжету: видно, в печальном свитке ее жизни это были едва ли не лучшие строки. Однако французская полиция, которая очень ревниво относилась к русским эмигрантским организациям, вскоре закрыла этот «Союз».

Связи с родиной у них почти не было. Махновское движение никаких жизнеспособных ростков на Украине не оставило. Один из видных атаманов, Лепетченко, в 20-х годах мирно торговал мороженым. О Задове уже говорилось. Теперь о третьем уцелевшем командире Махно — Викторе Белаше. Из него, видимо, выудили в ГПУ все нужные данные (агентура — вещь бесценная для подобных учреждений!), а потом до времени отпустили.

В тюрьме Белаш написал мемуары об истории махновского движения. Объемистый этот труд опубликован лишь частично (*Белаш В. Ф. Воспоминания о гражданской войне. Харьков, 1930*). До сих пор важное свидетельство ближайшего сподвижника Махно у нас плохо использовано и недостаточно оценено. Как я слышал, на Украине готовится полное издание этого весьма примечательного исторического источника.

...Минули годы, десятилетия. И вот в Москве в 1976 году, прочитав мою статью, пришел ко мне сын Белаша — Александр Викторович, рассказал: отец был 1893 года рождения, после окончания Гражданской переехал на Кубань, в 30-х годах проживал в Краснодаре, работал механиком при мастерской союза охотников, там его арестовали и 30 декабря 37-го приговорили к расстрелу. 29 апреля 1976 года Белаша Виктора Федоровича посмертно оправдали «за отсутствием состава преступления». В 1991 году Александр Викторович скончался в Киеве, не успев, к сожалению, завершить подготовку к изданию записок отца.

Что касается Галины Андреевны, отца ее еще в 1919-м расстреляли красные. Полон драматизма рассказ об этом:

— Летом 1919 года расстреляли моего отца (Махно тогда объявили «вне закона». — С. С.), мать просила его скрыться, но он сказал, что не может отвечать за дочь, которая без его согласия сошлась бог знает с кем. Расстреляли его после митинга вместе со священником и учителем, который преподавал махновцам атеизм, — всего их было семь человек. Мать моя умерла от голода на Украине в 1933 году.

А вот история старшего брата Галины Андреевны (цитирую ее письмо ко мне от 22 декабря 1968 года): «Приблизительно в 1935 году брат Николай, высланный из Киева в село Песчаный Брод, писал мне, что приехал он туда с семьей — женой Юзефой (Юзей) и тремя детьми — двумя

мальчиками, Сережей и Женей, и девочкой Галей. Поселились они там в нашей хате. Жить было невероятно тяжело. Все они были очень ослаблены и истощены. Не в силах были даже засадить и обработать огород. Дети буквально умирали с голоду. Посоветовались с женой, брат решил «разойтись» с ней до лучших времен. Юзя с Галей должны были вернуться в Киев и там как-нибудь устраиваться. Мальчиков решили оставить на вокзале в Кировограде в надежде, что их подберет милиция и устроит в детдом. Отец усадил их на скамейку на вокзале и ходил вокруг и наблюдал за ними до тех пор, пока их наконец подобрала-таки милиция». (Читать этот текст каждый раз доставляет душевные муки. Несчастная страна! Несчастный народ!)

Галина Андреевна передала мне два письма к ней племянника Жени, оба от 1959 года. Сергей, сообщает он, перед войной куда-то исчез — «он был связан с преступным миром». С началом войны, пишет далее Женя, «наш детдом в количестве 600 человек пешком начали эвакуировать в тыл. В Днепропетровске мы сели в поезд и доехали до Сталинграда. Оттуда Волгой в Саратов. На место прибыло нас 150 человек, остальные погибли от бомбежек и обстрелов с воздуха и от болезней. Потом наш детдом превратили в ремесленное училище, через год мы были уже рабочими... Отец (брат Галины Андреевны, Николай. — С. С.) замерз на пути между Песчаным Бродом и Помощной и никто из родственников даже не хотел его похоронить, никто не знает

и где похоронили. Это было в 1937 г. ... Мать искала нас, но ей сообщили, что нас нет в живых, и когда я пришел к ней, она узнала меня и упала в обморок... Сейчас я Кузьменко Николай Иванович, так меня перекрестили в детдоме». Однако оба письма к своей тетке он подписал «Женя».

Галина Андреевна сообщила еще про одно обстоятельство, меня поразившее: в 30-х годах Аршинов-Марин перебрался в Москву, причем даже, кажется, с семьей. Что случилось с ним и его близкими в советской столице, нетрудно предположить.

Нестор Махно провел во Франции более десяти лет, но так и не прижился. Политической деятельностью почти не занимался. Посещал небольшой кружок анархистов, таких же одиноких и нищих, как и он сам. Пописывал в анархистском журнальчике «Дело труда», выходившем в Париже на русском языке ничтожным тиражом.

Вот единственный интересный эпизод из журналистской жизни Махно. Летом 1928 года в Москве и Одессе одновременно появились в газетах «воспоминания» некоего Леглера, помощника свирепого Белы Куна в годы Гражданской войны. Главная цель публикации — дать очередной «разоблачительный» материал о Махно, а попутно возвеличить тогдашнего коминтерновского деятеля, который, согласно тем же «воспоминаниям», и был вершителем победы над Врангелем. Махно как-то узнал об этой публикации и напечатал протест в том самом «Деле труда» (№ 37–38).

Заметка написана, видимо, им самим — тяжело, неумело, цитировать ее скучно. Характерен, однако, перечень тех, кого Махно, помимо Леглера, обвинял в клевете на себя: «деникинско-врангелевского, а теперь большевистского генерала Слащева и французского писателя-коммуниста Барбюса», а также, по его выражению, «хорошо пристроившихся к большевистской власти писателей: Вересаева, А. Толстого и Б. Пильняка». Да, «воспоминания» Леглера — пропагандистская липа, в сочинениях Слащева и перечисленных писателей Махно изображен, конечно, в отрицательном свете, но осуждать их как заведомых клеветников все же никак нельзя.

Так вот и доживал недавно знаменитый батько свои дни в многоликом и шумном Париже — одинокий, заброшенный, никому уже не нужный, почти забытый.

В журнале «Огонек» за 1928 год была помещена небольшая статейка о Махно, написанная только что вернувшимся из Парижа Львом Никулиным (этот литератор исполнял за границей весьма многообразные поручения). Он описывает его внешность так: низкорослый, угловатый, сильно хромает, глубокий шрам на лице, с усами, но бывших длинных волос теперь уже нет. Тут же фотография Махно с девочкой на руках (снимок, видимо, 1927 года). Грустно, очень грустно смотреть на этот неприхотливый снимок. Дочка прижимается к отцу, а у того вид изможденный, глаза смотрят печально и отрешенно. Он, проливший столько людской крови, кажется, чувствовал в тот

миг, что жуткие вихри, вызванные к жизни и по его воле, скоро втянут в свой беспощадный поток нежное создание, которое прильнуло к нему.

Немало лет автору довелось преподавать на историческом факультете пединститута историю Гражданской войны. Лекция о махновском движении заканчивалась тем, что я раскладывал на столе десятки фотографий современников Махно, так или иначе участвовавших в тех событиях, и предлагал студентам «опознать» среди них вожака крестьянского воинства. Все пытались отыскать косматого бандюгу со свирепой и испитой физиономией, но не находили, ибо эта парижская фотография сохранила для нас подлинный, а не искаженный облик знаменитого Нестора. Перед лицом многочисленных свидетелей утверждаю: ни разу и никто не «опознал» Махно в ряду иных портретов.

...Не можем не упомянуть еще об одной вроде бы незначительной подробности, но нам она кажется любопытной и даже примечательной. Как-то с группой интеллигенции довелось мне посетить Париж. Возложили мы, как принято было в советскую пору, венки у Стены коммунаров. Потом я спросил у пожилого привратника, где тут могила анархиста Махно? Тот оказался потомком русских эмигрантов и хорошо говорил на родном языке. Охотно ответил: «Ваши люди часто спрашивают, где могилы художника Делакруа или композитора Шопена, а вот мосье Махно... Извините, я не знаю»...

Женские пересуды

Остается добавить последний штрих к картине печальной судьбы Нестора на чужбине. В 1991 году в Киеве был опубликован сборник воспоминаний и документов о махновском движении. К сожалению, он составлен без должного библиографического оформления, сноски на источники и сведения об авторах часто отсутствуют. Жаль, ибо там есть интереснейшие мемуары некой И. Метт «Батько в Париже». Ничего принципиально нового они не содержат, общего нашего представления о герое не меняют, но любопытны проявлением чисто женской наблюдательности. Женских мемуаров сохранилось куда меньше, чем мужских, именно тем они и интересны. Но кто такая Метт? В сборнике о том ничего не сказано, откуда взят публикуемый материал тоже. Скорее всего, она была из русских (русскоязычных) эмигранток левого толка. Вот и все, что мы можем более или менее точно предположить. Приводим отрывок с несущественными сокращениями.

«Перед самой войной я записала воспомина-

время в Париже. Записки эти во время войны потерялись. Но теперь, когда я прочла, что написано о Махно, я решила снова вернуться к своим воспоминаниям, чтобы восстановить историческую правду.

Вероятно, для того чтобы представить полный портрет Махно, его надо было бы изобразить во времена «величия», там, на Украине. Но на самом деле откуда мы можем знать, когда он был настоящим — в пору своей общеукраинской славы или в Париже — бедным эмигрантом в чужой стране. Я думаю, прежде всего необходима историческая правда, и постараюсь рассказать все, что помню об этом периоде его жизни.

В годы гражданской войны, когда по Украине ходили всевозможные легенды о «батяке Махно» и «махновщине», когда телеграфное агентство «РОСТА» то сообщало о том, что он попал в плен к русским, то еще о чем-то, я, молодая студентка, мечтавшая о героических подвигах, о «сверхсвободе», представляла себе Махно эдаким богатырем — сильным, смелым, бесстрашным, бескорыстным — борцом за народное дело. Я помню, на Украине говорили, будто Махно был когда-то учителем в начальной школе. И вот в 1925 году я приезжаю в Париж и узнаю, что Махно тоже находится в Париже. Я с нетерпением жду возможности его увидеть. Вскоре представился случай. И вот я — в гостинице, в маленькой комнате, где Махно жил с женой и ребенком. Он оказался совершенно другим: небольшого роста, тшедушный, совсем не из тех,

на кого обратишь внимание в толпе. Потом у меня была возможность встречаться с ним часто, и, когда я узнала Махно ближе, мне стали понятны и он сам, и его роль в гражданской войне.

Я думаю, самым существенным в нем было то, что он всегда оставался украинским крестьянином. Его никак нельзя было бы назвать беспечным человеком, в глубине души он и был эдаким бережливым крестьянином, превосходно знавшим жизнь деревни и заботы ее обитателей.

Став в ранней молодости революционером, террористом, он всем своим образом жизни необычайно ярко выразил дух времени. Махно вырос в большой, бедной семье сельскохозяйственного рабочего. В детстве вместе с приятелями мастерил бомбы и однажды положил свое «изделие» в таз, в котором мать обычно месила тесто. Можно себе представить изумление до смерти перепуганной матери, когда она услышала взрыв и увидела, как таз вылетел из печи. Вскоре после этого трагикомического эпизода юный Махно совершил покушение на местного полицейского и его приговорили к смерти. Ему было всего семнадцать лет, и заступничество матери его спасло: смертный приговор заменили пожизненным заключением. Махно оставался в тюрьме до революции 1917 года...

Махно пользовался большим авторитетом среди земляков и первые анархистские группы создавал из местных крестьян. Когда он впоследствии пытался написать историю «махновщины», именно этим группам он и отводил роль

зачинателей партизанского движения и отрицал влияние анархистов извне. Он называл их «гастролерами» и обвинял в том, что они на самом деле ничего не дали движению. По твердому убеждению Махно, то, что это движение стало анархическим, было полностью его заслугой.

Был ли Махно честным человеком, желавшим добра своему народу, или он случайно оказался во всеобщей схватке? Я думаю, он был искренен в своих социальных пристрастиях. Это был политический деятель с природным талантом, хотя порой он и пускался в рискованные военные авантюры, которые, казалось бы, стояли значительно выше и его политических познаний, и личных возможностей. Тем не менее я считаю, что в роли народного мстителя он был абсолютно на своем месте...

Я вспоминаю, как однажды Нестор Махно рассказывал мне о своей мечте. И было это осенью 1927 года. Мы гуляли в Венсенском лесу. Быть может, красота природы настроила его на поэтический лад, и он сочинил этот свой «рассказ-мечту». Молодой Михненко (настоящая фамилия Махно) возвращается в родную деревню Гуляй-Поле, начинает работать, ведет спокойную, правильную жизнь, женится на молодой крестьянке. У него добрая лошадь и хорошая упряжь. Вечером вместе с женой он возвращается в деревню после удачного дня, проведенного на базаре, где они продавали плоды урожая. В городе они купили подарков... Махно так увлекся рассказом, что совершенно забыл, что сей-

час он в Париже, что у него нет ни земли, ни дома, ни молодой жены. В то время они с женой жили порознь, множество раз сходились и расходились снова, пытались начать совместную жизнь. Бог знает, по какой это причине все происходило. Жена, вероятно, уже не любила Махно, и кто знает, любила ли она его вообще когда-нибудь. Жена Махно была украинской учительницей, по своим воззрениям принадлежала скорее к петлюровцам и никогда не имела ничего общего с революционным движением.

Я где-то читала, что Махно якобы стал революционером под влиянием учительницы, на которой впоследствии женился. Это абсолютная выдумка. Он познакомился с Галиной Кузьменко, уже будучи «батькой Махно», простую учительницу, несомненно, привлекла роль жены могущественного атамана Украины. Впрочем, она не была единственной женщиной, добивавшейся благосклонности батьки Махно. Он рассказывал мне в Париже, что в пору его славы люди раболепствовали перед ним и он мог бы выбрать себе любую женщину, но в действительности у него не было свободного времени для личной жизни. Махно рассказывал мне об этом, чтобы опровергнуть миф об оргиях, в которых якобы участвовал. На самом деле Махно был человеком чистым, даже целомудренным. Мне кажется, в его отношении к женщине соединилась своего рода крестьянская простота с уважением к слабому полу, присущим русским революционными кругам начала века. Иногда он с искренним

сожалением вспоминал о первой жене, крестьянке из его родной деревни, на которой женился вскоре после освобождения из тюрьмы, в 1917 году. От этого брака родился ребенок, но, когда во время немецкой оккупации Махно вынужден был скрываться, кто-то сказал жене, что он убит, и она снова вышла замуж. Ребенок умер. Махно больше никогда не видел первую жену.

На правой щеке у Махно сохранился огромный шрам, спускавшийся до нижней губы, след от удара, нанесенного ему женой Галиной, пытавшейся убить его спящего. Случилось это в Польше, кажется, тогда она была влюблена в петлюровского офицера. В достоверности я не знаю, что явилось непосредственной причиной этого дикого поступка. Часто на людях жена всячески пыталась скомпрометировать Махно, морально его унижить. Однажды, в моем присутствии, она сказала о ком-то: «Это настоящий генерал, не то что Нестор...», — явно желая подчеркнуть, что не считает мужа полководцем. Впрочем, Галина прекрасно знала, что во время пребывания Махно в Румынии румынское правительство оказывало ему почести, соответствующие высокому званию крупного военачальника.

В Париже Галина Кузьменко работала то домработницей, то кухаркой и считала, что судьба, предназначавшая ее для лучшей доли, очень к ней несправедлива. В 1926–1927 годах она обратилась к советскому правительству с просьбой о возвращении в Россию. Насколько мне известно, Москва отклонила ее просьбу. Я не думаю,

что Махно был в состоянии простить ей это письмо. Скорее, их продолжающийся союз объяснялся взаимной слабостью и невозможностью разорвать отношения. После смерти мужа Галина Кузьменко стала женой Волина, и вместе они совершили прямую подлость: выкрали из-под подушки покойного его личный дневник. Эта уникальная рукопись так никогда и не увидела свет.

Махно вел дневник на протяжении всего своего пребывания в эмиграции, записывая впечатления о товарищах, их деятельности и многое другое. Я знаю об этом достоверно, в 1932 году он сказал мне, что хотел бы знать мое мнение по поводу одного эпизода, свидетелем которого я была, желал бы удостовериться, что в своем дневнике точно отразил происшедшее.

Если я не ошибаюсь, во время немецкой оккупации Франции Галина Кузьменко сблизилась с немецким офицером и оказалась в Берлине вместе с дочерью, где и погибла под бомбежкой. Может быть, это не так и она доживает где-нибудь. Не исключено, что и в России.

Махно страстно любил дочь. Я не знаю, какими стали их отношения в конце его жизни, но, когда девочка была маленькой, Махно бесконечно возился с ней, баловал, хотя в раздражении, бывало, случалось, колотил ее, после чего чувствовал себя совершенно больным только от одной мысли, что смог поднять на нее руку. Нестор мечтал, чтобы дочь получила образование. После его смерти я видела ее только однажды, ей было семнадцать лет, она была очень похожа на

Махно, но, кажется, мало что о нем знала и, думаю, не интересовалась его судьбой.

Что же касается отношений Махно с Волиным, я уверена, что он не только не любил, но и не уважал будущего мужа своей жены, считал его человеком недостойным и бесхарактерным. Махно много раз говорил мне, что на Украине Волин раболепствовал перед ним и никогда не осмеливался высказать свое личное мнение в присутствии «батьки»...

Когда Махно жил в Париже в нищете и одиночестве, положение изменилось, теперь многие находили в себе смелость высказывать резкое осуждение его деятельности на Украине. Махно был достаточно умен, чтобы понимать, что происходит, и люто ненавидел таких критиков. Но когда кто-то говорил ему правду и он видел, что человек искренен, он (Махно), хотя и бывал порой оскорблен, в глубине души, несомненно, уважал людей, способных на такую объективность.

Тем не менее я могу привести несколько иной пример из собственного опыта. Однажды мне довелось перепечатывать на машинке его воспоминания. Занимаясь этой работой, я обратила внимание, что факты, представляющие исторический интерес, перемежаются с отрывками речей, произнесенных на митингах в первые месяцы революции. Эти тексты не отличались большой оригинальностью и не заслуживали того, чтобы цитировать их спустя годы. Да и вообще, кто и как умудрился записать эти речи в 1917 году? В то время такие речи произносились на

каждом углу. Я не преминула сказать Махно, что, хотя его воспоминания очень интересны, в такой манере писать книгу нельзя, нужно отбирать факты и документы, располагать их так, чтобы получилась единая цельная книга, а он к тому времени, написав уже две книги, все еще не подошел к «махновщине», написанное было только прелюдией... Нестор внимательно выслушал меня и не подумал последовать моему совету. Конечно, я не отличалась большим дипломатическим талантом, я сказала ему: «Вы — великий солдат, но не писатель. Попросите кого-нибудь из ваших друзей, хотя бы Марию Гольдшмит, помочь вам написать воспоминания...» Махно никогда не простил мне этих слов. Быть может, в конце жизни он все-таки вспомнил о моем совете, так как, к несчастью, случилось именно то, что я предполагала: книга о махновщине не была закончена. Один из друзей Махно, француз, предложил ему материальную помощь, чтобы он смог завершить свои воспоминания, но, увидев, что работа никогда не кончится, перестал давать Нестору деньги. Махно оказался вынужденным зарабатывать на жизнь, и его мемуары так и не были написаны. Последние годы он провел в ужасающей нищете, которая никак не располагала к писательству...

Когда я сама задаю себе вопрос, как случилось, что такой человек сумел достичь в свое время невероятной власти над людьми, я объясняю это тем, что в глубине души он всегда оставался истинным украинским крестьянином, но, кроме

того, был великим артистом, неизнаваемо перевоплощавшимся в присутствии толпы. В небольшой компании он с трудом мог объясняться, его привычка к громким речам в интимной обстановке казалась смешной и неуместной. Но стоило ему предстать перед большой аудиторией, как вы видели блестящего, красноречивого, уверенного в себе оратора. Однажды я присутствовала на публичном заседании в Париже, где обсуждался вопрос об антисемитизме и махновщине. Меня глубоко поразила тогда удивительная сила перевоплощения, на которую оказался способным этот украинский крестьянин.

Была еще одна черта в характере Махно, которая, несомненно, являлась причиной его успеха среди народных масс, — его невероятная смелость и отвага. Аршинов, несмотря на явно враждебное отношение к Махно, рассказывал, что тот прогуливался под пулями, как под дождем. Аршинов считал такого рода смелость психической аномалией.

В годы эмиграции Махно, впрочем, как и многие известные люди, страдал от невозможности приспособиться к обыкновенной, обыденной жизни. Казалось, он искренне огорчается, если никто не говорит о нем, а потому постоянно давал интервью журналистам, прекрасно понимая враждебность многочисленных партий и людей, его окружавших. Однажды один украинский журналист через меня попросил Махно встретиться с ним. Я не советовала Нестору давать это интервью, предвидя, что журналист исказит его

слова, а у него не будет никакой возможности опровергнуть напечатанное и защитить свои права. Махно не послушался, журналист опубликовал то, что счел нужным, извратил смысл сказанного. Махно был в ярости, но не думаю, что и этот случай послужил для него уроком.

Смог ли бы он когда-нибудь снова стать «маленьким», никому не известным человеком? Вероятно, он мечтал об этом, о простой жизни крестьянина, но осуществить эту мечту было уже, конечно, невозможно.

Я вспоминаю день, когда мы говорили о судьбах советских генералов Буденного и Ворошилова. Махно относился к ним с профессиональным уважением, мне даже показалось, что в его сознании произвольно возникли мысли о том, что и он мог бы быть генералом Красной Армии. Тем не менее сам он никогда об этом не говорил. Наоборот, сказал мне, что если бы и смог вернуться в Россию, то ему бы пришлось серьезно изучать военное искусство. Это признание можно расценивать и как высказанную вслух мечту. Я уверена, если бы он вернулся в Россию, не прошло бы и двух дней, как он бы поругался с вышестоящим начальством, так как всегда был честным человеком и не мог бы смириться с социальной несправедливостью.

Действительно ли он верил в анархизм, сторонником которого считал себя? Думаю, что нет. Скорее всего, он сохранил определенную верность юношеским пристрастиям, а в то время анархизм являлся неким вероисповеданием,

способным, казалось бы, все на земле изменить и сделать бедных счастливыми. Махно неодобрительно относился к анархистам, которых знал в России во время революции, считал, что они ни на что не способны и, примкнув к махновщине в качестве «теоретиков», оказались на деле гораздо слабее и трусливее простого украинского крестьянина, преподавшего им уроки мужества. Он беспощадно критиковал Кропоткина за патриотизм, проявленный в 1914 году. В заключение следует сказать, что Махно прекрасно чувствовал несоответствие анархических идей с их воплощением в реальной жизни общества.

Был ли Махно пьяницей, каким его изобразил Волин? Я очень часто встречалась с ним на протяжении трех лет в Париже и никогда не видела его пьяным. Несколько раз в качестве переводчика я сопровождала Махно на обеды, организованные в его честь западными анархистами. Нестор пьянел от первого стакана вина, глаза его начинали блестеть, он становился более красноречивым, но, повторяю, по-настоящему пьяным я не видела его никогда. Мне говорили, что последние годы он голодал, опустился, может быть, тогда и начал пить. Для его больного, слабого организма было достаточно нескольких капель алкоголя. Будучи атаманом, он, вероятно, пил наравне с любым крестьянином.

Отрицательной чертой его характера я считаю патологическую недоверчивость и подозрительность, хотя и это вполне понятно: слишком живым был в его памяти опыт гражданской войны.

Как бы то ни было, но он был способен подозревать даже близких друзей.

Умел ли он отличать друзей от врагов? Думаю, иногда это ему удавалось, выручало какое-то внутреннее здоровое чутье, но в силу скверного характера он зачастую ссорился с людьми, искренне желавшими ему добра. Личный дневник после его смерти оказался в руках двух его врагов: жены и Волина. Несмотря на всю свою подозрительность, он не смог этого предотвратить».

Таковы вот воспоминания неизвестной нам дамы. Написаны они, как видно, в первые послевоенные годы где-то за рубежами Советского Союза. Отметим бросающуюся в глаза пристрастность в отношении Галины Кузьменко и звучащую как домысел историю про мифическое уничтожение махновских дневников (нет никаких упоминаний, что он вообще когда-либо их вел). Смешно читать о «почестях», которые якобы оказывали ему в Румынии, из достоверных источников мы знаем, как его там «почитали». А вот то, что Кузьменко подавала просьбу о возвращении в Советский Союз, так это весьма возможно: очень многие эмигранты поступали в ту пору так же, но в подавляющем большинстве получали отказ.

Когда в 1934-м Нестор Иванович Махно скончался, его вдове минуло всего тридцать семь лет. Новой семьи она не завела, хотя многократно по разным поводам вспоминала офицера-эмигранта по фамилии Карабань. Вспоминала с подробностями, которые говорят о симпатии к человеку, но ничего не уточняла, а я на этом не смел настаивать. Весьма характерно, что Галина Андреевна с юности и до конца жизни оставалась убежденной атеисткой, страдания и потери не обратили души ее к Богу, вот уж истинно революционная закалка!

Началась война, в Париж в июне 1940-го пришли немцы. Галина Андреевна кратко пояснила, что ей приходилось скрывать свое супружество. Имя Махно германская контрразведка помнила очень хорошо, благоприятных для нее впечатлений он не оставил. В 1943-м немцы вывезли Елену Махно в Берлин на работы, мать поехала за дочерью, обе трудились там на каких-то фабриках. Помню страшные воспоминания Галины Андреевны о бомбежках города англо-американскими самолетами. Нацистская Германия терпела крах,

и тут новая буря подхватила вдову и дочь Нестора Махно, занеся их в самые страшные круги земного ада. Об этом она рассказала мне подробно; убежден, что повествование ее содержит немалый исторический интерес. Излагаю запись:

«В 1945 году перед приходом наших (за полгода) мне стало ясно, что русские придут сюда. Для меня победа России всегда была желанной, но встреча с Красной Армией меня пугала. Я была знакома в Берлине с одним пожилым калмыком-эмигрантом (из Франции), он был связан с какой-то калмыцкой организацией, сотрудничавшей с немцами. Он уехал из Берлина, а я не проявила достаточной энергии и осталась. Лена встречалась с русскими солдатами и офицерами, офицеры заходили к нам. Я все собиралась посоветоваться о своей легализации и возможности отъезда в Россию, но так и не собралась.

Так мы дожили до августа, когда началась поголовная проверка населения и выдача документов. Ко мне пришли двое — немец и русский (Лены дома не было, она ушла с офицерами, она часто бывала у них переводчицей — неофициальной, конечно). Они посмотрели документы, ушли, но через минуту вернулись и пригласили меня в комендатуру. Я пошла, хотя понимала, что дело скверное. Но убежать было поздно. В комендатуре я сказала о себе все, что я жена Махно. Меня задержали, оставили ночевать. Ночью ко мне подошел солдат, предложил меня вкусно накормить и переспать с ним. Я накричала на него, и он смиренно ушел.

На другой день меня перевели в какое-то другое военное учреждение, там мне дали бумагу и ручку, заперли в отдельной комнате и предложили написать все, что я знаю. Через месяц меня перевели в общую камеру, сделанную из обычной квартиры, там было несколько женщин. Потом перевели в подвал какого-то здания, и там я встретилась с Леной. Как-то меня вызвали к какому-то начальнику и предложили поехать с ним во Францию и там указать ему на тех из эмиграции, кто работал против нас. Я отказалась, я плохо знала белогвардейцев, а главное, роль предательницы эмиграции, какая бы она там ни была, была мне противна. Меня и Лену потом допрашивали, не шпионка ли я, но вскоре убедились сами, что это не так. Затем меня привезли в квартиру за вещами, многие из которых уже пропали. Кое-что я вывезла с собой, но теплой одежды не было, три пальто мои пропали, я взяла только резиновый плащ. У нас было много одежды, я ездила в отпуск в Париж, а там нами заработанные марки выгодно обменивались на франки. Я покупала вещи со смутной надеждой, что мне они пригодятся в Москве. Меня перевели в пригородный лагерь, обычный лагерь с двухэтажными нарами, там я опять соединилась с Леной.

Нас повезли в Киев в поезде. В Киеве нас на перроне посадили в «черный ворон», о котором мы так много страшного слышали. В Киеве меня допрашивали о моем участии в движении, не пробовал ли Махно организовать чего-либо

во Франции. Настроение было такое, что готова была на все что угодно, наговорить на себя, лишь бы выбраться отсюда куда угодно. После следствия нас с Леной поместили в общую камеру с уголовницами, страшные девчата! Все они зарились на наши заграничные тряпки, в особенности белье. В начале или в середине декабря (1945-го. — С. С.) нас вызвали и зачитали ОСО, мне дали 8 лет лагерей, Лене — 5 лет ссылки. С окончанием следствия мы сидели в одной камере, там и простились, ибо ее вскоре отправили в Казахстан. Но мы тогда не знали еще места ссылки.

В самом конце декабря меня перевезли в Мордовию (где находились старейшие политические лагеря в СССР. — С. С.). Там было много немцев и галичан (западных украинцев. — С. С.). В лагере я шила тапочки, клеила коробочки и прочее, так что всегда имела дополнительный заработок. Находилась я в инвалидной команде, нас лишь изредка выгоняли то на уборку территории, то на прогулку и т. п. Затем я работала на швейной фабрике, сперва на вычистке, потом контролером в закройном цехе. Потом меня перевели в инвалидный лагерь, где мне уже почти не приходилось работать. Там я делала цветы бумажные, делала их неплохо, например, сплела венки для девушек из украинского хора. У меня тогда обострилась гипертония.

Свой срок я пересидела на девять месяцев. Ни к кому не обращалась, так как бесполезно, у многих срок кончился три года назад, но все они сидели. Дочь я нашла через Киев, она пи-

сала ужасные письма. Меня выпустили утром 9 мая 1954 года, сама себе не поверила. На вокзале я и дочь друг друга не узнали и разошлись. Со мной в лагере находилась жена Якира, еврейка, была бригадиром, держалась заносчиво. Там же была жена генерала Власова, молодая (35–40 лет), интересная женщина, скромная, сдержанная, интеллигентная, работала швейей».

А теперь приведем одно из упомянутых писем Галине Андреевне от дочери, дата примечательная — 20 июля 1953 года (понятно, что это было за время).

«Дорогая мамочка!

Письмо твое получила. В июле я тебе послала маленькую посылку, в основном лекарства, которые ты просила. Я посадила зерна, но только вырастила дикий мак. С экзаменами я покончила благополучно. Теперь у меня на руках свидетельство об окончании семилетки. Я жду твоего приезда с нетерпением, я уже сказала, что беру старушку мать на иждивение. При твоем выезде телеграфируй, каким поездом ты приедешь. Я тебя встречу на перроне, если все выйдут из вокзала и меня по какой-нибудь причине не будет, то садись на автобус, который едет в «город», и выходи на станции «Гостиница», и дойдешь до Малой Карабакирской(?), 43.

Еще осталось месяц ждать. Надеюсь, что к 1-му сентября увидимся.

Жду с нетерпением и крепко целую. Люся.

В начале августа вышлю денег».

Все, казалось бы, предусмотрела Елена (в письмах она называла себя Люсей) для встречи с матерью, но...

Не поленился я съездить на этот самый железнодорожный вокзал. По нынешним меркам — так, пригородная платформа, да и вагоны в начале 50-х были еще куцые, народу не много, к тому же поезд проходящий. Уточним, не виделись они восемь лет, не такой уж бесконечный срок, и оказалось-то их, близких, только двое, но... На крошечном вокзале мать и дочь не узнали друг друга. Как же должна была изменить их жизнь?!

После долгожданной встречи Галина Андреевна осталась в Джамбуле. Сняли с дочерью угол, подрабатывали, а окружающая жизнь к этому времени резко изменилась к лучшему. Через несколько лет Галина Андреевна даже получила крошечную пенсию по старости — за годы, проведенные в Париже, и пятнадцать лет пребывания в Советском Союзе это был ее первый «твердый заработок»! В начале 60-х съездила в родные места, но близких уже не нашла; ее племянницу Галю (дочь Николая) немцы угнали из Киева на работы, она оказалась в Дрездене и погибла во время печально знаменитой бомбежки города американо-английской авиацией в феврале 1945-го. О судьбе Сергея и Жени уже сказано.

Говорят, старость напоминает детство, дряхлость — младенчество. Поэтому жизнеописание Галины Андреевны Кузьменко, вдовы знаменитого Нестора Махно, хотелось бы закончить отрывком из ее письма ко мне от 28 октября

1968 года, где она повествует о своем детстве, проведенном с родителями в Могилеве. Такое впечатление, что за строками письма угадывается будущая трагическая судьба нашей героини.

Она писала, не понимая, надо полагать, какие силы водят ее ослабевшей рукой:

«Припоминается мне, как однажды, когда мне было лет десять, мы, пять-шесть девочек, выйдя из железнодорожной школы по окончании занятий, отправились в железнодорожную баню. Здесь мы вдоволь намылились, попарились и разошлись по домам. Одета я была еще в летнее легкое пальтишко, и меня во время довольно длинной дороги домой хорошо продуло. Я сильно простудилась и вскоре расхворалась воспалением почек. Я слегла надолго... У меня были пролежни. Я сильно ослабла и исхудала. Ходить была не в силах. И намучилась же тогда со мною моя бедная мама и мой брат Николай. Они несколько месяцев подряд, до весны, часами, бывало, носили меня на руках по комнате... А когда стало тепло на дворе, я стала медленно поправляться...

А когда я уже совсем поправилась, тогда мне рассказали, что я была совсем уже безнадежна, врачи мне помочь уже ничем не могли, и родители купили мне уже досок на гроб, мешок муки на поминки и приготовили всю одежду на погребенье...

Вероятно, они в 1918 году вспоминали, как они выходили меня тогда, и пожалели о том, что я не умерла тогда... Сколько горя и несчастья я им принесла...»

Скончалась Галина Андреевна 23 марта 1978 года в Джамбуле, там и погребена, за тысячи верст от родных мест. И вот через одиннадцать с половиной лет пришло наконец-то доброе известие:

«Прокуратура Украинской Советской Социалистической Республики. Михненко Елене Несторовне.

Сообщаем, что на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года уголовное дело, по которому вы были репрессированы, прекращено и в настоящее время вы реабилитированы. Член коллегии Прокуратуры УССР В. И. Лесной. 13.09.89 г.».

Точно такой же документ был направлен на имя и Галины Андреевны. Вдова Нестора Махно, пережившая две войны, бегства, лагеря, нищету и бесправие, уже не узнала о том, чего столь долго добивалась.

Теперь последний краткий рассказ — о Елене Несторовне Михненко. Конечно, договорившись с Галиной Андреевной о встрече в Джамбуле, я понятия не имел, что там живет еще и дочь Нестора Ивановича. Тут, посреди азиатских степей, довелось с ней познакомиться. Но прежде, чем поведать о своем личном впечатлении, приведу письмо, которое она отправила матери в мордовский политический лагерь из ссылки — Казахстана.

Намеренно не исправляю орфографию: тогда Елена Несторовна русский знала совсем плохо, грамматические и всякие иные ошибки ее, недавней парижанки, придают лишь дополнитель-

ный оттенок образу и несчастной судьбе этой женщины. Добавим еще для современного читателя, что лагерной переписки той поры у нас почти не сохранилось, поэтому письмо ссыльной дочери к матери-каторжанке уже само по себе представляет большой исторический интерес. Характерен даже его вид: тетрадная страничка, исписанная химическими чернилами с обеих сторон мельчайшим почерком, — автор явно берег бумагу. Итак, воспроизводим письмо Елены Михненко от 25 апреля 1950 года:

«Дорогая мамочка

Письмо от 7 февраля получила. Пиши теперь на следующий адрес Каз. ССР — Джамбульск. об. — ст. Луговая (Село Луговое) Октябрьская ул. № 17 швейный цех. Е. Н. Михненко. На Розу Котлер не пиши, она уехала, только указывай мою фамилию и все. Вот кратко как я жила с мая м-ц 1948 г. я поступила через один м-ц в райпотребсоюз, буфетчицей. Работала один месяц и закрыли столовую, и через месяц была снова без работы, тут меня поддержал сапожник, я в скоре заболела тифом и лежала два м-ца в больницы (август-сентябрь 48 г.). Пока я лежала в больнице мне этот сапожник носил кушать, а когда я вышла из больницы я узнала что это все он носил мне за деньги приобретенны продажей моих вещей, я осталась без ничего и он скоро уехал оправдываясь тем что у него денег не было а видал что мне голодно, иму было жалко меня и он решил распорядится и мне сказать правду только когда я выздоровлю. Он рассуждал так:

лиж бе здоровье, а остальное все будет, и по неволе мне пришлось мериться незная до сех пор сердиться или нет. Когда я вышла из больницы у меня было осложнение на печень и уши. Сейчас печень нормально а слух средний.

В октябре 48 г. я поступила на железно-дорожный ресторан посудомойкой. (Если бы я хотела быть официанткой в этот момент я бы не могла из-за одежды) работала сутками и двое отдыхала. Жила в чеченской семье. В декабре я была уволена по сокращению штата, в январе я поступила посудомойкой в ОРС железно-дорожная организация работала в паровозном депо. В марте бела уволена из за документов. Если бы не это то во всех организациях можно быстро продвинуться посылают на курсы поваров и т. д. в каждой отрасли можно продвинуться но не мне с моей фамилией и происхождением. При каждой перемены работы у меня была перемена с квартирами. Единственные друзья фотографы уехали на Украину. В период моей работе в ресторане зимой 48 г. я побрила голову, волосы выросли через 6 месяц, кудрявые, а теперь эти кудри отходят, прямо жалко.

Но я продолжаю насчет работы. Перед отъездом фотографы в марте м-це меня устроили домработницей к одной врачихи, одинокая с девочкой. Я у ней поработала до мая м-ц 49 г. И вот как прожила эту зиму с 48 на 49 г. раздетая и босая с переменаами каждые три м-ца. Это самое жуткое воспоминание моей жизни. И когда я еду с села на станцию у меня остается тяжелые впе-

чатления от этой станции. Даже как на зло развалился дом где жили фотографы и если я хочу припомнить несколько приятных минут в этой семье то только смотришь на кучи кирпичей. В эту зиму 48 г. на 49 г. я лазала по поровозам и тендерам и выпрашивала у машинистов уголь. Таскала его, грязная, потная. Я с дрожью вспоминаю эту зиму. Весной я в мае 49 г. поступила на сырзавод, меня взяли на пробу один месяц. Потому что работа тяжелая физическая, и мне сказали что я вряд ли справлюсь. Но я старалась и кое как выдержала меня оставили. Через три м-ца в августе завода разделили и дня часть перекочевала со скотом в горы 20 км от района. Я тоже перекочевала в горы — я принимала молоко, топила, мыла и таскала фляги и кроме этого я была свинаркой, была на двух окладов у меня было шесть казенных свиней — огромные до двух годичных. Ездила в район три раза в месяц, возила сливки на быках. Работала все лето, поступила в члены профсоюза, добилась трудовой книжки. К осени я уже искала себе работу каждый раз как ездила со сливками, бегала по организациям и мне в Потребсоюзе обещали работу на официантку, я предупредила своего майора на отметки что осенью я останусь без работы потому что сезон молока кончается и всех увольняют. Майор обещал меня устроить. Работа была тяжелая на заводе, к осени я уволелась потому что работа зимняя мне не по силам, хоть меня оставляли но надо была перейти на хозяйственные работы как копать мазать, белит, лед заготавливать,

ледник копать, это не в моих силах, и я так летом ели выдержала, а в холод раздетой никак невозможно. Вот так я жила до октября 1949 г. В следующем письме дальше напишу. Пока крепко при крепко целую

Люся».

Не стану ничего пояснять, напомним лишь, что в описываемое время Лене было 25—27 лет — цветущий возраст для женщины! И вот — «грязная, потная»... А можно было бы добавить, «бездомная», «бедная», «бессемейная» или того хуже — «ссылная», «поднадзорная», «беспаспортная». Только те, кто помнит или знает то время, поймут, на какие муки подобные «определения» обрекали человека, живущего в СССР..

Встретаться со мной Елена Несторовна не очень хотела. Раздражена была, обижена, никому не верила. Ну, что ж... От матери я узнал, что детей и семьи у нее нет, что живет с летчиком гражданской авиации, больше к этому сдержанная Галина Андреевна ничего не прибавила. И все же однажды ранним вечером мать и дочь пришли на свидание со мной вместе.

В тесную, бедноватую мазанку на окраине Джамбула (там жили приютившие меня потомки украинских переселенцев) вошла вдруг элегантная, моложавая женщина, как будто припорхнула из чужого мира в эти пыльные степи. Среднего роста, кареглазая и темноволосая, она была поразительно похожа на отца. И сразу стало ясно — вот истинная парижанка (автору довелось побывать во множестве экзотических мест,

но только в Париже есть для русского человека особое обаяние). Легкая фигурка, быстрые движения, поразительная непринужденность манер — и все это вдобавок к сильному французскому акценту и даже, мне показалось, французской фразеологии. Уж как она умудрилась оставаться изящной и обаятельной в городе Джамбуле Казахской ССР? Объяснить это диво не в моих силах. А было ей тогда (скажу уж для истории) ровно сорок шесть лет.

Конечно, записывать разговор с ней было неудобно, я этого и не делал (замечу, что ее суровая мать за всю нашу недолгую беседу не проронила, похоже, ни слова). Передам речь единственной наследницы Нестора Махно по записи, сделанной сразу после нашей встречи.

— Ненавижу политику с детства. Хорошо помню отца. У нас дома всегда было полно народу, масса газет. И я тогда уже поклялась себе, что никогда не стану интересоваться политикой и газет не читать. У меня нет родины. Францию я родной не считаю, Россию тоже. Да, я говорю с сильным французским акцентом, когда я говорю по-немецки, то тоже считают, что я француженка. Да, тут очень многие мужчины мною увлекались, но когда узнавали, чья я дочь, шарахались в сторону. Одни это делали корректно, другие трусливо или даже грубо. Люди при этом хорошо раскрывались. Детей я не хотела. Плодить нищих? И чтобы у них была моя судьба? О роли своего отца в вашей истории я во Франции совсем не знала. Когда меня поместили в Киевскую

тюремь, одна сокамерница, узнав, чья я дочь, спросила — того самого бандита? Я оскорбилась и ударила ее. Если можно, пришлите мне из Ленинграда французские издания, здесь их нет.

А в заключение данного сюжета процитируем статью из алма-атинской газеты «Казахстанская правда» от 1 декабря 1990 года. Тамшний журналист А. Вотчель опубликовал репортаж «В гостях у дочери Махно». Материал этот столь исторически интересен, а помимо прочего, так совпадает с моими личными впечатлениями большой уже давности, что нельзя не воспроизвести его в нашей книге.

«О том, что в Джамбуле живет семья батьки Махно, я узнал лет двадцать назад. Однако говорить и писать в ту пору об этом было не принято — как-никак «враги народа». Но весной нынешнего года я отправился в дом на окраине города.

На стук вышла пожилая, ростом чуть выше среднего, женщина, с глазами, из которых давно уже ушла радость. Я представился, объяснил цель своего визита.

— Вы не первый, — сказала Елена Несторовна. — Ко мне приезжали работники прессы из Москвы, Ленинграда, сотрудники краеведческих музеев. И всех я просила покинуть мой дом, не терея напрасно времени, потому что беседовать со мной нужно было несколько десятилетий назад, когда жива была мама. Не тратьте времени и вы.

Я не настаивал.

Но вот недавно в пятом номере «Совершенно секретно» увидел материал «Из дневника «ма-

тушки» Галины». Через час я уже входил в дом Елены Несторовны.

— Все, что здесь написано, все верно, — сказала Елена Несторовна. — Об этом мама много раз рассказывала. Да и портреты мамы и папы нормальные, такие, какими они были в жизни, а не карикатурные, какими их изображали, и особенно папу, в кино.

Беседа была трудной. Елена Несторовна то и дело прижимала к глазам платок...

— В Джамбуле очень долго скитались по частным квартирам, — вспоминает Елена Несторовна. — Стоило хозяевам узнать, кто мы такие, от нас старались побыстрее избавиться. Много раз мама писала в Москву, и даже обращалась лично к Ворошилову. Наконец пришли в горисполком бумаги, и нам выдали однокомнатную благоустроенную квартиру...

Я спросил Елену Несторовну, пользуется ли льготами, как реабилитированная. В ответ она устало махнула рукой и вновь прижала мокрый от слез платок к глазам».

Простите, Елена Несторовна, нашу вину перед вами...

* * *

...Покидал я Джамбул в теплый, без осадков октябрь 1968 года. Воспоминания остались самые лучшие. В небольшом малоэтажном городке на каждом углу — шашлычные. Шампур со све-

жей, добротной поджаренной бараниной стоил тридцать пять копеек, к нему полагался свежий белый хлеб и сладкий среднеазиатский лук крупными кольцами. Сухого вина было в избытке, я покупал обычно красное. А тамошние дыни — просто чудеса природы! Никогда более не довелось мне вкусить ничего подобного, хоть попробовал я эти плоды во многих краях, даже в Японии. Словом, неплохо было.

Уезжая в осенний Ленинград, я, конечно, захотел увезти с собой дыни. Пойти со мной на базар взялась Галина Андреевна. Она, привыкшая беречь всякую копейку, выбирала дыни очень придирчиво. Сосредоточенно, не торопясь, ощупывала каждую, целиком поглощенная этим занятием. Ну а я, оказавшись в необычном для меня месте, глазел по сторонам.

Напротив находился мясной ряд, и я увидел довольно высокую пирамиду из отрубленных бараньих голов. Это привычное для азиатских базаров зрелище сильно потрясло меня. Так и вспомнились картины Верещагина, хроники кровавого завоевателя Тимура...

Вдова Нестора Махно не обращает внимания на поразившую меня пирамиду и цепкими пальцами продолжает ощупывать дыни, выбирая подходящую. Теперь уже и они мерещатся мне чьими-то головами.

Прости, Господи, несчастных рабов Твоих, Галину и Нестора, ибо не ведали, что творили!

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. Т. III. М.; Л., 1933.

Аршинов П. История махновского движения (1918—1921). Берлин, 1923.

Волковицкий В. Н. Махно и его крах. М., 1991.

Герасименко Н. В. Батько Махно: Мемуары белогвардейца. М.; Л., 1928.

Егоров А. И. Разгром Деникина. 1919. М., 1931.

Какурин Н. Как сражалась революция. Т. II. М.; Л., 1926.

Кубанин М. Махновщина. Л., 1927.

Лебедь Д. Итоги и уроки трех лет махновщины. Харьков, 1921.

Махно Н. И. Под ударами контрреволюции (апрель — июнь 1918 г.). Т. II. Париж, 1936.

Махно Н. И. Русская революция на Украине (от марта 1917 г. до апреля 1918 г.). Кн. I. Париж, 1929.

Махно Н. И. Воспоминания, материалы и документы. Киев, 1991.

Равич-Черкасский М. Махно и махновщина. Екатеринослав, 1920.

Руднев В. В. Махновщина. Харьков, 1928.

Семанов С. Махно, как он есть. М., 1991.

Слащев Я. Крым в 1920 г.: Отрывки из воспоминаний. М.; Л., 1923.

Соколов К. Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921.

Телицын В. Нестор Махно. М.; Смоленск, 1998.

Тепер И. Махно. От «единого» анархизма к стопам румынского короля. Киев, 1924.

Черномордик С. Анархисты за «работой»: Махно и махновщина. М., 1933.

Эйдман Р. Очаги атаманщины и бандитизма. Харьков, 1921.

Яковлев Я. Русский анархизм в великой русской революции. Петроград, 1921.

(Указаны только книжные издания)

Содержание

Боль минувшего	1
Юность анархо-коммуниста	15
Со старушкой мамой, но не только с ней	49
Личное и общественное	58
Народный батько	71
«Винтовка рождает власть»	99
На вершине побед и славы	127
Война всех против всех	174
Последние успехи	198
Под уклон	208
Трагедия в Тавриде	250
На горькой чужбине	268
Женские пересуды	287
Аз воздам... ..	300
Библиография	316

УДК 947
ББК 63.3(2)612.8
С30

Сергей Николаевич Семанов — кандидат исторических наук, профессор, член Союза писателей России, автор книг по отечественной истории второй половины XIX—XX века.

В книге использованы фотографии из личной коллекции автора.

Семанов С. Н.
С 30 Махно. Подлинная история. — М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. — 320 с.: ил. — (Историческое расследование).
ISBN 5-7805-0830-5

О знаменитом повстанческом атамане Несторе Махно написано немало сочинений, созданы кинофильмы. К сожалению, истинный облик его нередко вольно или невольно искажали. Только сегодня, когда обнаружены многие сокрытые ранее документы и воспоминания, мы можем узнать, каким он был на самом деле, — народный батько и заступник угнетенных.

В основу книги легли сведения, полученные автором во время бесед со вдовой и единственной дочерью Нестора Ивановича.

УДК 947
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 5-7805-0830-5 © ЗАО «КОМПАНИЯ «АСТ-ПРЕСС», 2001